

Гагарин Юрий Алексеевич
Дорога в космос. Записки летчика-космонавта СССР

"Военная литература": militera.lib.ru

Издание: Гагарин Ю.А. Дорога в космос. Записки летчика-космонавта СССР. - М.: Правда, 1961.

Книга в сети: militera.lib.ru/explo/gagarin_ua/index.html

Иллюстрации: militera.lib.ru/explo/gagarin_ua/ill.html

Источник: Эпизоды космонавтики (epizodsspace.testpilot.ru)

OCR, правка: Хлынин Сергей (hlynin@mail.ru)

Дополнительная обработка: [sdh\(glh2003@rambler.ru\)](mailto:sdh(glh2003@rambler.ru)); [Hoaxer\(hoaxer@mail.ru\)](mailto:hoaxer@mail.ru)

Гагарин Ю.А. Дорога в космос. Записки летчика-космонавта СССР / Лит.запись специальных корреспондентов "Правды" Н. Денисова и С. Борзенко. Под ред. и с пред. генерал-лейтенанта авиации Н. Каманина. - М.: Правда, 1961. - Тираж 100 000 экз.

Из предисловия: Значение книги "Дорога в космос" огромно. Она представляет собой живое свидетельство первого человека, побывавшего там, где еще никто не был, свершившего то, что еще никто не свершал. Автор ее, Ю. А. Гагарин, мало говорит о себе и больше рассказывает о тех, кто его воспитывал в семье, в школе, в ремесленном училище, в аэроклубе и индустриальном техникуме, в военном училище и в авиационном полку; о тех, кто готовил и снаряжал его в космический полет, о творцах космического корабля "Восток", о товарищах-космонавтах.

Содержание

Предисловие

Смоленщина - мои родные края

В ряды рабочего класса

Я становлюсь летчиком

Присяга на верность Родине

При свете северного сияния

Готовность номер один

Среда, 12 апреля

Жизнь для Родины

Список иллюстраций

Предисловие

Уже первые главы записок Героя Советского Союза Юрия Алексеевича Гагарина "Дорога в космос", опубликованные на страницах "Правды", вызвали большой поток писем и откликов многочисленных читателей как Советского Союза, так и зарубежных стран.

Авторы этих писем признают огромное воспитательное значение книги советского космонавта для молодого поколения. Многие читатели пишут о том, что найдена новая форма художественной публицистики, хорошо показан герой нашего легендарного времени - времени строительства коммунизма, верно изображен целеустремленный характер советского человека, воспитанного Коммунистической партией.

В увлекательных автобиографических записках Ю. А. Гагарина воспета история передовой молодежи нашей страны. Старший инженер одного из калининградских заводов пишет: "Я уверен, что рассказ героя Гагарина станет настольной книгой у наших юношей и девушек". А вот строки из письма, пришедшего из шахтерского города Кемерово. "Дорога в космос", - говорится в нем, - читается всеми с непередаваемой радостью и гордостью за Коммунистическую партию, воспитывающую таких героев, как первый космонавт". Учитель-коммунист из поселка Перово пишет: "Это героическая поэма из жизни колхозного мальчика, закалившегося в рядах рабочего класса, ставшего всечеловеческой гордостью - первым космонавтом в мире".

Во многих письмах сообщается, что во время публикации записок Ю. А. Гагарина они прочитывались вслух на пионерских сборах и комсомольских собраниях, в воинских частях и в цехах. Ими интересуются люди всех возрастов и профессий. Их перепечатывали газеты и журналы многих стран мира.

Мне, хорошо знающему Ю. А. Гагарина, хочется присоединиться к мнению многочисленных читателей. Действительно, это новая, не похожая на другие, по-новому написанная, жизнерадостная книга. Она полна живого тепла и любви к Коммунистической партии, к советским людям, к нашей социалистической Родине. Значение книги "Дорога в космос" огромно. Она представляет собой живое свидетельство первого человека, побывавшего там, где еще никто не был, свершившего то, что еще никто не свершал. Автор ее, Ю. А. Гагарин, мало говорит о себе и больше рассказывает о тех, кто его воспитывал в семье, в школе, в ремесленном училище, в аэроклубе и индустриальном техникуме, в военном училище и в авиационном полку; о тех, кто готовил и снаряжал его в космический полет, о творцах космического корабля "Восток", о товарищах-космонавтах.

После исторического дня - 12 апреля 1961 года - появилось много очерков и статей о первом советском космонавте, опубликовано немало его портретов. Людям понравилась солнечная гагаринская улыбка, его чистый, открытый взгляд, его душевная непосредственность. Многие художники и скульпторы стремятся запечатлеть облик Юрия Гагарина для будущих поколений. Но самым лучшим его портретом является образ, нарисованный Никитой Сергеевичем Хрущевым в речи на Красной площади в Москве, когда народ приветствовал первого космонавта. "Юрий Алексеевич Гагарин, - это наш первооткрыватель космических путешествий, - сказал Н. С. Хрущев. - Он первым совершил путешествие по орбите вокруг земного шара. Если имя Колумба, который пересек Атлантический океан и открыл Америку, живет в веках, то что можно сказать о нашем замечательном герое товарище Гагарине, который проник в космос, облетел весь земной шар и благополучно вернулся на Землю. Имя его будет бессмертно в истории человечества". Подвиг коммуниста Юрия Гагарина - это подвиг всего советского народа, советской науки и техники. Первому полету человека в космос предшествовала огромная творческая работа многих тысяч людей в продолжение нескольких лет. В книге хорошо рассказано, как этап за этапом развивалась советская космонавтика. Это история полетов первых искусственных спутников Земли, космических кораблей и межпланетных автоматических станций, вознесших к звездам Вселенной вымпелы с Государственным гербом Советского Союза.

Многих прославленных советских летчиков вспоминает Ю. А. Гагарин на страницах своих записок. И это естественно. Любимое детище нашего народа, советский Воздушный Флот породил немало настоящих богатырей, ставших учителями первых космонавтов. Юрий Гагарин воспитан на славных традициях старшего поколения советских летчиков, не раз прославлявших свою социалистическую Родину беспримерными полетами, непревзойденным боевым героизмом. Его космический полет приумножил эти традиции наших авиаторов, всегда летавших дальше, быстрее и выше всех.

Весь лагерь социализма гордится первым полетом человека в космос, осуществленным советским народом. Миллионы людей на земном шаре восхищены учеными, инженерами, техниками, рабочими, вложившими свои разум и сердце в создание чудо-корабля "Восток" и в его изумительный полет. Этим необыкновенным достижением Советский Союз еще раз показал всему человечеству, на что способен гений свободного народа. Находясь в полете, Юрий Гагарин - верный сын Коммунистической партии - знал, что космический корабль, построенный и снаряженный советским народом, несет великие идеи Ленина вокруг земного шара.

Наша Родина - страна массового героизма. Добровольцев, желающих овладеть космическими специальностями, десятки тысяч. Придет время, и они новыми подвигами прославят свою социалистическую Отчизну. "Мы будем продолжать эту работу и впредь, - говорил Н. С. Хрущев. - Все новые и новые советские люди по неизведанным маршрутам полетят в космос, будут изучать его, раскрывать и дальше тайны природы и ставить их на службу человеку, его благосостоянию, на службу миру".

Записки Юрия Гагарина "Дорога в космос" - это только первая часть книги, в которую и он сам, и талантливые творческие коллективы советских ученых, инженеров и рабочих, и его товарищи-космонавты впишут еще немало славных страниц, создавая героическую летопись открытой нашим народом космической эры.

Герой Советского Союза
генерал-лейтенант авиации

Еще в тот день, когда мне, простому советскому человеку, военному летчику, был доверен первый в мире полет в космос на созданном нашими учеными, рабочими и инженерами корабле-спутнике "Восток", сразу же в районе приземления корреспондент "Правды" попросил меня рассказать читателям газеты о своей жизни, о полете в космическое пространство, поделиться планами дальнейшей работы. С радостью выполняю эту просьбу редакции "Правды".

Смоленщина - мои родные края

...Семья, в которой я родился, самая обыкновенная, она ничем не отличается от миллионов трудовых семей нашей социалистической Родины. Мои родители - простые русские люди, которым Великая Октябрьская социалистическая революция, как и всему нашему народу, открыла широкий и прямой путь в жизни.

Отец мой - Алексей Иванович Гагарин - сын смоленского крестьянина-бедняка.

Образование у него было всего два класса церковноприходской школы. Но человек он любознательный и многого добился путем самообразования; в нашем селе Клушино, что недалеко от Гжатска, слыл мастером на все руки. Он все умел делать в крестьянском хозяйстве, но больше всего плотничал и столярничал. Я до сих пор помню желтоватую пену стружек, как бы обмывающих его крупные рабочие руки, и по запахам могу различить породы дерева - сладковатого клена, горьковатого дуба, вяжущий привкус сосны, из которых отец мастерил полезные людям вещи.

Одним словом, к дереву я отношусь с таким же уважением, как и к металлу. О металле много рассказывала мама - Анна Тимофеевна. Ее отец, а мой дед, Тимофей Матвеевич Матвеев работал сверловщиком на Путиловском заводе в Петрограде. По рассказам мамы, он был кряжевый человек, мастер своего дела - рабочий высокой квалификации, из тех, которые могли, что называется, блоху подковать и из куска железа выковать цветок. Мне не пришлось видеть деда Тимофея, но в нашей семье хранят память о нем, о революционных традициях путиловцев.

Мама наша, так же как и отец, в молодости не смогла получить образования. Но она много читала и многое знает. Она могла правильно ответить на любой вопрос детей. А было нас в семье четверо: старший брат Валентин, родившийся в год смерти В. И. Ленина, сестра Зоя, тремя годами моложе, наконец, я и наш меньшой брат Борис.

Родился я 9 марта 1934 года. Родители работали в колхозе, отец плотничал, а мать была дояркой. За хорошую работу ее назначили заведующей молочнотоварной фермой колхоза. С утра и до поздней ночи она работала там. Дел у нее было невпроворот: то коровы телятся, то с молодняком беспокойство, то о кормах волнения.

Красивым было наше село. Летом все в зелени, зимой в глубоких сугробах. И колхоз был хороший. Люди жили в достатке. Наш дом стоял вторым на околице, у дороги на Гжатск. В небольшом саду росли яблоневые и вишневые деревья, крыжовник, смородина. За домом расстилался цветистый луг, где босоногая ребятня играла в лапту и горелки. Как сейчас, помню себя трехлетним мальчонкой. Сестра Зоя взяла меня на Первомайский праздник в школу. Там со стула я читал стихи:

"Села кошка на окошко.

Замурлыкала во сне..."

Школьники аплодировали. И я был очень горд: как-никак, первые аплодисменты в жизни. Память у меня хорошая. И я очень многое помню. Бывало, заберешься тайком на крышу, а перед тобой колхозные поля, бескрайние, как море, теплый ветер гонит по ржи золотистые волны. Подынешь голову, а там чистая голубизна... Так бы, кажется, и окунулся в эту красу, и поплыл к горизонту, где сходятся земля и небо. А какие были у нас березы! А сады! А речка, куда мы бегали купаться, где ловили пескариков! Бывало, примчишься с ребятами к маме на ферму, а она каждому нальет по кружке парного молока и отрежет по ломтю свежего ржаного хлеба. Вкуснота-то какая!

Мама, бывало, посмотрит на нас, на своих и соседских ребят, и скажет:

- Счастливое у вас детство, пострелы, не такое, как было у нас с отцом.

И задумается, и взгрустнет. И лицо у нее такое милое-милое, как на хорошей картине.

Очень я люблю свою маму, и всем, чего достиг, обязан ей.

Был у отца брат - Павел Иванович. Служил он ветеринарным фельдшером. Очень мы любили, когда дядя Паша приходил к нам и оставался ночевать. Постелят нам рядно на сене, ляжем мы, дети, вместе с дядей, и пойдут разговоры. Лежим навзничь с раскрытыми глазами, а над нами созвездия одно краше другого. Валентин, мой старший брат, все допытывался:

- Живут ли там люди?

Дядя Паша усмехнется и задумчиво скажет:

- Кто его знает... Но думаю, жизнь на звездах есть... Не может быть, чтобы из миллионов планет посчастливилось одной Земле...

Меня все время тянуло в школу. Хотелось так же, как брат и сестра, готовить по вечерам уроки, иметь собственный пенал, свою грифельную доску и тетрадки. Частенько с завистью вместе со своими сверстниками подглядывал я в окно школы, наблюдая, как у доски ученики складывали из букв слова, писали цифры. Как всем ребятам, хотелось поскорее повзрослеть. Когда мне исполнилось семь лет, отец сказал:

- Ну, Юра, нынешней осенью пойдешь в школу...

В нашей семье авторитет отца был непререкаем. Строгий, но справедливый, он преподавал нам, своим детям, первые уроки дисциплины, уважения к старшим, любовь к труду.

Никогда не применял ни угроз, ни брани, ни шлепков, никогда не задабривал и не ласкал без надобности. Он не баловал нас, но был внимателен к нашим желаниям. Соседи любили и уважали его; в правлении колхоза считались с его мнением. Вся жизнь отца была связана с колхозом. Колхоз был для него вторым домом. Он инвалид, нога у него больная, через нее он и в гражданской войне не сражался.

Как-то в воскресенье отец прибежал из сельсовета. Мы никогда не видали его таким встревоженным и растерянным. Слово выстрелил из дробовика, выдохнул одно слово:

- Война!

Мать, как подкошенная, опустилась на залавок, закрыла фартуком лицо и беззвучно заплакала. Все как-то сразу вдруг потускнело. Горизонт затянуло тучами. Ветер погнал по улице пыль. Умолкли в селе песни. И мы, мальчишки, притихли и прекратили свои игры.

В тот же день из села в Гжатск на подводах и на колхозном грузовике с фанерными чемоданчиками уехали новобранцы. Цвет колхоза: трактористы, комбайнеры, животноводы и полеводы. Весь колхоз провожал парней, уходящих на фронт. Было сказано много напутственных слов, пролито немало горячих слез.

Как вода в половодье, подкатывалась война все ближе и ближе к нашей Смоленщине.

Через село молча, как тени, проходили беженцы, проезжали раненые, все двигалось куда-то далеко в тыл за тридевять земель. Говорили, что фашисты стерли с лица земли Минск, что идут кровавые бои под Ельней и Смоленском. Но все верили: фашисты не пройдут дальше.

Наступил сентябрь, и я со своими сверстниками направился в школу. Это был долгожданный торжественный и все же омраченный войною день. Едва мы познакомились с классом, начали выводить первую букву "А" да складывать палочки, как слышим:

- Фашисты совсем близко, где-то под Вязьмой...

И как раз в этот день над нашим селом пролетело два самолета с красными звездами на крыльях. Первые самолеты, которые мне пришлось увидеть. Тогда я не знал, как они называются, но теперь, припоминая, один из них был "ЯК", а другой "ЛАГГ". Он был подбит в воздушном бою, и летчик тянул его из последних сил на болото, поросшее кувшинками и камышом. Самолет упал и переломился, а пилот, молодой парень, удачно выпрыгнул над самой землей.

Рядом с болотцем, на луг, опустился второй самолет - "ЯК". Летчик не оставил товарища в беде. Все мы, мальчишки, сразу побежали туда. И каждому хотелось хоть дотронуться до летчиков, залезть в кабину самолета. Мы жадно вдыхали незнакомый запах бензина, рассматривали рваные пробоины на крыльях машин. Летчики были возбуждены и злы. Жестикулируя руками, они говорили, что дорого достался немцам этот исковерканный "ЛАГГ". Они расстегнули свои кожаные куртки, и на их гимнастерках блеснули ордена. Это были первые ордена, которые я увидел. И мы, мальчишки, поняли, какой ценой достаются военные награды.

Каждый в селе хотел, чтобы летчики переночевали именно у него в доме. Но они провели ночь у своего "ЯКа". Мы тоже не спали и, поживаясь от холода, находились с ними и, пережаривая молодой сон, не спускали с их лиц слипающихся глаз. Утром летчики улетели, оставив о себе светлые воспоминания. Каждому из нас захотелось летать, быть

такими же храбрыми и красивыми, как они. Мы испытывали какое-то странное, неизведанное чувство.

События разворачивались быстро. Через село поспешно прошли колонны грузовиков, торопливо провезли раненых. Все заговорили об эвакуации. Медлить было нельзя. Первым ушел с колхозным стадом дядя Паша. Собирались в путь-дорогу и мать с отцом, да не успели. Загремел гром артиллерийской канонады, небо окрасилось кровавым заревом пожаров, и в село неожиданно на велосипедах ворвались немецкие самокатчики. И пошла тут несусветная кутерьма. Начались повальные обыски: фашисты все партизан искали, а под шумок забирали хорошие вещи, не брезговали и одеждой, и обувью, и харчами.

Нашу семью выгнали из дома, который заняли немецкие солдаты. Пришлось выкопать землянку, в ней и ютились. Жутко было ночами, когда в небе заунывно гудели моторы фашистских самолетов, идущих в сторону Москвы. Отец и мать ходили темнее тучи. Их волновала не только судьба семьи, а и судьба колхоза, всего нашего народа. Отец не спал по ночам, все прислушивался, не загремят ли советские пушки, не наступают ли наши войска, он беспокойно шептался с матерью о появившихся вблизи белорусских партизанах, тревожился о Валентине и Зое - они уже были почти взрослые, а в соседних селах гестаповцы и полиция угоняли молодежь в неволю.

Ни радио, ни газет, ни писем - никаких известий о том, что делается в России, в село к нам не поступало. Но вскоре наши почувствовали: немцам крепко наломали бока. Через село повезли раненых и обмороженных гитлеровских солдат. И с каждым днем все больше и больше. Помню, как ночью отец вздул огонь, поднялся из землянки наверх, постоял там и, вернувшись, сказал матери:

- Стреляют...

- Может, партизаны? - переспросила мама,

- Нет, регулярная армия. По всему окоему гремит...

С утра через село сплошным потоком загудели немецкие машины с солдатами, танки и пушки. Это уже была не та армия, что совсем недавно двигалась на восток. Как потом мы узнали, мимо нас пятились остатки эсэсовской дивизии, разгромленной под Москвой. Все наши сельчане ждали близкого часа освобождения. Но фашистам удалось удержаться на оборонительном рубеже, и наше село осталось в их ближних тылах.

Наш дом теперь облюбовал матерый фашист из Баварии. Звали его, кажется, Альбертом. Он занимался зарядкой аккумуляторов для автомашин и терпеть не мог нас, детей.

Помню, как-то раз младший братишка Боря подошел из любопытства к его мастерской, а он схватил его за шарфик, повязанный вокруг шеи, и на этом шарфике подвесил на яблоневый сук. Подвесил и заржал, как жеребец. Ну, мать, конечно, бросилась к Боре, а баварец не пускает ее. Что мне было делать? И брата жалко, и мать жалко. Хочу позвать людей - и не могу: сперло дыхание, будто не Борьку, а меня повесили. Был бы я взрослым, я бы ему показал, этому фашисту треклятому...

Хорошо, что баварца кликнул какой-то начальник, и мы с мамой спасли нашего Бориса. Унесли его, в землянку и едва привели в чувство.

Подражая старшим, мы, мальчишки, потихоньку, как могли, вредили немцам.

Разбрасывали по дороге острые гвозди и битые бутылки, прокалывавшие шины немецких машин, а Альберту этому, что в нашем доме хозяйничал, в выхлопную трубу от его движка запихивали тряпки и мусор. Он меня ненавидел и несколько дней не подпускал к землянке. Пришлось ночевать у соседей, а там только и разговору было, как досадить фашистам.

Фронт хоть и медленно, но все-таки приближался к селу. Это даже мы, дети, чувствовали по нарастающему гулу артиллерийской стрельбы. Скоро передовая стала совсем близко - всего в восьми километрах от нашего дома. Село было забито немецкими войсками. По нему наши палили из пушек и бомбили его с самолетов. В особенности досаждали фашистам наши "ночники" - "ПО-2". Всю ночь стрекочут, как кузнечики, и сыплют и сыплют "гостинцы". Так мы и жили, в огне и дыму. День и ночь что-нибудь горело поблизости.

Ничто не проходило мимо детских внимательных глаз. Мы, ребята, все видели, все замечали. Помню, пролетели над селом шесть наших самолетов. Затем послышался гул бомбежки. Смотрим, обратно возвращаются. Но одного не хватает. Было шесть самолетов, а стало пять. И считать-то мы могли тогда только до десяти, и вычитания еще не проходили, а поняли, что одного недостает. Стали соображать: куда делся? А тут и он. Горит, но летит над самой улицей, забитой войсками, и бьет по ним из всех пушек. Фашисты - кто куда. Шум. Крик. Паника.

Стали мы гадать: долетит до своих или не долетит? А летчик развернулся и снова на колонну. Теперь уже сыплет бомбами. А потом и сам в самую гущу немцев врезался. - Как Гастелло! Как Гастелло! - закричали мы, знавшие от взрослых о подвиге человека с этой фамилией.

И самолет и летчик сгорели. Так никто в селе и не доведалься, кто он, откуда родом. Но каждый знал: то был настоящий советский человек. До самого последнего дыхания он бил врагов. Весь день мальчишки проговорили о безымянном герое. Никто не сказал вслух, но каждый хотел бы так же вот жить и умереть за Родину.

"Кто же отомстит за смерть героя? - тоскливо думали мы. - Кто расскажет его товарищам, как он погиб?"

Вскоре мы доведалься, что этот самолет подбили немецкие зенитчики, окопавшиеся за селом на холме. Возмездие пришло незамедлительно. Утром нагрянула пятерка таких же самолетов - теперь-то я знаю, что это были штурмовики - "ИЛы", - и смешала с землей и зенитную батарею и прислугу. Ни один фашист не уцелел. Здорово дали!

Клушино в то время было отрезано от всего мира. Что делалось на фронтах, никто не знал. Но как-то прилетел самолет, выбросил пачку листовок. Как стая белых голубей, они долго кружились в небе и, наконец, опустились за околицей, на заснеженном лугу. Я схватил одну, мельком глянул, вижу, рисунок: груды черепов, а сверху ворон сидит с мордой Гитлера. И русские буквы. А прочесть-то я их не могу. Огляделся, нет ли фашистов поблизости, ведь за листовки они смертельно карали, сунул ее за пазуху и бегом в землянку. Там Зоя прочитала и обрадованно засмеялась:

- Юрка, знаешь, какая победа!

В листовке рассказывалось о разгроме гитлеровцев под Сталинградом. Радости не было конца. Во всех землянках только и говорили о поражении фашистов.

Вскоре загремело и на нашем фронте. Началось наступление советских войск. Тут-то эсэсовцы и забрали нашего Валентина и Зою и в колонне, вместе с другими девушками и парнями, погнали на запад, в Германию. Мать вместе с другими женщинами долго бежала за колонной, ломая руки, а их все отгоняли винтовочными прикладами, натравливали на них псов.

Большое горе свалилось на нас. Да и не только мы - все село умывалось слезами. Ведь в каждой семье фашисты кого-нибудь погнали в неволю.

Но горе не бывает бесконечным, наступила радость, да еще какая! В полночь в землянку к нам заглянули два человека в белых полушубках, в шапках-ушанках, с автоматами, покрытыми изморозью. Дали отцу закурить и начали расспрашивать. Это была наша разведка. Первая за все время. У нас у самих нечего было есть, но мать захлопотала, чтобы накормить их, наварила картошки, правда, соли не оказалось.

Разведчики исчезли так же тихо, как и появились. Словно во сне. Я даже на рассвете спросил о них у отца. А он хитро посмотрел на меня, усмехнулся и говорит:

- Я сам как во сне...

Через день немцы покинули наше село. Отец вышел навстречу нашим и показал, где фашисты заминировали дорогу. Всю ночь он тайком наблюдал за работой немецких саперов. Наш полковник, в высокой смушковой папахе и зеленых погонах на шинели, при всем народе объявил отцу благодарность и расцеловал его, как солдата.

Отец ушел в армию, и остались мы втроем: мама, я и Бориска. Всем в колхозе заправляли теперь женщины и подростки.

После двухлетнего перерыва я снова отправился в школу. На четыре класса у нас была одна учительница - Ксения Герасимовна Филиппова. Учились в одной комнате сразу первый и третий классы. А когда кончались наши уроки, нас сменяли второй и четвертый классы. Не было ни чернил, ни карандашей, ни тетрадок. Класную доску разыскали, а вот мела не нашли. Писать учились на старых газетах. Если удавалось раздобыть оберточную бумагу или кусок старых обоев, то все радовались. На уроках арифметики складывали теперь не палочки, а патронные гильзы. У нас, мальчишек, все карманы были набиты ими.

От старшего брата и сестры долго не было никаких известий. Но бежавшие из неволи и вернувшиеся в село соседи рассказывали, что и Валентин и Зоя тоже удрали от фашистов и остались служить в Советской Армии. Вскоре пришел треугольничек письма со штампом полевой почты, и я по слогам прочел матери, что писала нам Зоя. А писала она, что служит по ветеринарному делу в кавалерийской части. Затем пришло письмо и от Валентина. Он воевал с фашистами на танке, был башенным стрелком. Я радовался, что брат и сестра живы, и еще гордился, что они колошматят гитлеровцев, от которых мы столько натерпелись.

Отец далеко с армией не пошел. С молодости он хворал, а при немцах с голодухи у него началась еще и язва желудка. Он попал в военный госпиталь в Гжатск да так и остался в нем служить нестроевым. И служил и лечился одновременно.

Война длилась долго - казалось, целую вечность. У всех ныла душа: ведь у каждого близкие находились на фронте.

Почтальон был самым желанным гостем в каждой землянке. Ежедневно приносил он то радостные, то печальные известия. Одного наградили орденом, другого убили...

В классе у нас висела старенькая карта Европы, и мы после уроков переставляли на ней красные флажки, отмечавшие победоносное шествие наших войск.

- Советские солдаты освободили Бухарест!

- Софию!

- Ворвались в Белград - столицу Югославии!

- Советские войска начали боевые действия на германской земле!

- Они уже в Австрии,- со слезами радости на глазах сообщала нам Ксения Герасимовна приятные новости.

- Под влиянием побед Советской Армии в странах Европы ширится движение Соппротивления, разгорается партизанская борьба, трещит тыл фашистской Германии.

Мы часами простаивали у карты, изучали географию по военным сводкам

Совинформбюро.

Учебников не было, и многие мальчики учились читать по "Боевому уставу пехоты", забытому солдатами в сельсовете.

И хотя в уставе многое было непонятно, книга ребятам нравилась: она требовала от каждого порядка и дисциплины.

Все ждали окончания войны. И вот как-то раз прибежала из сельсовета мать, пахнувшая распаханной землей, обняла меня, расцеловала.

- Гитлеру капут, наши войска взяли Берлин!

Я выбежал на улицу и вдруг увидел, что погода разгулялась, на дворе весна, цветут сады, над головой синее-пресинее небо и в нем поют жаворонки. Нахлынуло столько еще не изведанных, радостных чувств и мыслей, что даже закружилась голова. Я ждал скорого возвращения сестры и брата.

Отныне начиналась новая, ничем не омрачаемая жизнь, полная солнечного света. С детства я люблю солнце!

Кончилась война, и моего отца оставили в Гжатске отстраивать разрушенный оккупантами город. Он перевез туда из села наш старенький деревянный домишко и снова его собрал. Но я никак не мог позабыть наш старенький домик в Клушино, окруженный кустами сирени, смородины и бересклета, лопухи и чернобыльник, синие медвежьи ушки - все то, что связывало меня с детством. Теперь мы стали жить в Гжатске, на Ленинградской улице. И школа у меня теперь была другая. Меня приняли в третий класс Гжатской базовой школы при педагогическом училище. Училище это готовило учителей начальных классов. Будущие педагоги проходили практику в нашей четырехклассной школе.

С нами занималась совсем молоденькая учительница Нина Васильевна Лебедева.

Грамотная, внимательная, начитанная, она болела за каждого. Вела она все предметы. По ее оценкам, учился я хорошо. Нина Васильевна часто рассказывала нам о Ленине, показывала книжку, в которой был напечатан табель с отметками гимназиста Володи Ульянова. Там были сплошные пятерки. - Вот и вы, ребята, должны учиться так же отлично,- говорила Нина Васильевна.

Мои товарищи по классу рисовали портреты Владимира Ильича, писали о нем стихи.

Многие у нас в классе рисовали и сочинительствовали. Но у меня к этому не было склонности - я больше любил арифметику. Хорошая была школа, милые ребята учились в ней! У многих не было отцов - погибли на войне, многие были круглыми сиротами.

Каждый из них настрадался за войну, видел ужасы, чинимые оккупантами, испытал муки голода и бесправия - все то, что невозможно ни забыть, ни простить. А дети со временем становятся взрослыми.

Минуло два года, я сдал свои первые в жизни экзамены по русскому языку и арифметике и перевелся в другую школу, в пятый класс. Там я вступил в пионерскую организацию. В Доме пионеров занимался в духовом оркестре, участвовал в драмкружке, выступал на школьных спектаклях. Жил так, как жили все советские дети моего возраста.

В это время попала мне книга, которая оставила яркий след на всю жизнь. Это был рассказ Льва Толстого "Кавказский пленник". Очень мне нравился русский офицер Жилин, его упорство и смелость. Такой человек нигде не пропадет. Попав в плен, он

бежал да еще помогал бежать Костылину, человеку, слабому духом. Татарка Дина тоже была прелестной. Перечитывая рассказ, я все время примеривал его героев к знакомым людям. Ведь брат мой Валентин тоже бежал из плена. И в нем я находил черты полюбившегося мне Жилина.

Русскую литературу преподавала Ольга Степановна Раевская - наш классный руководитель, внимательная, заботливая женщина. Было в ней что-то от наших матерей - требовательность и ласковость, строгость и доброта. Она приучала нас любить русский язык, уважать книги, помогала понимать написанное. От нее мы узнали, как работали Пушкин и Лермонтов, как их убили на дуэлях, каким был Гоголь, как писал свои басни дедушка Крылов. Мы декламировали Максима Горького: "Буревестник с криком реет, черной молнии подобный, как стрела пронзает тучи, пену волн крылом срывает".

Мальчики и девочки учились вместе, сидели рядом на одних партах, помогали друг другу. Такая система с детства прививает уважение к другому полу. В шестом классе меня избрали старостой. Дружил я тогда, да и сейчас продолжаю дружить с Валею Петровым и Женей Васильевым. Славные товарищи. Мы помогали друг другу готовить уроки. Петров сейчас в Гжатске, работает техником по лесомелиорации на ремонтно-технической станции. Васильев работает в Москве. С нами дружила Тоня Дурасова. Милая, любознательная девчушка, с ясным, открытым взглядом. Сейчас она продавщица в одном из гжатских магазинов.

- Физику в школе преподавал Лев Михайлович Беспалов. Интереснейший человек! Прибыл он из армии и всегда ходил в военном кителе, только без погон. В войну служил в авиационной части, не то штурманом, не то воздушным стрелком-радистом. Было ему лет тридцать. Но по лицу его можно было понять, что человек этот многое видел, многое пережил.

Лев Михайлович в небольшом физическом кабинете показывал нам опыты, похожие на колдовство. Нальет в бутылку воды, вынесет на мороз, и бутылка разорвется, как граната. Или проведет гребнем по волосам, и мы слышим треск и видим голубые искры. Он мог заинтересовать ребят, и мы запоминали физические законы так же легко, как стихи. На каждом его уроке узнавали что-то новое, интересное, волнующее. Он познакомил нас с компасом, с простейшей электромашинкой. От него мы узнали, как упавшее яблоко помогло Ньютону открыть закон всемирного тяготения. Тогда я, конечно, и не мог подозревать, что мне придется вступить в борьбу с природой и, преодолевая силы этого закона, оторваться от земли, но смутные предчувствия, ожидания чего-то значительного уже тогда зарождались во мне.

В школе пионеры организовали технический кружок. Душой его был Лев Михайлович. Мы сделали летающую модель самолета, раздобыли бензиновый моторчик, установили его на фюзеляж, сделанный из камыша, казеиновым клеем прикрепили крылья. То-то радости было, когда эта модель взмыла в воздух и, набирая высоту, полетела, проворная, как стрекоза! Вместе с нами радовались и математичка Зинаида Александровна Комарова и завуч депутат Верховного Совета СССР Ираида Дмитриевна Троицкая. А Лев Михайлович почти серьезно пообещал:

- Быть вам, хлопцы, летчиками...

В ряды рабочего класса

Окончив в Гжатске шесть классов средней школы, я стал задумываться о дальнейшей судьбе. Хотелось учиться, но я знал, что отец с матерью не смогут дать мне высшее образование. Зарботки у них небольшие, а в семье нас шестеро. Я всерьез подумывал о том, что сначала надо овладеть каким-то ремеслом, получить рабочую квалификацию, поступить на завод, а затем уже продолжать образование. Так делало старшее поколение, те, которые строили ДнепрогЭС и Магнитку, прокладывали Турксиб, основали Комсомольск-на-Амуре. Да и теперь, после войны, многие поступали так же. Все это я обдумывал наедине, советоваться было не с кем: ведь мать наверняка не отпустит меня. Для нее я все еще оставался ребенком. Но про себя решил: если уеду из Гжатска, то только в Москву. Ни разу не побывав в ней, я был влюблен в нашу столицу, собирал открытки с фотографиями кремлевских башен, мостов через Москву-реку, памятников. Хоть сам я и не рисовал, но страстно хотел побывать в Третьяковской

галерею. Мечтал пройтись по Красной площади, поклониться великому Ленину. Да и зацепка была у меня насчет Москвы. Ведь там жил брат отца - Савелий Иванович, работавший в строительной конторе. У него были две дочки - Антонина и Лидия, мои двоюродные сестры. Когда я сказал дома, чтобы отпустили меня к дяде Савелию, мать заплакала, а отец, подумав, сказал:

- На хорошее ты дело решился, Юрка. Езжай... В Москве еще никто не пропадал. Учителя отговаривали: надо, мол, окончить семь классов. Но я уже тогда стремился не изменять однажды принятых решений. Собрали меня в дорогу. В поезде волновался: как встретят в Москве? Дядя жил на скромный заработок, а тут в его семье прибавлялся лишний рот. Но встретили меня хорошо, я бы сказал, даже очень хорошо. Сильно обрадовались двоюродные сестры.

Первые дни они показывали столицу со всеми ее красотами, а потом Тоня отвезла меня в Люберцы на завод сельскохозяйственных машин. Там в ремесленное училище набирали молодежь. Еще в Гжатске я решил, что буду учиться на токаря, в крайнем случае стану слесарем. А тут выясняется такая картина: на слесарное и токарное отделения берут с семилетним образованием. А у меня только шесть классов, прямо хоть плачь!

- Не горюй, парень,- сказал директор ремесленного училища,- возьмем тебя в литейщики... Видал в Москве памятник Пушкину? Это, брат, работа литейщиков. Этот довод меня сразил, и я с легким сердцем согласился: литейщик так литейщик. Экзамены были нетрудные. Я их выдержал, был зачислен в училище. Дали мне первую в жизни форменную одежду - фуражку с рабочей эмблемой на околыше, аккуратную гимнастерку, брюки, ботинки, шинель, ремень со светлой пряжкой. Все это подогнало по фигуре и росту. В тот же день я на последние деньги сфотографировался. Получил карточки и не верю: я это или не я? Фотографии, конечно, тут же послал домой и друзьям: смотрите, мол, любуйтесь, какой я стал, вроде как офицер.

Через несколько дней мастер Николай Петрович Кривов повел нас на завод. Это знаменитый завод. Николай Петрович сказал, что машины, которые тут делают, можно встретить на полях в любом уголке советской земли. И я припомнил, что и у нас в селе были машины с маркой Люберецкого завода.

Сначала мастер показывал нам механические цехи, там мы увидели много станков и, конечно, еще не понимали, что к чему. А затем Николай Петрович повел нас к месту будущей работы - в литейный цех. Тут мы совсем оробели - куда ни глянь, огонь, дым, струи расплавленного металла. И повсюду рабочие в спецовках, занятые работой.

- А, новички прибыли,- обрадовался высокий усатый бригадир,- присматривайтесь, привыкайте обращаться с огнем. - И тут же с гордостью добавил: - Огонь силен, вода сильнее огня, земля сильнее воды, но человек сильнее всего!

Мы все побаивались: вот что-нибудь сорвется сверху, ударит, прильет. Или вырвется горячий металл и обожжет. Жались к Николаю Петровичу, старались не отходить от него ни на шаг.

Затем мастер привел нас в механизированный литейный цех. Там из белого чугуна отливали средние и мелкие детали к машинам. Водил он нас и к термическим печам, показывал производство отжига, объяснял, как хрупкий металл превращается в вязкий, ковкий чугун. И, странное дело, к концу дня мы стали привыкать к заводу и уже перестали бояться его, как вначале.

Вскоре меня определили к станку - учили специальности формовщика. Рядом со станком двигался конвейер. Мы делаем формы, ставим стержни, накрываем опоку - и на конвейер. К концу дня приходит мастер. Схватился за голову:

- Что же вы, дорогие мальчуганы, гоните сплошной брак?

Стержни мы ставили с небольшим перекосом, и брака действительно получалось много. Мастер каждому из нас показал, как надо работать. На другой день дело пошло лучше. Жили мы, ремесленники, в общежитии, в деревянном домике. Наша комната, на пятнадцать человек, находилась на первом этаже. Жили мы между собой мирно, дружно. Во всем был порядок: вставали и ложились одновременно, вместе ходили в столовую - там нас кормили бесплатно,- вместе бегали в кино и на стадион, находившийся тут же под боком, в зеленой раме тополей.

Ремесленники - народ романтический. В то время мы много спорили о героизме. Говорили о том, что подвиги бывают разные. Есть такие, которые требуют от человека мгновенного решения, выбора между жизнью и смертью. К таким подвигам мы относили мужественные дела Николая Гастелло и Александра Матросова.

Но нам нравились больше подвиги, о которых народ говорит: вся жизнь - сплошной подвиг! Так говорилось о людях, всю свою жизнь подчинивших одной, главной цели и

боровшихся за нее, не отступая. Ярчайший пример тому - жизнь Владимира Ильича Ленина.

Мы прочитали все книжки про Ленина, имевшиеся в нашей библиотеке.

Нас интересовала революционная деятельность Артема, мы восхищались биографией М. В. Фрунзе. Приговоренный царским судом к смерти, М. В. Фрунзе в тюрьме самостоятельно изучал иностранные языки в надежде, что они ему еще понадобятся, и они емугодились: ведь он бежал из темницы. Поистине Фрунзе знал "одну, но пламенную страсть". До сих пор помню слова Михаила Васильевича, читанные вслух в общежитии: "Мы, смертники, обыкновенно не спали часов до пяти утра, чутко прислушиваясь к каждому шороху... Это трагические были часы. В это время на глазах у всех уводили вешать. От спокойных товарищей услышишь слова: "Прощай, жизнь! Свобода, прощай!" Дальше звон цепей и кандалов делается все тише и тише. Потом заскрипят железные двери тюрьмы, и все стихнет. Сидят ребята и гадают: "Чья же очередь завтра ночью? Вот уж пятого увели". Слез было немного".

Я напоминаю эти волнующие строки затем, чтобы молодежь знала: революционная борьба старшего поколения требовала жертв и постоянного героизма.

Цех мне понравился. Я перестал завидовать токарям. Работа спорилась и с каждым днем становилась все интереснее. Мне нравилось просыпаться с первым заводским гудком и, умывшись холодной водой, выходить на улицу, вливаться в поток рабочих, спешащих к проходной завода. На работу я всегда шел с гордостью. С каждым днем эта гордость укреплялась: взрослые, квалифицированные рабочие разговаривали с нами, ремесленниками, как с равными. А тут подошла и первая получка. Небольшая, конечно, - всего тридцать рублей. Но это были первые заработанные мною деньги. Половину из них я послал матери в Гжатск, на хозяйство. Мне очень хотелось помочь семье, чувствовать себя взрослым.

В ремесленном училище мы одновременно проходили теоретическую подготовку и практику. Надо признаться, что ребята не очень-то любили занятия в классе. Их все больше тянуло к формовочной земле, к расплавленному металлу. Но был у нас преподаватель, маленький такой, незаметный старичок. Фамилию я его, к сожалению, позабыл. Он преподавал черчение - науку точную и необходимую для многих специалистов. Как-то дал он мне начертить одну деталь, потом другую, третью. И все сложнее и сложнее. Я заинтересовался и в конце концов стал хорошо чертить и читать сложные чертежи. Я знал: это пригодится в будущем.

И хотя я учился, мне хотелось учиться еще больше. В библиотеке брал технические книги и злился, что в сутках всего только 24 часа. На все не хватало времени. Было жаль годы, загубленные зря при фашистской оккупации. Я мечтал окончить какой-нибудь техникум, поступить в институт, стать инженером. Но для поступления в институт требовалось среднее образование. Вместе со своими товарищами - Тимофеем Чугуновым, тоже нашим, смоленским, и Александром Петушковым из Калужской области - мы поступили в седьмой класс люберецкой вечерней школы № 1. Мы поддерживали друг друга, помогали друг другу, всегда держались втроем.

Трудновато было. Надо и на заводе работать и теоретическую учебу в ремесленном сочетать с занятиями в седьмом классе. Преподаватели и здесь попались хорошие. На преподавателей мне везло всю жизнь.

Проучился я всего один год. Этот 1950/51 учебный год был для меня сумбурным и беспокойным. Меня все куда-то тянуло.

Учителя, заметив, что я хочу учиться дальше и никогда не брошу учение, пока не получу образования, предложили поступить в Ленинградский физкультурный техникум. Ведь я среди рабочих завода зарекомендовал себя неплохим спортсменом, не раз занимал призовые места на соревнованиях.

Я прошел отборочные испытания в Мытищах, на пятерку сдал последний экзамен и вернулся в Люберцы. И тут мне сказали: можно поступить в Саратовский индустриальный техникум по литейной специальности.

- А спортом, - говорят, - можно заниматься везде...

И верно! Каждый спортсмен, каким бы он ни был мастером, должен иметь какую-то специальность и заниматься производительным трудом. Не человек для спорта, а спорт для человека!

Чугунов, Петушков и я отправились к директору ремесленного училища и попросили направления в Саратовский индустриальный техникум. Он душевно отозвался на нашу просьбу. Мы получили бесплатные билеты, сели в поезд и махнули на Волгу, где из нас никто еще не был.

Саратов нам понравился. Мы приехали туда в августе. Устроились в общежитии на Мичуринской улице, в доме № 21,- и сразу на Волгу. На берегах этой красивой реки родился великий Ленин. Мы долго стояли на пристани, любуясь быстротой течения, необозримыми далями. Эта картина гармонировала с нашим приподнятым настроением: ведь мы входили в новую, еще не изведанную жизнь, становились студентами. Все прибывшие в техникум волновались: как пройдут экзамены? А нам, люберецким, экзаменов сдавать не надо: у нас отличные оценки за семь классов. Единственное, что потребовалось,- сделать пробу по производственной практике. Но каждый из нас уже имел пятый разряд литейщика-формовщика, и, конечно, пробы сдали успешно. Вообще-то пробы сдавали все хорошо: ведь большинство будущих студентов прибыло в техникум с заводов. Многие были куда повзрослее нас, приехали даже мастера, жаждавшие получить среднее техническое образование.

Когда нас зачислили в техникум, директор сказал:

- Ну, студенты, поезжайте-ка пока, до начала занятий, в поле, помогите убрать урожай... Сели на грузовики и отправились километров за восемьдесят от Саратова в колхоз. Там на току молотили пшеницу, возили ее на элеватор в Екатериновку. Проработали недели две, получили благодарность от правления колхоза и с теми же шоферами вернулись в город. Начались занятия в техникуме. Он находился на улице Сакко и Ванцетти. Обстановка здесь была значительно серьезнее, чем в школе и ремесленном училище. И требования жестче и учебная база солиднее - лаборатории, библиотека, кабинеты по различным специальностям. В нашей группе было 35 человек, приехавших из разных городов Советского Союза. Среди них несколько коммунистов, орденосцев - участников Великой Отечественной войны; они уже были женатыми людьми, имели детей. Всех их привела сюда жажда к знаниям, стремление приносить как можно больше пользы стране. На первых порах новые знания приобретались с трудом. Люди, отвыкшие от школьной парты, хватали двойки со страшной силой. У нас троих - Петушкова, Чугунова и меня - учеба ладилась: все было еще свежо в памяти. Звали нас "неразлучными москвичами", часто обращались к нам за помощью, и мы охотно помогали товарищам разобраться в неясных вопросах. Особенно неважно было у многих студентов с математикой. Ведь это такой капризный предмет: пропустишь два-три урока, плохо усвоишь какую-нибудь формулу или правило, и все это сказывается в дальнейшем. А мы все трое любили математику. Мы понимали, что в наше время, в век атома, без математики не прожить. Все зиждется на точных расчетах. Каждый мечтал приобрести логарифмическую линейку. В техникуме царил дух товарищеской взаимопомощи. Мы, молодежь, присматривались, как ведут себя старшие, прислушивались к их мнениям, старались подражать им. "Сам погибай, а товарища выручай",- говорили порой бывшие фронтовики. Было в них что-то уже знакомое, близкое. В каждом из них проступали черты тех двух летчиков, которых пришлось увидеть в первые дни войны в селе и которые так поразили тогда мое воображение широтой своих сердец. Техникум был и для меня и для всех комсомольцев не только школой знаний, но и замечательной школой жизни.

С каждым днем у студентов все больше и больше проявлялся вкус к занятиям. Двойки постепенно исчезали, их заменяли тройки, а потом и их почти не стало. В свободное время мы много занимались спортом, организовали баскетбольную команду. Я еще в ремесленном училище пристрастился к этой быстрой, живой игре. Наша команда участвовала в городских соревнованиях и заняла первое место среди саратовских техникумов. Зимой раза три в неделю мы тренировались в спортивном зале. Был у меня друг Толя Навалихин. Он все тянул на лыжню в засыпанные снегом пригородные рощи. Но я предпочитал баскетбол. На лыжах ходил, но не так много и часто, как другие. В общежитии я жил в комнате, где, кроме меня, находилось еще четырнадцать ребят. Жили дружно, как говорится, в тесноте, да не в обиде. Вечерами ребята нередко играли в шахматы. Даже турниры организовывали. Но я не участвовал в них; по душе больше были подвижные игры, не мог сидеть часами на одном месте.

Стипендию получали мы небольшую - пятьдесят рублей в месяц на первом курсе и сто рублей - на последнем. Хотя государство и обувало нас, одевало, кормило, но все же приходилось строго рассчитывать свои расходы. Однако мы находили средства и на то, чтобы ходить в театр и в кино. В Саратове хороший оперный театр. Там я послушал "Русалку" Даргомыжского, "Кармен" Бизе, "Пиковую даму" Чайковского. Большое впечатление произвела опера Глинки "Иван Сусанин". Следя за спектаклем, я как бы сам находился на сцене с русским народом, борющимся против врагов Родины.

В кино мы бывали почаще. Обычно ходили компанией, ведь в техникуме учились и девушки. После каждого фильма обязательно обменивались мнениями, спорили. Мне

нравился фильм "Повесть о настоящем человеке", сделанный по книге Бориса Полевого. Я смотрел его несколько раз и книгу тоже прочитал не один раз. Хорошо в ней показана сила духа советского человека. Алексей Маресьев - прототип героя "Повести о настоящем человеке" - был посильнее полюбившихся мне героев Джека Лондона, он был ближе мне по духу и устремлениям. Я частенько прикидывал про себя, как бы поступал, доведись мне попасть в такой же переплет, как Маресьеву. С детства я любил "Овода", созданного Лилиан Войнич. Это был любимый герой мальчишек. Я читал: "У него на груди был спрятан платок, оброненный Монтанелли. Он осыпал этот платок поцелуями и проплакал над ним всю ночь, как над живым существом..." И видел перед собой этот скомканный платок, ощущал его соленую влажность, ясно слышал выстрелы солдат, стрелявших в Овода.

Я любил Овода, но Маресьева полюбил сильнее. Он был моим современником, жил вместе с нами на одной земле, и мне хотелось встретиться с ним, пожать его мужественную руку.

Литературу преподавала нам Нина Васильевна Рузанова, внимательный, заботливый педагог, влюбленный в свой предмет. Она составила список книг, настоятельно рекомендуя прочесть их каждому. В этот список входила вся серия "История молодого человека XIX столетия", которую в свое время редактировал Максим Горький. Она знакомила нас с шедеврами русской и мировой классики. До сих пор помню волнение, охватившее меня, когда я читал "Войну и мир" Льва Толстого. Больше всего в этой чудесной книге мне понравились батальные сцены и образы защитников Отечества от наполеоновского нашествия - артиллериста Тушина, командира полка князя Андрея Болконского, офицеров Ростова, Долохова, Денисова. И фельдмаршал Кутузов, словно живой, представал перед моими глазами.

В то время я прочел "Песню о Гайавате" американского поэта Лонгфелло, произведения Виктора Гюго и Чарльза Диккенса. Читал много, наверстывая то, что не успел сделать в детстве. Как и все мои сверстники, увлекался Жюлем Верном, Конан-Дойлем и Гербертом Уэллсом. Мы знали, что английского писателя интересовала Советская Россия, что в голодные годы он приезжал в Москву, разговаривал с Владимиром Ильичем Лениным и написал книгу "Россия во мгле". Нам хотелось прочитать эту книгу, но достать ее не смогли: в Саратовской городской библиотеке ее не было.

Герберт Уэллс сомневался в ленинском плане электрификации страны. Но мы собственными глазами видели, как внизу по Волге караваны барж везли материалы на строительство Куйбышевского гидроузла. То, что прозорливо предвидел Ленин, свершалось на наших глазах трудолюбивыми руками советского народа.

В очень интересное время проходила наша молодость! Надо было торопиться с учением. Мы были повсюду нужны. И у нас в стране и за рубежом происходила масса событий, волновавших всех студентов техникума и особенно нас, комсомольцев.

Где-то далеко, за тридевять земель, небольшой свободолюбивый народ Кореи отражал полчища самой крупной капиталистической страны мира - Соединенных Штатов Америки. Мы начинали свой день с того, что слушали по радио сообщения о боях в Корее. Тогда мы узнали имена героев Корейской Наоодно-Демократической Республики летчиков Ли Дон Гю и Ким Ги Ока, "Правда" писала об их храбрости и отваге, о том, что каждый из них сбил по полтора десятка американских "Сейбров". Многие народы в своей борьбе учились и учатся героизму у советских людей, и нам было приятно читать о том, что корейский народ учился мужеству у советских людей, что в борьбе с американскими захватчиками прославили себя корейские партизанские отряды имени Зои Космодемьянской и Алексея Маресьева.

Китайский народный доброволец Хуан Цзи-гуан сознательно повторил подвиг Александра Матросова, ибо читал о нем книгу и видел о нем фильм, потрясший его до глубины души.

Прочитав об этом в газете, Толя Навалихин воскликнул:

- Вот оно, лучшее доказательство, что только сильный характер может породить другой сильный характер!

Это был отзвук наших все еще продолжавшихся споров о героизме.

Почти все студенты техникума были комсомольцами. Меня избрали членом бюро комсомольской организации. Общественной работы было много, тем более, что я выполнял еще обязанности секретаря местного спортивного общества "Трудовые резервы". Приходилось экономить каждую минуту, чтобы со всем справиться. После окончания третьего курса захотелось мне купить новый костюм, а денег не было.

- Слушай, Гагарин, не поедешь ли ты физруком в детдомовский лагерь на лето,-

предложил мне секретарь райкома комсомола. - Отдохнешь да и заработаешь немного... Я любил детей и согласился.

Пионерский лагерь находился в замечательном месте, весь в зелени, на реке. Там мне впервые в жизни пришлось вести воспитательную работу. Надо сказать, ребята попались живые, а некоторые даже "вредные". Они обрадовались, что уехали от учительских глаз, и шалили вовсю. На весь лагерь было только двое мужчин, если меня в то время можно было назвать столь звучным именем, - я да слепой баянист Иван Алексеевич, человек тонкого слуха и большой музыкальной души. Мы, как могли, помогали молодой воспитательнице Тане Андреевой и завучу детского дома Елене Алексеевне.

Работа в лагере дала мне многое. Нередко вечерами, когда ребята, набегавшись за день, засыпали крепким сном, у нас с Еленой Алексеевной возникали душевные беседы. Говорили о том, как важна в человеческой жизни дисциплина.

- От дисциплины до геройства - один шаг, - говорила эта опытная воспитательница. Она утверждала, что каждый ребенок - это целый мир. Правильно разобраться в нем значит найти верные пути становления человека, помочь детскому сердцу окрепнуть для преодоления будущих трудностей жизни.

Лагерное лето пролетело быстро. Я вернулся домой и приобрел новый костюм, ботинки, часы. Словом, все сложилось хорошо - и практику воспитателя прошел и деньги заработал.

Наступил последний год учения в техникуме. От книг и учебников мы все больше и больше переходили к практике, к стажировкам на производстве. Сначала меня послали в Москву на завод имени Войкова, а затем в Ленинград на завод "Вулкан". Первые дни я со своим товарищем Федором Петруниным ходил по Ленинграду, охваченный небывалым восторгом. Подумать только - мы в городе, ставшем колыбелью Октября! Мы ходили к Смольному, откуда Ленин руководил революцией, посылал отряды рабочих, солдат и матросов на штурм Зимнего. Вот и сам Зимний. Нева. Легендарная "Аврора".

Нет в мире города с такой богатой революционной историей, как Ленинград. Все здесь напоминало о борьбе. И стены Петропавловской крепости, и чугунные мосты через Неву, и корпуса бывшего Путиловского завода, на котором работал мой дед Тимофей Матвеев. Мы ходили к Исаакиевскому собору, фотографировались у памятника Петру Великому.

Федя декламировал:

О мощный властелин судьбы!
Не так ли ты над самой бездной,
На высоте уздой железной
Россию поднял на дыбы?

В этом городе творили Пушкин, Гоголь, Достоевский... Здесь, на Сенатской площади, царские войска палили картечью по декабристам... У Зимнего дворца в январское воскресенье, 1905 года царь расстрелял рабочих... Вся история русского рабочего класса разворачивалась перед глазами. Мы устремились к Финляндскому вокзалу, чтобы увидеть бронзового Ленина на броневике.

Дни мы проводили на заводе, а по вечерам ходили в музеи, в театры. Работая в ночной смене, мы три дня провели в Эрмитаже, среди сокровищ мирового искусства. Были и в Русском музее, любовались картинами наших знаменитых художников. Все нам нравилось в Ленинграде - его архитектурные ансамбли, его памятники. Мы с Петруниным долго стояли возле вздыбленных бронзовых коней на Аничковом мосту. Большое впечатление произвел на меня и памятник миноносцу "Стерегущему" на Петроградской стороне. Я долго вглядывался в лица русских матросов, открывших кингстоны, потопивших и себя и свой корабль, но не сдавшихся врагу - японским самураям.

Побывав в Ленинграде, мы сразу стали взрослее, духовно богаче. Одно дело - читать в книгах о том, как брали Зимний, и другое дело - видеть арку бывшего Генерального штаба, из-под которой красногвардейцы начали атаку, самому пройти по Дворцовой площади, побывать в залах Зимнего, где было арестовано Временное правительство Керенского... Вернувшись в Саратов, мы долго вспоминали красоту Ленинграда, подробно рассказывали о городе русской славы товарищам по курсу.

Одним из любимых моих предметов в техникуме, как и раньше в школе, продолжала оставаться физика. Здесь ее преподавал такой же замечательный учитель, как и Лев Михайлович Беспалов. Многие у нас с глубоким уважением относились к этому чуткому, высокообразованному человеку - Николаю Ивановичу Москвину. Физика - предмет увлекательный, но тяжелый. Не зная математики, разобраться в ней трудно. Свои лекции наш физик читал интересно, образно, увлекательно. Тем, кто не знал предмета, он

беспощадно ставил двойки, а затем требовал их исправления. Николай Иванович не оставлял в покое нерадивого студента до тех пор, пока тот не усваивал того, чего не знал. - Техник не может не знать физики,- говорил он нам,- земной шар вращается по законам физики.

Москвин организовал физический кружок, участники которого выступали с докладами. Был доклад о законах Ньютона, был доклад о механике, был доклад о достижениях в электричестве. Мне Николай Иванович поручил сделать сообщение по работе русского ученого Лебедева о световом давлении. Доклад понравился на кружке. И тогда я взялся за другую тему - "К. Э. Циолковский и его учение о ракетных двигателях и межпланетных путешествиях". Для этого мне пришлось прочесть и сборник научно-фантастических произведений Константина Эдуардовича и все книги, связанные с этим вопросом, имевшиеся в библиотеке.

Циолковский перевернул мне всю душу. Это было посильнее и Жюль Верна, и Герберта Уэллса, и других научных фантастов. Все сказанное ученым подтверждалось наукой и его собственными опытами. К. Э. Циолковский писал, что за эрой самолетов винтовых придет эра самолетов реактивных. И они уже летали в нашем небе. К. Э. Циолковский писал о ракетах, и они уже бороздили стратосферу. Словом, все предвиденное гением К. Э. Циолковского сбывалось. Должна была свершиться и его мечта о полете человека в космические просторы. Свой доклад я закончил словами Константина Эдуардовича: - "Человечество не останется вечно на Земле, но, в погоне за светом и пространством, сначала робко проникнет за пределы атмосферы, а затем завоюет себе все околосолнечное пространство".

Прочел и почувствовал, как сердце мое дрогнуло и забилось сильнее.

Все члены нашего кружка были поражены силой и глубиной мысли ученого. На эту фразу, похожую на формулу, обращал мое внимание еще Лев Михайлович Беспалов в Гжатской средней школе. Но тогда я не понимал ее значения так, как понял теперь. И, может быть, именно с этого дня у меня появилась новая болезнь, которой нет названия в медицине,- неудержимая тяга в космос. Чувство это было неясное, неосознанное, но оно уже жило во мне, тревожило, не давало покоя.

Я становлюсь летчиком

Занятия в техникуме шли свои чередом. Но стоило услышать гул пролетающего самолета, встретить летчика на улице, и как-то сразу на душе становилось теплее. Это была все та же, еще не осознанная тяга в воздух. Я знал, что в Саратове есть аэроклуб. Среди ребят о нем шла добрая слава. Но, чтобы поступить туда, надо было иметь среднее образование. Чувство, обуревавшее меня, волновало также и Виктора Порохню и Женю Штешина - тоже студентов нашего техникума. Как-то прибегает Виктор и возбужденно кричит: - Ребята, отличная новость! В аэроклуб принимают четверокурсников техникумов... В тот же вечер втроем мы отправились в аэроклуб. Мы подали заявления, прошли все комиссии и начали заниматься. Сначала теория полета, знакомство с устройством самолета и авиационного двигателя. На первых порах нас даже разочаровали эти скучные занятия. Думалось, сразу попадем на аэродром, станем летать. А тут все те же классы, задачи у доски да учебники. Дорога на аэродром, к самолетам, оказалась куда длиннее, чем мы представляли себе.

Очень напряженными для нас были первые месяцы 1955 года. Приходилось работать в две тяги: днем занимались в техникуме, а вечером - в аэроклубе. А тут еще подоспела защита дипломных проектов - надо было подбивать итоги четырехлетнего обучения в техникуме. Мне досталась довольно сложная тема - разработка литейного цеха крупносерийного производства на девять тысяч тонн литья в год. Кроме того, я должен был разработать технологию изготовления деталей и методику производственного обучения в ремесленном училище по изготовлению этих деталей.

Дипломная работа требовала множества чертежей. И я не раз добрым словом помянул старенького люберецкого преподавателя, прививавшего мне вкус к чертежному делу. Материалы, необходимые для диплома, я брал в библиотеке техникума и в техническом отделе городского книгохранилища. Опыт, хотя и небольшой, приобретенный ранее в ремесленном училище, на Люберецком заводе и во время стажировок в Москве и Ленинграде, пришелся кстати. Постепенно дипломный проект приобретал нужные очертания, пополнялся все новыми и новыми соображениями.

Работая над дипломом, я старался не пропускать занятий в аэроклубе. Там мы тоже уже заканчивали изучение теории, сдавали экзамены. Уставали смертельно и едва добирались до коек, засыпали моментально, без сновидений. Очень хотелось поскорее начать учебные полеты. Ведь я до сих пор ни разу, даже в качестве пассажира, не поднимался в

воздух. А вдруг забоюсь, закружится голова или станет тошнить? Ведь старшие товарищи рассказывали всякое о полетах...

Но прежде чем начать учебные полеты, полагалось совершить хотя бы один прыжок с парашютом.

- Посмотрим, смелые ли вы ребята,- с лукавой усмешкой говорил наш летчик-инструктор Дмитрий Павлович Мартьянов.

Это был молодой, постарше меня на несколько лет, плотно сбитый, невысокого роста человек. В аэроклуб он прибыл из истребительного полка, рассказывал нам, что окончил Борисоглебское училище военных летчиков, и очень гордился тем, что в свое время там учился Валерий Чкалов. Прослужив некоторое время в войсках, он демобилизовался и стал работать инструктором аэроклуба. После службы в армии он мог поступить в какой-нибудь институт, стать инженером или агрономом, но пошел в аэроклуб.

- Не могу без аэродрома, не могу не летать,- признавался он.

Мартьянов был подлинный летчик и не мог жить без крыльев. Курсантам нашей группы по душе пришлась и его приверженность к авиации и четкость, к которой он приучал нас с первого дня знакомства. В нем была эдакая "военная косточка", сразу отличающая строевика от гражданских людей. К высокой дисциплине и порядку Дмитрий Павлович привык с детства. Ведь свою воинскую жизнь он начал в суворовском училище. Мы верили, что такой бывалый человек не успокоится, пока не сделает нас летчиками. Наконец назначены парашютные прыжки. Дважды ночами мы выезжали на аэродром и, переживая, ждали, когда нас поднимут в воздух. Но нам не везло: не было подходящей погоды. Невыспавшиеся, переволновавшиеся, возвращались мы в техникум и садились за дипломные работы. Их-то ведь за нас никто не сделает!

В третью ночь на аэродром поехали с нами и девушки - студентки саратовского техникума. Им тоже надо прыгать. Смотрю на них, а они бледные, растерянные. Неужели и у меня такой вид? Девушки подшучивают:

- А ты почему такой спокойный? Наверное, уже не раз прыгал?

- Нет,- говорю,- впервые...

Не верили мне девчата. И только когда мы стали надевать на себя парашюты, убедились, что я не лгу. У меня не ладилось дело с лямками и карабинами, так же, как и у них. Непривычно было. Сзади большой ранец с основным парашютом. Спереди тоже ранец, поменьше,- с запасным. Ни сесть, ни встать, ни повернуться... Как же, думаю, обойдусь там, в воздухе, со всем этим хозяйством? Оно как бы связало меня по рукам и ногам... С детства не любил ждать. Особенно, если знал, что впереди трудность, опасность. Уж лучше смело идти ей навстречу, чем увилывать да оттягивать. Поэтому я обрадовался, когда после первого "пристрелочного" прыжка Дмитрий Павлович выкрикнул:

- Гагарин! К самолету...

У меня аж дух захватило. Как-никак, это был мой первый полет, который надо было закончить прыжком с парашютом. Я уж не помню, как мы взлетели, как "ПО-2" очутился на заданной высоте. Только вижу, инструктор показывает рукой: вылезай, мол, на крыло. Ну, выбрался я кое-как из кабины, встал на плоскость и крепко уцепился обеими руками за борт кабины. А на землю и взглянуть страшно: она где-то внизу, далеко-далеко. Жутковато...

- Не дрейфь, Юрий, девчонки снизу смотрят! - озорно крикнул инструктор. - Готов?

- Готов! - отвечаю.

- Ну, пошел!

Оттолкнулся я от шершавого борта самолета, как учили, и ринулся вниз, словно в пропасть. Дернул за кольцо, а парашют не открывается. Хочу крикнуть и не могу: воздух дыхание забивает. И рука тут невольно потянулась к кольцу запасного парашюта. Где же оно? Где? И вдруг сильный рывок. И тишина. Я плавно раскачиваюсь в небе под белым куполом основного парашюта. Он раскрылся, конечно, вовремя,- это я уж слишком рано подумал о запасном. Так авиация преподала мне первый урок: находясь в воздухе, не сомневайся в технике, не принимай скоропалительных решений.

Проходит минута. Прислушиваюсь к себе - все в порядке, сердце работает нормально, и его стук ощущается не громче, чем тиканье часов на руке.

После меня на этот же "ПО-2" посадили девчущку, которая все подтрунивала надо мной в автобусе. На земле-то она была бойкая, а в воздухе растерялась. Вылезла на крыло, перепугалась и ни туда, ни сюда. Так и вернул ее инструктор на аэродром. Никто над ней не смеялся. С каждым такое в первый раз может случиться.

Когда прыжки кончились, Дмитрий Павлович спросил:

- Хочешь полетать со мной на "ЯКе"?

Как можно было не согласиться! Сажусь в заднюю кабину, привязываюсь ремнями. Мартьянов советует, чтобы я глядел на землю, ориентировался по ней, определял высоту полета. А как ее определять-то? Глаза разбегаются, дух захватывает и не поймешь, что к чему. Но, как уже много раз бывало со мной, я быстро освоился с новой обстановкой и залюбовался землей с высоты птичьего полета. До чего же красочна и прекрасна наша земля, если глядеть на нее сверху! Деревья и кусты кажутся низкими, вровень с травой; огромными ломтями ржаного хлеба чернеют вспаханные колхозные поля; видны грейдерные дороги; отчетливо вырисовывается каждая тропинка, стада коров и пастушки, задравшие головы к небу. Когда-то и я был таким, как они, обдирал колени и частенько разбивал нос, мечтал о сказочных крыльях, томился жаждой по неизведанному и вот, наконец, взлетел, и этот полет наполнил меня гордостью, придал смысл всей моей жизни. Прошли мы по кругу, а потом Мартьянов повел машину в зону и стал показывать фигуры высшего пилотажа.

- Вот это вираж,- говорил он по самолетному переговорному устройству,- а это петля Нестерова...

И самолет сделал такую штуку, что мне сразу захотелось на землю. А Мартьянов продолжал свои узоры. Я не понимал, зачем он оглушает меня каскадом фигур. А ему это надо было для того, чтобы с одного раза решить: получится из меня летчик или нет? Вывод для себя он сделал обо мне положительный, потому что, когда приземлились, на его лице читалось удовлетворение.

Ну, что же, завтра опять летаем? - поинтересовался он и пытливо поглядел мне в глаза. Я готов летать хоть круглые сутки,- вырвалось у меня.

Может быть, эта фраза и была несколько хвастливой, но произнес я ее от всего сердца.

- Нравится летать?

Я промолчал. Слова были бессильны, только музыка могла передать радостное ощущение полета.

Через несколько дней в техникуме состоялась защита дипломов. Свою работу я выполнил и получил диплом об окончании Саратовского индустриального техникума с отличием. Государственная экзаменационная комиссия присвоила мне квалификацию техника-литейщика. Трудный жизненный рубеж был взят. Можно идти на производство, можно продолжать учение. Я стоял на распутье. Ничто меня не связывало. Родителям помогали старший брат и сестра, своей семьей я пока еще не обзавелся. Куда захотел, туда и поехал. Знания мои везде могли пригодиться. В стране шли большие созидательные работы. Товарищи разъезжались, кто в Магнитогорск, кто в Донбасс, кто на Дальний Восток - и каждый звал с собой. Я ведь с многими дружил, привык жить в коллективе, в общежитиях, никогда еще у меня не было своей комнаты.

Товарищи уезжали, а я все никак не мог оторваться: крепкими корнями врос в землю Саратовского аэродрома. Я не мог бросить начатое дело. И когда в аэроклубе сказали, что на днях курсанты отправятся в лагерь, я согласился ехать туда.

В лагерьях рядом с аэродромом, покрытым короткой травой, для нас уже были разбиты палатки, будто паруса, похлопывающие под ветром. И началось горячее, интересное лето. Почти каждый день - полеты. Дмитрий Павлович начал возить нашу группу по кругу, в зоны. Летали мы на "ЯК-18" - добротной учебной машине, казавшейся нам истребителем. Это был маневренный, легкий в управлении самолет.

Мартьянов, несмотря на свою молодость, относился к нам строго и требовательно.

- Летное дело,- говорил он,- не прощает даже малейшую ошибку. За каждый промах в воздухе можно заплатить головой...

Он кропотливо, по крупице прививал нам основы авиационной культуры, без которой немислим современный летчик, требовал, чтобы каждое задание выполнялось с предельной точностью. Скорость мы должны были выдерживать до километра, заданную высоту полета - до метра, намеченный курс - до полградуса. Некоторым казалась излишней такая придирчивость инструктора. А он, конечно, был глубоко прав: авиационное дело зиждется на математических расчетах, не терпит пренебрежения "мелочами", рассеянности в воздухе.

- Летать надо красиво,- любил повторять Дмитрий Павлович, выговаривая курсантам за каждое малейшее отклонение от задания.

Мартьянов был хорошим летчиком-воспитателем. Но он не был на войне. А нас интересовало поведение летчика в бою. Мы уже прочитали книги Александра Покрышкина и Ивана Кожедуба, и нам хотелось стать не просто летчиками, а военными летчиками, и обязательно истребителями. Мы знали, что человек познается в борьбе с препятствиями, и свою любовь и уважение к нашим первым наставникам в летном деле

делили между Мартьяновым и командиром звена Героем Советского Союза Сергеем Ивановичем Сафроновым. В дни войны он сражался под Сталинградом, участвовал в знаменитой воздушной битве на Кубани, сбил несколько "юнкерсов" и "мессершмиттов" на Курской дуге. Будучи капитаном, в 1943 году он был награжден Золотой Звездой. На примерах своей довольно-таки интересной биографии он стремился показать нам, будущим пилотам, как формируется советский человек и настоящий летчик. Слушали мы его внимательно: ведь перед нами советский ас, носитель славных традиций нашей боевой авиации. Он называл нас молодогвардейцами, много работал с нами и так же, как Мартьянов, учил чистоте летного почерка.

Как-то мы собрались в тени раскидистого дерева, и под шелковый шелест листвы Сергей Иванович сказал:

- Крепкие нервы важнее крепких мускулов... Сильная воля - не врожденное качество человека, ее можно и надо воспитывать!

Из всего сказанного нам Героем Советского Союза в тот день и из предыдущих бесед мы сделали для себя вывод: воля - это усилие, напряжение всех нравственных и физических сил человека, мобилизация энергии и упорства для достижения поставленной цели.

И начальник нашего аэроклуба Григорий Кириллович Денисенко тоже был Героем Советского Союза. И это тоже сказывалось на нашем воспитании.

Выступая как-то на комсомольском собрании, он, в свою очередь, объяснил нам, что такое воля,- это прежде всего умение управлять своим поведением, контролировать свои поступки, способность преодолевать любые трудности, с наименьшей затратой сил выполнять поставленные задания.

Помню, в день собрания была отвратительная погода, дождь бил по стеклам, в комнате наступила сумеречная темнота, а мы слушали, как зачарованные.

- Человек сильной воли отличается высокой организованностью, дисциплинирован, с толком использует каждый час,- так окончил свое выступление начальник аэроклуба. Провиниться и получить замечание от таких заслуженных людей, как Сергей Иванович Сафронов или Григорий Кириллович Денисенко! Случись, такое со мной, и я бы сгорел от стыда. Ведь, кроме всего, я еще был и комсоргом отряда аэроклуба и старшиной группы. Мы во всем старались подражать им, даже походкой, манерой держаться. Золотые Звезды на их кителях были мечтой каждого. Но об этом не говорилось вслух, они были так же недостижимы, как настоящие звезды.

Многие курсанты воспитывали в себе волю, отказывались от курения, по-спартански питались, вели дневники, ибо ежедневное писание дневников требует волевого усилия. Наступал июль. Дни стояли знойные, вечера душные. В один из таких дней Дмитрий Павлович не сел, как обычно, со мной в машину - это была "шестерка желтая",- а, стоя на земле, сказал:

- Пойдешь один. По кругу...

И хотя я уже с неделю ждал этих слов, сердце мое ёкнуло. Много раз за последнее время я самостоятельно взлетал и садился. Но ведь за спиной у меня находился человек, который своим вмешательством мог исправить допущенную ошибку. Теперь я должен был целиком положиться на себя.

- Не волнуйся,- подбодрил Дмитрий Павлович.

Я вырулил самолет на линию старта, дал газ, поднял хвост машины, и она плавно оторвалась от земли. Меня охватило трудно передаваемое чувство небывалого восторга. Лечу! Лечу сам! Только авиаторам понятны мгновения первого самостоятельного полета. Ведь я управлял самолетом и прежде, но никогда не был уверен, что веду его сам, что мне не помогает инструктор. Я слился с самолетом, как, наверное, сливается всадник с конем во время бешеной скачки. Все его части стали передатчиками моей воли, машина повиновалась моим желаниям и делала то, что я хотел.

Сделал круг над аэродромом, рассчитал посадку и приземлил самолет возле посадочного знака. Сел точно, в ограничители. Настроение бодрое. Вся душа поет. Но не показываю вида, как будто ничего особенного не случилось. Зарулил, вылез из кабины, доложил Дмитрию Павловичу: задание, мол, выполнено.

- Молодец,- сказал инструктор,- поздравляю... Мы шли по аэродрому, а в ушах продолжала звенеть музыка полета. Я всегда любил музыку. Она знакомила меня не только с жизнью других народов, но и с отжившими свое эпохами.

А на следующий день товарищи говорят:

- Знаешь, о тебе написали в газете...

Газеты на аэродроме не оказалось, достал я ее только через неделю в городе. Там было всего несколько строк о моем полете, были названы мое имя и фамилия, помещена

фотография: я в кабине самолета, подняв руку, прошу разрешение на взлет, Когда был сделан этот снимок, кем написана записка, я не знал. Видимо, все это организовал Дмитрий Павлович. Значит, он был уверен во мне, знал, что не подведу его.

"Заря молодежи" - так называлась газета саратовских комсомольцев, в которой столь неожиданно отметили меня. Первая похвала в печати многое значит в жизни человека. Мне было и очень приятно видеть свое имя напечатанным в газете, и в то же время как-то неловко, что из всех товарищей почему-то написали именно обо мне. Но все-таки я послал этот экземпляр "Зари молодежи" домой, в Гжатск. Мама в ответном письме написала:

"Мы гордимся, сынок... Но ты, смотри, не зазнавайся..."

Полеты становились все более и более интересными. Мартынов теперь посылал меня и других курсантов, тоже вылетавших самостоятельно, в пилотажные зоны и на маршруты. Ощущая холодок волнения, мы учились выполнять виражи, перевороты через крыло, полупетли и петли Нестерова, "бочки". Все шло нормально. С каждым днем наши действия в воздухе становились все более уверенными, вызывавшими одобрение и летчика-инструктора и командира звена. Было приятно сознавать, что мы постепенно становимся крылатыми людьми. Я научился летать на "ЯК-18", но знал, что мне ой как далеко еще до Сафронова, до Денисенко, до тех летчиков, которыми гордится страна. Да и военные самолеты привлекали мое внимание. Нам доводилось читать о звуковом барьере, об истребителях со сверхзвуковой скоростью, оборудованных усовершенствованными радиолокационными приборами. Не говоря об этом никому, даже ближайшим приятелям, я мечтал стать военным летчиком. До сих пор все желания мои исполнялись. Исполнится ли и эта заветная мечта?

Как-то раз в перерыве между полетами среди курсантов нашей группы зашел разговор о записках американского пилота-испытателя Джимми Коллинза. Книга ходила тогда по рукам, вызвала противоречивые суждения: одни восхищались невероятными положениями, в которые доводилось попадать автору; другие утверждали: он преувеличивает, нагнетает страсти.

- А что скажет инструктор?

Мы тесно сгрудились вокруг Мартынова. Аэродромный ветерок, теребя выбившиеся из-под шлемов волосы, свежо опахивал наши загорелые лица. Я тоже читал эти записки и не мог не увлечься некоторыми главами. Но вместе с тем у меня, знавшего о летно-испытательной службе пока что понаслышке, книга возбудила странные чувства. И когда Дмитрий Павлович попросил высказать свое мнение, я поделился им с товарищами.

- Коллинза,- сказал я,- по-моему, преследовала обреченность одиночества... Главное, что занимало его мысли, были доллары. Любой ценой, но только заработать...

- Юрий прав,- поддержал меня Дмитрий Павлович. - Капиталистическая действительность создавала для автора книги именно ту обстановку азартной игры со смертью, когда в погоне авиационных компаний за прибылями жизнь летчика могла оборваться в любом полете.

Может ли быть такое в нашей стране, где главное - забота о человеке? - спрашивали мы самих себя. Мы хорошо понимали, что, как и во всяком новом деле, да еще связанном с испытаниями техники, любой - ракетной, авиационной, морской, подземной,- всегда имеется риск. Но о каком одиночестве советского летчика-испытателя могла идти речь, когда за ним стоят такие силы, как партия, как творческий труд всего нашего народа? Незаметно подкралась тихая осень. Через аэродром потянулись нити бабьего лета, в палатках по ночам становилось холоднее. Подошла пора выпускных экзаменов. Опять - в который раз - экзамены! Но и теперь я их выдержал: самолет "ЯК-18" - "отлично", мотор - "отлично", самолетовождение - "отлично", аэродинамика - "отлично"; общая оценка выпускной комиссии - тоже "отлично".

После экзаменов все мы, летавшие на "шестерке желтой", подошли к машине. Хотелось еще раз, на прощание, дотронуться до ее крыльев, посидеть в кабине, взглянуть на приборы. Кто знает, на каких самолетах доведется еще летать! А этот старенький, повидавший виды "ЯК-18" стал для нас родной машиной.

Некоторые курсанты нашего аэроклуба ушли в гражданскую авиацию. Их привлекали дальние рейсы по родной стране, полеты за границу. Ведь трассы советского Аэрофлота пролегают во многие страны мира. Кое-кто отправился в авиацию специального применения, работающую на сельское хозяйство, на медицину, на геологию. А я хотел стать военным летчиком-истребителем. Почему? Может быть, не давали покоя воспоминания о летчиках, которых довелось видеть во время войны в родном селе. Наверное, еще тогда они посеяли в моей душе семена любви к военной авиации. Мне

нравилась военная дисциплина, нравилась военная форма. Мне хотелось быть защитником Родины. Сто тридцать вторая статья Конституции нашего государства, где сказано, что воинская служба представляет почетную обязанность граждан Советского Союза, настойчиво звала меня в ряды наших Вооруженных Сил. Мне дали направление в Оренбургское авиационное училище. Я ехал туда не один, а с товарищами. Все они были ловкие, смелые парни, способные на решительные поступки. Все самозабвенно полюбили авиацию, летное дело. Нас провожал Мартьянов. Ожидая, пока отправится поезд, мы ходили с ним по перрону, шуршащему гравием, и говорили о будущем. Дмитрий Павлович, человек, навсегда влюбленный в авиацию, предсказывал, что с каждым годом она будет совершенствоваться, что самолеты станут летать еще дальше, быстрее и выше. - Будущее принадлежит вашему поколению,- сказал он на прощание, крепко пожимая нам руки,- вы еще полетаете на таких машинах, которые нам и не снились... Грустно было расставаться с милым Саратовом, с красавицей Волгой, с прежней мечтой стать инженером-литейщиком, с таким добрым наставником, как Мартьянов. Но что было делать! Поезд приближал меня к новой мечте - стать летчиком-истребителем. Ведь и Покрышкин, и Кожедуб, и Маресьев были истребителями. Я придирчиво, как бы со стороны, присматривался к своему характеру, привычкам, знаниям: смогу ли достигнуть всего того, что хочу? И сам себе отвечал: смогу!

Присяга на верность Родине

Степной Оренбург встретил нас приветливо. Город выглядел так, как о нем рассказывал Мартьянов, окончивший здесь суворовское училище. Ровные, прямые улицы, невысокие дома, сады с облетевшей листвой. На рынках - изобилие колхозных продуктов, лошади и верблюды. Словом, город поменьше Саратова, но со своим строгим уральским колоритом. Здание военного училища, в которое мы приехали, стояло на высоком берегу Урала, сливалось с пейзажем, вписывалось в необозримый простор. Из его окон открывался красивый вид на зауральскую лиственную рощу и голубые, без конца и края степные дали. Оттуда доносился шум авиационных двигателей. Там, на аэродроме, ключом била жизнь, к которой мы так стремились.

В главном корпусе на стенах в обрамлении дубовых листьев и гвардейских черно-оранжевых лент висели портреты знаменитых летчиков, в свое время окончивших училище: Михаила Громова, Андрея Юмашева, Анатолия Серова... Больше ста тридцати фотографий Героев Советского Союза, научившихся летать на просторном Оренбургском аэродроме. Мы становились наследниками их славы и внимательно всматривались в их такие разные, но одинаково мужественные лица, припоминали, кто чем прославил Родину. Тут были и те, кто совершал первые дальние перелеты по стране, и те, кто вслед за экипажем знаменитого летчика своего времени Валерия Павловича Чкалова прокладывал пути через Северный полюс в Америку. Много было здесь советских асов, в воздушных сражениях Великой Отечественной войны совершивших беспримерные подвиги. Эти стенды напомнили мне галерею героев 1812 года, которую несколько лет назад пришлось увидеть в Зимнем дворце. Но там были только одни генералы, а здесь встречались и лейтенанты.

Нам предстояло научиться летать на реактивных самолетах, которые уже прочно вошли в повседневный быт советской авиации. Было интересно узнать, что пионер реактивного летания Григорий Яковлевич Бахчиванджи, сын слесаря-механика и сам бывший рабочий, став летчиком, еще в начале 1942 года первым поднявший в небо реактивный самолет, тоже учился в Оренбургском училище летчиков. Под его портретом висело описание этого подвига, где шел рассказ о том, как рабочие авиационного завода, построившие первый реактивный самолет, радостно встретили летчика-испытателя. Они подбрасывали его в воздух, обнимали, жали ему руки. Все это происходило возле плаката, на котором было написано: "Привет капитану Бахчиванджи - первому летчику, совершившему полет в новое". О таких полетах, об эре реактивных самолетов прозорливо мечтал К. Э. Циолковский. Она уже наступила, эта новая эра, и нам, будущим курсантам, предстояло продолжать и развивать замечательное дело, которое еще в годы войны начал смелый советский летчик. Глядя на его безусое, молодое лицо, каждый из нас невольно

представлял себя "однопольчанином" этого замечательного пилота.

- Все уже сделано до нас, ребята,- сожалеюще сказал кто-то из нашей группы,- и война выиграна, и новая эра в авиации открыта...

Я ничего не ответил, но про себя подумал, что в Советской стране всегда есть и будет место для подвига. За примерами далеко не надо было ходить. Достаточно было взять любой номер "Правды" и убедиться в том, что буквально каждый день наш народ совершает трудовые подвиги, добивается новых успехов в социалистическом строительстве. В эти дни была пущена первая очередь Омского нефтеперерабатывающего завода, труженики сельского хозяйства Сталинградской области сдали государству хлеба в два раза больше, чем предусмотрено планом, на реке Нарве построена гидроэлектростанция, первый агрегат Каховской ГЭС дал промышленный ток, городу Севастополю вручили орден Красного Знамени, бригада экскаваторщика Михаила Евец на строительстве Куйбышевской ГЭС вынула 1 800 тысяч кубометров грунта, вышла книга колхозного опытного Терентия Мальцева "Вопросы земледелия", Владимир Куц установил новый мировой рекорд в беге на пять тысяч метров. Каждый день приносил что-то новое, значительное, волнующее, заставляющее думать. В те дни прочитал я в "Правде" беседу с академиком Л. И. Седовым "О полетах в мировое пространство" и вырезал ее на всякий случай.

В училище начались приемные экзамены. Я их не сдавал, так как у меня был диплом об окончании техникума с отличием, да и аэроклуб также дал хорошую аттестацию. Все время я находился с ребятами, помогал им по физике, математике. Требования были жесткие, и более половины прибывших оказались отчисленными либо еще до экзаменов медицинской комиссией, либо как не выдержавшие испытаний по теоретическим предметам. Хотя и уезжали они из Оренбурга с не очень-то легким сердцем, но от всей души желали нам, остающимся в училище, плодотворной учебы, хороших полетов.

- На будущий год снова приедем поступать в училище,- говорили некоторые из них. И действительно, через год, когда мы уже начали летать на "МИГах", кое-кто из этих ребят, проявив завидную настойчивость, добился своего и попал в число курсантов. Упорство в достижении поставленной цели - одна из отличительных черт нашей молодежи. Люди, которые страстно желают стать летчиками, обязательно станут ими. Итак, началась моя военная жизнь! Нас всех, как новобранцев, постригли под машинку, выдали обмундирование - защитные гимнастерки, синие бриджи, шинели, сапоги. На плечах у нас заголубели курсантские погоны, украшенные крылышками. Я нет-нет да и скашивал глаза на них, и гордясь и радуясь, что приобщился к большой семье Советской Армии. Училище жило веселой жизнью молодых, здоровых людей, стремящихся к одной цели.

Нас разбили по эскадрильям, звеньям, экипажам. Я попал в эскадрилью, которой командовал подполковник Говорун, звено майора Овсянникова, экипаж старшего лейтенанта Колесникова. Это были мои первые командиры. Обращаться к ним надо было не так, как мы все привыкли, по имени и отчеству, а по воинскому званию, и говорить о них тоже надо было, упоминая звание и фамилию. На первых порах это казалось странным, но мы быстро привыкли к такому армейскому порядку. Все теперь определялось уставами: за проступок - взыскание, за усердие - поощрение, за отвагу - награда.

Наше знакомство с военной авиацией началось с занятий по программе молодого бойца. Командиром нашего взвода оказался капитан Борис Федоров - человек требовательный и строгий. Он сразу же, по его выражению, принялся вытряхивать из нас "гражданскую пыль", приучать к дисциплине. Трудновато поначалу было курсантам, особенно тем, кто пришел в училище из десятилетки; их учили всему: наматывать на ногу портянки, ходить легким, красивым шагом. Мне было значительно легче, чем им, так как я всю свою юность прожил в общежитиях, где все делалось хотя и не по воинскому уставу, но по определенному распорядку дня.

Мне не надо было привыкать к портянкам и сапогам, к шинели и гимнастерке. В казарме всегда было чисто, светло, тепло и красиво, все блестело - от бачков с водой до табуреток.

С детства я любил армию. Советский солдат-освободитель стал любимым, почти сказочным героем народов Европы и Азии. Я помню стихи о нашем солдате:

Да, неспроста у пулемета
он глаз две ночи не смыкал,
и неспроста среди болота
он под обстрелом пролежал, -

ворвался в город на рассвете
и, завершая долгий бой,
он слезы радости заметил
в глазах у женщины чужой.
Прошел по бревнам переправы,
прополз по грязи под огнем,
и грязь в лучах солдатской славы
горит, как золото, на нем!

Я тоже становился солдатом, и мне по душе были и артельный уют взвода, и строй, и порядок, и рапорты в положении "смирно", солдатские песни, и резкий протяжный голос дневального:

- Подъ-ё-ом!

Нравились мне физическая зарядка, умывание холодной водой, заправка постелей и выходы из казармы в столовую на завтрак.

Много времени проводили мы на полевых занятиях, на стрельбище и возвращались в казарму, порой, промокшими до нитки от дождя и снега. Глаза сами слипаются от усталости, скорее бы заснуть, но надо чистить и смазывать карабины, приводить в порядок снаряжение. Пока это все сделаешь да получишь от старшины "добро"... Вначале у нас буквально не хватало времени ни книжку почитать, ни письмо домой отправить. Но постепенно размеренный строй армейской жизни научил нас не терять даром ни одной минуты, мы стали более собранными, подвижными, окрепли физически и духовно.

День 8 января 1956 года запомнился мне на всю жизнь. За окнами на дворе трещал мороз, поскрипывали деревья, ослепительно сверкали снега, освещенные солнцем. Всех молодых курсантов выстроили в большом зале училища. Каждый с оружием в руках выходил из строя, становился лицом к товарищам и командиру и громко зачитывал слова военной присяги. Одним из первых, по алфавиту, вышел вперед я и, замирая от охватившего меня волнения, произнес:

- Я, гражданин Союза Советских Социалистических Республик...

Подняв голову, я увидел, что напротив, со стены, глядит на меня прищуренными глазами Ленин. Быть всегда и во всем таким, как Владимир Ильич, учили меня семья, школа, пионерский отряд, комсомол... Сейчас мы давали клятву на верность народу, Коммунистической партии, Родине, и Ленин как бы слушал наши солдатские обещания быть честными, храбрыми, дисциплинированными, бдительными, строго хранить военную и государственную тайну, беспрекословно выполнять все воинские уставы и приказы командиров и начальников. Каждый из нас клялся защищать Родину мужественно, умело, с достоинством и честью, не щадя своей крови и самой жизни для достижения полной победы над врагами.

Присяга! Твердое, емкое слово. В нем выражена любовь советского человека к своей социалистической Отчизне. Присяга вела в бой наших отцов и братьев. Она придавала им силы в ожесточенной борьбе с врагами и всегда приводила к победе.

Вся жизнь моя прошла перед глазами. Я увидел себя школьником, когда мне повязывали пионерский галстук, ремесленником, которому вручали комсомольский билет, студентом с ленинским томиком в руках и теперь воином, крепко сжимающим оружие... Страна доверила нам оружие, и надо было быть достойными этого доверия. Отныне мы становились часовыми Родины.

О торжественном событии принятия военной присяги я написал домой, поделился с родителями своими чувствами. У всех курсантов было приподнятое настроение. Мы с жаром принялись за изучение теоретических дисциплин. С первых же занятий всем понравились уроки в классах материальной части и теории полета, которые вел инженер-подполковник Коднер. В очень интересный, совсем новый мир ввел нас и преподаватель тактики капитан Романов - человек с пышной курчавой шевелюрой, как у Пушкина. То, о чем мы знали только понаслышке, - о формуле воздушного боя - "высота, скорость, маневр, огонь", которую разработали и применили летчики эскадрильи Александра Покрышкина во время знаменитого сражения на Кубани, о штурмовых ударах дважды Героя Советского Союза Талгата Бегельдинова, о действиях пикирующих бомбардировщиков генерала Ивана Полбина, - теперь как бы оживало в лекциях капитана Романова, зримо представлялось на схемах, которыми он иллюстрировал и дополнял эти лекции. Мы получили ясные понятия о том, как надо вести воздушный бой на вертикалях и горизонталях, узнали, какую огромную роль играет слетанность ведущего и ведомого. Современный воздушный бой предстал перед нами, как бой групповой, где каждый летчик обязан поддерживать товарища, где одним из решающих факторов является

коллективная воля к победе.

После занятий в классе воздушной тактики среди нас, курсантов, обычно возникали оживленные споры. У каждого был свой любимый ас. Одному нравился Сергей Луганский, другому - братья Глинки, третьему - Петр Покрышев. Словом, сколько курсантов, столько и привязанностей. Нас интересовали и действия бомбардировщиков, летавших на Берлин в первый год войны, и штурмовиков, атакующих колонны танков на Курской дуге, и дальних разведчиков, в одиночку проникавших в глубокие тылы противника, и экипажей женского полка, поддерживавших десантников в Керченском проливе. Транспортники, подбрасывавшие боеприпасы партизанам в Брянские леса и в Карпаты, нас тоже интересовали.

- Но ведь все это уже история, хоть и недавняя, но история,- говорили некоторые курсанты,- а теперь и техника другая и люди другие...

Капитан Романов шутливо называл этих курсантов скептиками и тут же, на примерах совсем недавней войны в Корею, доказывал, что и в пору новой авиационной техники - реактивных самолетов, радиолокации, более мощного бортового оружия истребителей - основы воздушной тактики, творчески разработанной передовыми советскими летчиками в годы Великой Отечественной войны, наступательный стиль, которого они придерживались в боях с врагом, их принципы взаимной поддержки и многое другое, присущее нашим авиаторам, нельзя сбрасывать со счета.

- Боевой опыт,- говорил он,- добыт большой кровью. То, что с приходом новой техники устарело, мы не должны брать на вооружение. Ну, а то, что может быть полезным и для реактивных самолетов, нужно всячески развивать.

К творческому совершенствованию всего того, что уже накоплено нашей авиацией, призывали и другие преподаватели. Они говорили, что даже самый отличный летчик опирается на опыт своих предшественников. На занятиях по теории многообразного летного дела они приучали нас не только заучивать уже установившиеся понятия и истины, но и критически мыслить, искать в нужных случаях новые решения. И хотя, конечно, "мыслители" из нас были еще не ахти какие, ведь мы только-только начинали приобщаться к военной авиации и даже не пробовали летать на реактивных машинах, но уже одно то, что командиры и преподаватели видели в нас свою смену, говорило о том, что именно нам, летной молодежи, предстоит развивать отечественную авиацию, поднимало нас в собственных глазах. И всем от этого сознания своей будущей роли хотелось учиться как можно лучше, как можно скорее освоить дело, которому мы целиком посвятили себя.

Время близилось к весне, и, кроме занятий по теории, в нашей эскадрилье начались учебные полеты. Товарищи, которым впервые предстояло летать, радовались. А мы, прошедшие школу аэроклуба, огорчились: надо было снова летать на "ЯК-18".

Эти полеты продолжались недолго. В училище поступили экспериментальные самолеты - те же "ЯК-18", но несколько модифицированные, с носовым колесом для отработки посадки, чтобы в дальнейшем было легче переходить на реактивные машины, имеющие трехколесное шасси. Мы много летали, но, честно говоря, новый самолет нам не очень нравился. Был он тяжеловат, не хватало у него, как говорят авиаторы, "мощи" - слаб мотор. И на фигурах высшего пилотажа он частенько сваливался в штопор; правда, так же быстро и выходил из него, стоило только бросить управление. На этих "ЯК-18" выполняли мы упражнения и по штурманскому делу - летали по дальним маршрутам, в разную погоду. Было много разнообразия и смены впечатлений.

Большинство этих полетов происходило летом, когда мы вышли в лагерь. Лагерь нашей пятой эскадрильи находился на красивом берегу Урала. Устанешь от работы на аэродроме, разомлешь от жары и сразу после полетов - на реку. Вода в Урале холодная, быстрая, глубокая, не то, что там, в городе, возле училища. Мы соорудили купальню, вышку для прыжков и в свободное время занимались водным спортом, ныряли, плавали наперегонки. От молодой, почти мальчишеской радости захватывало дух.

Наша эскадрилья первой закончила летную программу. У нас оказалось свободное время, и командование, поддержав инициативу комсомольского бюро, разрешило нам выехать за двести километров в один из колхозов Шарлыкского района на уборку картофеля.

Наступила осень. Холодная и дождливая. Но работали мы с охотой. Нам было полезно после полетов немного потрудиться на земле да и хотелось помочь колхозникам с уборкой обильного урожая. Мы бы с радостью поехали подальше - на целину, где осваивались миллионы гектаров новых земель, где уже созрели колоссальные массивы пшеницы. Но мы располагали всего лишь двумя неделями и поехать туда не могли.

Письма, адресованные нам в колхоз, не приходили, и я к концу нашей "уборочной

кампании" затосковал по Вале. Все мне нравилось в ней: и характер, и небольшой рост, и полные света карие глаза, и косы, и маленький, чуть припудренный веснушками нос. Валя Горячева, окончив десятилетку, работала на городском телеграфе. Мы познакомились с ней, когда нас выпустили из карантина, как выражались девушки, "лысенькими" курсантами, на танцевальном вечере в училище. Она была в простеньком голубом платьице, робкая и застенчивая. Я пригласил ее на тур вальса, и с этого началась наша крепкая дружба.

Валя на год младше меня. Она родилась в Оренбурге и до встречи со мной никуда не выезжала из этого города. Отец ее - Иван Степанович - работал поваром в санатории "Красная поляна", а мама - Варвара Семеновна - домашняя хозяйка. Семья у Вали большая - три брата и три сестры; она самая младшая и поэтому самая любимая всеми родными. Вскоре после знакомства с Валею я стал бывать у Горячевых в доме. Они очень радушно отнеслись ко мне. Помню, первый раз я пришел к ним сразу после лыжного пробега, как был, в спортивном костюме. Варвара Семеновна только что вернулась из своих родных мест, из Калуги, привезла лесных орехов. Сели мы с ней у столика и давай их грызть. Зубы у меня крепкие, и мама Валина все удивлялась, как я ловко щелкаю орехи. А Валя смеется и говорит насчет меня:

- Наточил зубы о гранит науки, всю жизнь учиться...

Мы заговорили о моей учебе, о летном училище, о том, что и Вале надо учиться.

Посоветовались всей семьей и решили, что ей следует пойти по медицинской части. Так она и сделала - поступила в медицинское училище.

Многое нас связывало с Валею. И любовь к книгам, и страсть к конькам, и увлечение театром. Бывало, как только получу увольнительную, сразу же бегу к Горячевым на улицу Чичерина, да еще частенько не один, а с товарищами. А там нас уже ждут. Как в родном доме, чувствовал я себя в Валиной семье. Иван Степанович был большой мастер кулинарии, но особенно удавались ему "беляши" - любимое кушанье уральских казаков. Ели мы их с огромным аппетитом. В училище хоть и кормили хорошо, но "беляшей" не готовили.

Покончив с уборкой картофеля, эскадрилья вернулась в училище на зимние квартиры. Но с Валею нам опять свидеться не пришлось: началась усиленная подготовка к октябрьскому параду. По строевой у меня всегда было хорошо, но ходил я далеко не в первых рядах - по ранжиру. Однако в праздник, когда все училище торжественным маршем прошло по улицам Оренбурга, Валя нашла меня в рядах; наши взгляды встретились, и мы улыбнулись друг другу.

Праздники я провел с Валею, а затем поехал в отпуск. В Гжатске ведь меня еще не видели в военной форме, да еще с сержантскими нашивками на погонах - теперь я уже стал помощником командира взвода.

И вот родной Гжатск. Он все больше и больше отстраивался, появилось много новых домов, улицы стали благоустроеннее. Отец с матерью потихоньку старели, старшие брат и сестра чем могли помогали им, а наш младший, Борис, стал уже совсем взрослым, ему исполнилось двадцать лет, и он служил в армии артиллеристом.

Я побывал в школе, где учился, повидался с преподавателями, повстречал прежних товарищей, оставшихся работать в Гжатске. И хотя я снова был в кругу родной семьи, меня тянуло в Оренбург - училище уже стало для меня вторым домом, да и мысли о Вале тоже не давали покоя. Мама почувствовала это и однажды в сумерки, когда мы остались одни в доме, стала ласково расспрашивать, почему я задумываюсь, что тревожит мое сердце. И как-то само собой получилось, что, повинувшись установившемуся еще с детства правилу ничего не таить от родителей, я рассказал маме о Вале.

- Думаешь расписаться? - спросила мама.

Я неопределенно пожал плечами. Ведь этот вопрос был еще не решен. Я был противником скоропалительных браков. Да и будучи курсантом, конечно, не мог содержать собственную семью.

- Если любишь, то женись, только крепко, на всю жизнь, как мы с отцом,- сказала мама. - И радости и горе - все пополам.

Я сразу вырос в ее глазах, и она дала мне несколько полезных советов на будущее, напомнила: добрый, мол, жернов все смелет, плохой сам смелется.

Я не использовал отпуск до конца и в Оренбург вернулся раньше срока. Товарищи по эскадрилье и командиры поняли меня без слов. А Валя обрадовалась: она знала, почему я вернулся.

Новый учебный год начался с перемен. Меня и некоторых курсантов перевели в эскадрилью майора Беликова, командиром нашего звена стал капитан Пенкин,

творческий, всегда ищущий что-то новое офицер. Я попал в экипаж старшего лейтенанта Анатолия Григорьевича Колосова, который и научил меня летать на реактивном самолете. Но до этого нам пришлось с головой погрузиться в теорию. Погода благоприятствовала этому: зима стояла буранная, гарнизон заносило снегами, и летать было нельзя. Мы изучали материальную часть реактивных двигателей, знакомились с основами газовой динамики, познавали законы скоростного полета. Многие уже усвоенные раньше теперь представало в ином свете: иная техника, большие скорости, высокий потолок, другие расчеты, новый подход к делу.

Дружба наша с Валею все время крепла и постепенно перешла в любовь. В день моего рождения она подарила мне две свои фотографии. На одной из них она снята в белом медицинском халате, а на другой - в нарядном платье. На обороте этой фотографии Валя почерком, очень похожим на мой, написала: "Юра, помни, что кузнецы нашего счастья - это мы сами. Перед судьбой не склоняй головы. Помни, что ожидание - это большое искусство. Храни это чувство для самой счастливой минуты. 9 марта 1957 года. Валя". Валя была права - мы действительно были кузнецами своего счастья.

Наконец наступил долгожданный день первых полетов на "МИГах". Как красиво выглядели они с поблескивающими на солнце, круто отброшенными к хвосту стреловидными крыльями! Самолеты являли собой гармонию гордых и смелых линий, которым могли бы позавидовать архитекторы, работая над проектами новых зданий. Вслед за Колосовым я сажусь в кабину.

- Есть пламя! - лихо докладывает техник.

И вот уже чуть подрагивающая от нетерпения машина разбегается по взлетной полосе. Не успел я, что называется, и глазом моргнуть, как высотомер показал пять тысяч метров. Это тебе не "ЯК-18", как же летать на такой стремительной машине с большим радиусом действия, головокружительной высотой, увеличенной скоростью и огневой мощностью? А Колосов, словно не ощущая возникшей перегрузки, уверенно, рукой мастера повел "МИГ" в зону и виртуозно проделал несколько пилотажных фигур.

- Возьмите управление,- неожиданно приказал он.

Тон у него всегда был повелительный, не допускающий возражений.

Взялся за ручку - сразу чувствую, не тот самолет, к которому привык, надо упорно работать, чтобы управлять им так же легко, как винтомоторным. И началась упорная работа. За провозными полетами пошли вывозные, потом контрольные, а когда летчик-инструктор окончательно уверился в моих знаниях и способностях,- первый самостоятельный на "МИГе". Он проходил так же, как и первый полет на "ЯК-18". Все с тем же душевным трепетом оторвался я от земли, выписал широкий круг в безоблачном небе и счастливый вернулся на аэродром, сделав для себя вывод, что с увеличением скорости полета летная работа становится все более трудной.

Все как прежде и все не так. Красивый, удобный, маневренный "МИГ" полюбился сразу. Он был легким в управлении, быстро набирал высоту. Я ощутил, как выросли и окрепли мои крылья. Впервые я почувствовал себя настоящим пилотом, приобщившимся к современной технике. То же самое испытывали и мои друзья, с которыми я поступил в училище: Юрий Дергунов, Валентин Злобин и Коля Репин.

Но нам еще многое надо было освоить, чтобы стать настоящими летчиками: высший пилотаж, маршрутные полеты, воздушные стрельбы, групповую слетанность. Всей этой премудрости обучал нас сменивший Колосова квалифицированный летчик-инструктор Ядкар Акбулатов. У него был верный глаз охотника, он все успевал замечать в воздухе и не прощал ни малейшей ошибки. Уже в первом полете в зону он отметил, что глубокие виражи выходят у меня не совсем чисто... Вскоре он похвалил за вертикальные фигуры, на которых возникали сильные перегрузки. А мне удавались эти фигуры потому, что каждый раз, придя в зону, я старался как бы посоревноваться с машиной: проверить, что она может дать и что я могу выдержать. Словом, выжимал из техники все возможности, а лучше всего это можно было делать на вертикальных фигурах.

Но не все проходило гладко. Случались и неудачи. Рост у меня не ахти какой и затруднял ориентировку при посадке машины. Для того, чтобы лучше чувствовать землю в этот ответственный момент полета, я приспособил специальную подушку. Сидя на ней, я видел землю так же, как и летчик-инструктор; посадка получалась лучше. Ядкар Акбулатов одобрил мою "рационализацию".

Как все квалифицированные летчики, он был немногословен, даже замкнут, но все, что советовал, было достойно записи в памятную тетрадь. Он учил:

- Чтобы в полете правильно держать себя, нужно еще на земле все тщательно обдумать; действия в воздухе должны быть быстрыми, но разумными.

Он учил видеть небо по-новому, во всем его многообразии и говорил о самолетах с той же простотой, с какой мой отец говорил о топоре и фуганке. Все эти разговоры сводились к одному - летчик должен летать.

Был и такой неприятный случай. Мы сдавали зачеты по теории двигателя. Преподаватель А. Резников поставил мне "тройку". Я весь похолодел - это была первая "тройка" за все мое учение, первое мое личное "чепе" - наказание за дерзкую самоуверенность. Надо признаться, что суровая отметка была выведена справедливо, я действительно кое-чего недопонимал. А ведь современный авиатор не может летать без крепких и глубоких технических знаний. Мне хотелось быть не просто летчиком, а летчиком-инженером, таким, как многие испытатели новых машин. Значит, теорию авиационных двигателей, да еще в таком небольшом объеме, какой требовался от курсантов, надо было знать назубок. Пять дней я провел за учебниками, никуда не выходил из училища и на шестой день отправился на передачу зачета. Преподаватель спрашивал много и строго. Обыкновенно при повторном экзамене выше "четверки" не ставят. Но на этот раз неписаное правило было нарушено, и мне поставили "пять". На душе стало легче.

На первых порах не у всех нас ладилась воздушная стрельба. Особенно из пушек по наземным целям. А ведь умение вести меткий огонь - одно из главных качеств военного летчика, и тем более летчика-истребителя. От меткой очереди, разящей противника наверняка, зависит зачастую и победа, и целостность машины, и собственная жизнь. Ядкар Акбулатов терпеливо учил нас правильно атаковать, вести слежение за целью с помощью современных прицелов и только тогда нажимать на гашетки, когда ты совсем уверен, что поразишь цель. Он вместе с нами подолгу разглядывал пленки кинофотопулеметов, на которых отмечались все каши ошибки, анализировал их и подсказывал, как их исправить. В конце концов мы освоили сложное искусство воздушных стрельб.

Я летал много, с увлечением.

Приближалась страдная пора выпускных экзаменов. Целые дни мы проводили на аэродроме. В это время и случилось событие, потрясшее весь мир,- был запущен первый советский искусственный спутник Земли. Как сейчас помню, прибежал к самолетам Юрий Дергунов и закричал:

- Спутник! Наш спутник в небе!

Я ощутил легкий, уже знакомый озноб.

То, о чем так много писала мировая пресса, о чем было множество разговоров, свершилось! Советские люди, обогнав в негласном соревновании США, первыми в мире создали искусственный спутник Земли и посредством мощной ракеты-носителя запустили его на орбиту.

Вечером, возвратившись с аэродрома, мы все бросились в Ленинскую комнату к радиоприемнику, жадно вслушиваясь в новые и новые сообщения и репортажи о движении первенца мировой космонавтики. Многие уже наизусть знали основные параметры полета спутника: его скорость, которую трудно было представить,- восемь тысяч метров в секунду, высоту апогея и перигея, угол наклона орбиты к плоскости экватора; города, над которыми он уже пролетел и будет пролетать. Мы жалели, что спутник не прошел над нашим Оренбургом. Разговоров было о спутнике много, его движение вокруг Земли взбудоражило все училище. И мы, курсанты, и наши командиры, и преподаватели задавали один вопрос: "Что же будет дальше?"

- Лет через пятнадцать, ребята,- возбужденно говорил мой друг Валентин Злобин,- и человек полетит в космос...

- Полетит-то полетит, но только кто? - подхватил Коля Репин. - Мы-то к тому времени уже старичками станем... А с годами замедляется реакция, утрачивается острота зрения, человек уже не так быстро соображает, как раньше.

Спорили о том, кто первым отправится в космос. Одни говорили, что это будет обязательно ученый-академик; другие утверждали, что инженер; третьи отдавали предпочтение врачу; четвертые - биологу; пятые - подводнику. А я хотел, чтобы это был летчик-испытатель. Конечно, если это будет летчик, то ему понадобятся обширные знания из многих отраслей науки и техники. Ведь космический летательный аппарат, контуры которого даже трудно было представить, разумеется, будет сложнее, чем все известные типы самолетов. И управлять таким аппаратом будет значительно труднее. Мы пробовали нарисовать будущий космический корабль. Он виделся то ракетой, то шаром, то диском, то ромбом. Каждый дополнял этот карандашный набросок своими предложениями, почерпнутыми из книг научных фантастов. А я, делая зарисовки этого корабля у себя в тетради, вновь почувствовал уже знакомое мне какое-то болезненное и еще не осознанное томление, все ту же тягу в космос, в которой боялся признаться самому

себе.

Мы сразу постигли все значение свершившегося события. Полетела первая ласточка, возвестившая начало весны - весны завоевания просторов Вселенной.

Триумфальный полет спутника Земли вызвал обильный поток газетных и журнальных статей. Выступали советские ученые: А. В. Топчиев, Л. И. Седов, В. А. Амбарцумян, А. Е. Арбузов, А. И. Берг, Д. И. Щербаков. Сказали свое веское слово и представители зарубежной науки - президент Академии наук Китая Го Мо-жо, французский ученый Фредерик Жолио-Кюри, английский физик профессор Бернал, американец доктор Джозеф Каплан и многие другие. Все они приветствовали небывалое достижение советского народа, говорили о том, что советский спутник прорезал путь в космос.

Газеты, полные трепетного жара, напоминали пламенные издания времен Октябрьской революции и Отечественной войны. За ними стояли очереди, их прочитывали залпом прямо на улице, возле киосков "Союзпечати". Во всех газетах публиковались

многочисленные письма трудящихся нашей Родины, выражавших свое восхищение свершившимся. Через некоторое время "Правда" сообщила, что в адрес "Москва... Спутник" поступило 60.396 телеграмм и писем. Среди них было и наше курсантское послание. Меня взволновало опубликованное в газете письмо Евгения Щербакова с моей родной Смоленщины. Земляк писал: "Вероятно, в самом ближайшем будущем будет возможен запуск более крупного спутника. Если целесообразно послать спутник с человеком, то я готов по комсомольской путевке лететь осваивать космос".

Свыше тысячи подобных предложений от людей, способных на великолепное проявление мужества, на самопожертвование и героическую стойкость в любых испытаниях, вызвал полет нашего первого в мире искусственного спутника Земли. Письма выражали патриотические чувства советских людей, готовых рисковать жизнью во имя интересов Родины. Я всей душой разделял этот страстный порыв, но понимал, что далеко не каждый может отправиться в космос. Для этого, на мой взгляд, требовалось энциклопедическое образование и великолепное здоровье.

Недаром мама моя говорила, что здоровью цены нет.

Я помнил вещие слова преподавателя Резникова:

- Без инженерных знаний, без глубокого понимания того, что произойдет или может произойти в полете, - летать нельзя!

Наши выпускные экзамены проходили на высокой волне всенародного энтузиазма, вызванного полетом спутника. Каждый курсант старался быть достойным этого исторического события, показать Государственной экзаменационной комиссии, что он сын своего времени и отличными знаниями вносит свой посильный вклад в успехи всего народа.

Председателем Государственной экзаменационной комиссии был полковник Кибалов - офицер, хорошо известный в авиационных кругах, готовящих кадры для Военно-Воздушных Сил, и давший путевку в жизнь не одному выпуску военных летчиков. Всмотревшись в каждого молодыми, живыми глазами, он выслушивал ответы курсантов по экзаменационным билетам в классах, внимательно следил за нашими полетами на аэродроме. Он часто улыбался, и по выражению его лица мы понимали: полковник удовлетворен нашими знаниями и умением пилотировать реактивные самолеты. Опытный военный педагог и авиационный командир, он все понимал: и степень наших знаний, и то, что творилось у каждого на душе. Выпускные экзамены - самый торжественный и самый ответственный момент в жизни каждого молодого летчика. Я бы назвал его вторым днем рождения человека.

Сохранился документ, в котором сказано: "Представление к присвоению звания лейтенанта курсанту Гагарину Юрию Алексеевичу. За время обучения в училище показал себя дисциплинированным, политически грамотным курсантом. Уставы Советской Армии знает и практически их выполняет. Строевая и физическая подготовка хорошая. Теоретическая - отличная. Летную программу усваивает успешно, а приобретенные знания закрепляет прочно. Летать любит, летает смело и уверенно. Государственные экзамены по технике пилотирования и боевому применению сдал с оценкой "отлично". Материальную часть самолета эксплуатирует грамотно. Училище окончил по первому разряду. Делу Коммунистической партии Советского Союза и социалистической Родине предан". Этот дорогой сердцу документ и стал для меня путевкой в большую авиацию. Пока наши аттестации рассматривались в Москве, в Министерстве обороны, мы пребывали в так называемом "голубом карантине" - нетерпеливом ожидании присвоения офицерских званий.

Я в эти дни находился на седьмом небе: Валя приняла мое предложение и согласилась

стать моей женой. Мы в сопровождении товарищей по училищу и ее подруг побывали в загсе, поставили свои подписи в книге молодоженов и дали друг другу слово всегда быть верными своей любви. Договорились с родными свадьбу гулять дважды - сначала в Оренбурге в торжественные дни 40-летия Великой Октябрьской социалистической революции, а потом во время моего отпуска - в Гжатске. Чтобы строить новую жизнь, нам нужны были хорошие советы, и мы в изобилии получили их накануне свадьбы. В доме Горячевых дым стоял коромыслом - Варвара Семеновна и Валины сестры хлопотали, готовясь к приему гостей, а Иван Степанович собирался блеснуть своим кулинарным искусством. Все были рады, что наша двухлетняя любовь закрепляется браком. Мы с Валею отнеслись к этому шагу со всей серьезностью. Два года - достаточный срок для того, чтобы хорошо узнать друг друга, убедиться в том, что на жизнь мы смотрим одними глазами и готовы вместе преодолеть любые трудности, которые - мы это точно знали - встретятся на длинном и нелегком пути. Мы жили на одном высоком дыхании, и сердца наши бились в одном ритме. Еще в загсе при товарищах я напомнил невесте слова мамы:

- И радость, и горе - все пополам...

- Всегда вместе,- задумчиво ответила Валя, и это прозвучало как клятва.

Почти все уже было готово к свадьбе. И тут произошло еще одно событие, вновь взбудоражившее весь мир, радостно отозвавшееся в душе. 3 ноября в небо взлетел еще один советский искусственный спутник Земли. За первым - второй! Он был во много раз крупнее и тяжелее; на его борту в герметической кабине находилась собака Лайка. Это событие вызвало еще большую бурю восторга, воочию показало миру, каких невиданных высот достигла наша наука и техника за сорок лет Советской власти.

Читая в те дни газеты, описывающие полет второго искусственного спутника Земли, я размышлял: раз живое существо уже находится в космосе, почему бы не полететь туда человеку? И впервые подумал: почему бы мне не стать этим человеком? Подумал и испугался своей дерзости: ведь в нашей стране найдутся тысячи более подготовленных к этому людей, чем я. Мысль мелькнула, обожгла и исчезла. Стоило ли думать о том, что свершится, наверное, не очень скоро. Выпуск из училища, свадьба, отпуск, назначение в строевую часть были ближе, это был мой сегодняшний день. И все же второй спутник Земли больно задел во мне какой-то оголенный нерв, и я вдруг понял, что жду чего-то, что обязательно должно прийти.

В канун празднования 40-летия Октября все выпускники уже в новеньком офицерском обмундировании, но еще с курсантскими погонами были выстроены в актовом зале. В торжественной тишине вошел в зал начальник училища генерал Макаров. Высоко подняв гордую, смелую голову, отчетливым, командирским голосом он зачитал приказ о присвоении нам званий военных летчиков и лейтенантов Советской Армии. Вручая каждому золотые офицерские погоны, генерал поздравлял и пожимал нам руки. Торжество это предполагалось на 8 ноября. Но генерал сам был когда-то курсантом и понимал, что такой всенародный праздник, как 40-летие Октября, нам, выпускникам, важно провести не курсантами, а офицерами. И он, видевший нас насквозь, сделал нам праздник вдвойне прекраснее.

Прямо из училища вместе с друзьями я поехал в просторную жактовскую квартиру Горячевых. Там для нас, новобрачных, приготовили отдельную комнату. Валя встретила меня в белом свадебном платье. А я, сбросив шинель, явился перед нею во всей своей офицерской красе. Таким она меня еще не видела. Впервые мы расцеловались на людях, при родителях. Я стал ее мужем, она - моей женой. Мы были счастливы, и нам хотелось всем уделить частицу своего счастья.

Свадьба удалась на славу. Невеста была всех наряднее. Иван Степанович действительно блеснул своим искусством,- как говорится, стол ломился от яств и напитков. Товарищи поздравляли нас, кричали традиционное "горько". Словом, все было как на всех настоящих русских свадьбах. Варвара Семеновна включила радио, и мы услышали: "Два посланца Советского Союза - две звезды Мира совершают свои полеты вокруг Земли. Наши ученые, конструкторы, инженеры, техники и рабочие порадовали советских людей к 40-летию Октября действительно великим подарком, осуществив дерзновенную мечту человечества".

Мы узнали близкий и родной голос Никиты Сергеевича Хрущева. Передавался произнесенный им в этот день доклад во Дворце спорта Центрального стадиона имени В. И. Ленина на юбилейной сессии Верховного Совета СССР.

- Вот и побывал у нас на свадьбе Никита Сергеевич,- сказала Валя.

И все подняли бокалы за нашу партию, за наш народ, за Советское правительство.

При свете северного сияния

Итак, я стал офицером, летчиком-истребителем. У меня была любящая жена и впервые за всю жизнь собственная комната. Училище я окончил по первому разряду, и мне было предоставлено право выбора места дальнейшей службы. Можно было уехать на юг, предлагали Украину, хорошие, благоустроенные авиационные гарнизоны. Но командование училища не отпускало меня, оставляя на должности летчика-инструктора.

- Ну куда ты поедешь,- говорили мне в штабе училища,- Оренбург - город хороший. У тебя тут семья, квартира, жена учится... Зачем ломать жизнь?

Но я еще раньше решил - ехать туда, где всего труднее. К этому обязывала молодость, пример всей нашей комсомолки, которая всегда была на переднем крае строительства социализма и сейчас показывала чудеса трудового героизма, осваивая все новые и новые миллионы гектаров целинных и залежных земель, возводя доменные и мартеновские печи, перекрывая могучие реки плотинами гидроэлектростанций, прокладывая новые пути в сибирскую тайгу... Одним словом, я чувствовал себя сыном могучего комсомольского племени и не считал себя вправе искать тихих гаваней и бросать якорь у первой пристани. Чувства, которые обуревали меня, не давали покоя и друзьям - Валентину Злобину, Юрию Дергунову, Коле Репину. Все мы попросились на Север.

- Почему на Север? - спрашивала Валя, еще не совсем поняв моих устремлений.

- Потому что там всегда трудно,- отвечал я.

Но это было легко сказать. Надо было еще и объяснить. Ведь спрашивал-то не свой брат-летчик, а хрупкая молодая женщина, проведшая всю свою жизнь в благоустроенном городе, в обеспеченной семье. Я понимал ее: ехать со мной - значит бросить учение, родных, расстаться с привычным укладом жизни. Ведь Валя никогда никуда из Оренбурга не выезжала, и ее не могло не пугать то совсем неведомое и неизвестное, что ожидало нас на Севере. Узнав, что я собираюсь ехать туда не один, она даже как-то спросила:

- Что же, тебе товарищи дороже, чем я?

Что можно было ответить на этот вопрос? Я ее расцеловал, и мы решили, что на первых порах я поеду один, обо всем ей напишу, и когда она закончит медицинское училище, немедленно приедет ко мне. Это Валю даже обрадовало, она поняла, что со своей новой специальностью будет нужнее на Севере, чем в Оренбурге.

До прибытия к новому месту службы оставалось время, и мы с Валею отправились в Гжатск к моим старикам. Встретили нас приветливо. Невестка понравилась. Но отец как-то в беседе высказал недовольство, что свадьбу мы справили не в Гжатске, а в Оренбурге. Зная характер отца, не терпевшего возражений, я промолчал, а Валя сказала:

- Папа, не могли же все мои подруги и Юрины товарищи приехать к вам в Гжатск... Ведь у нас была комсомольская свадьба...

Этот довод убедил отца, и было решено повторить свадьбу в Гжатске. Деньги у меня были, и свадьба прошла так же весело, как и в Оренбурге.

Валя не могла долго оставаться в Гжатске, ей надо было спешить в училище на занятия. Вместе мы доехали до Москвы, я показал жене достопримечательности столицы и с грустью проводил на Казанский вокзал. Кажется, она всплакнула, да и мне было невесело. Но что поделаешь - дружба дружбой, а служба службой! Поезд отошел от перрона, а я долго глядел вслед рубиновым огонькам последнего вагона...

На другой день уехал из Москвы и я. Вместе со мной в купе были Валентин Злобин и Юрий Дергунов. Всю дорогу мы играли в шахматы или, стоя у окна, любовались картинами осыпанных инеем карельских лесов. Мы пересекали край островерхих елей. Позади остался Полярный круг, и с каждым часом природа становилась все суровее, все необычнее. За окнами вагона трещал мороз, клубились туманы, стрелки часов показывали полдень, а нас окружала призрачная голубоватая ночь.

- Куда мы заехали? - недоуменно восклицал Дергунов.

- В гости к белым медведям,- отшучивался я со Злобиным.

Шутить-то мы шутили, но знали: предстоят не шуточные дела. Нет-нет да и даст себя знать сомнение: справимся ли? Ночью-то никто из нас еще не летал, а тут сколько ни едем - все ночь да ночь...

И все же нетерпение одолевало нас, до чего же поезд тащится медленно по сравнению с

самолетом!

Но всему приходит конец, и мы добрались до штаба. Блестящие армейские лейтенанты, мы всем бросались в глаза: на нас поглядывали: что это, мол, за птицы залетели сюда, к студеному морю?

Нам предложили на выбор два типа самолетов, и мы остановились на "МИГах", на которых летали в училище. Получили направление и поехали к месту службы в дальний гарнизон. Дорогу заносило снегом, окна автобуса покрывались морозным узором. Было дьявольски холодно, и мы от уймы новых впечатлений и усталости клевали носами. К месту назначения добрались далеко за полночь, но в гарнизонной гостинице нас ждали. Там уже были оренбуржцы Веня Киселев, Коля Репин, Алеша Ильин и Ваня Доронин. Они нас схватили в объятия, и сон сразу как рукой сняло. Разговорам не было конца. Говорили сразу все и сразу обо всем. Из этого многоголосого гомона я выделил одну важную подробность: командир полка - заслуженный летчик, строгий и справедливый начальник.

Поселили нас в комнату, в которой стояли три койки. Первую, самую лучшую, у окна, занял Валя Злобин. На второй расположился Салигджан Байбеков - татарин из Уфы, третья койка досталась мне. Легли мы под утро и моментально уснули безмятежным сном здоровых молодых людей.

Утром, после завтрака, явились к командиру. Первое впечатление совпадало с тем, что мы уже слышали от товарищей. Подполковник напомнил нам о традициях подразделения и пожелал быть достойными наследниками боевой славы его ветеранов. За последние годы подразделение выдвинулось в число лучших. Его летчики летали без происшествий и завоевали немало призов и почетных грамот за успехи, достигнутые в воздухе и на земле. В кабинете командира в траурной рамке висел портрет.

- Сергей Негуляев,- сказал подполковник, показав на портрет,- советский Данко! В бою, ценой своей жизни, выручил товарищей из беды, таранив фашистский самолет.

Больше ничего не надо было говорить о боевых традициях. Все было ясно.

Вся летная молодежь была зачислена в третью эскадрилью. Командовал нами офицер Андрей Пульхеров. Эскадрилья пока не была объявлена отличной, но находилась на хорошем счету и соревновалась с другими эскадрильями. Теперь в это соревнование предстояло вступить и нам, показать, на что мы способны.

Непосредственным моим начальником оказался командир звена Леонид Данилович Васильев - старший лейтенант. Он считал себя старожилом Севера, не раз во время полетов с честью выходил из ловушек, которые то и дело подстраивает капризная, изменчивая северная природа с ее внезапными снежными зарядами, густыми туманами и непрерывным ветром, задувающим с Ледовитого океана. После первых бесед с ним мы поняли: здесь, на Севере, мало одного умения летать, надо уметь управлять самолетом в непогоду, да еще ночью.

Свирепствовал лютый январь. Непроглядная ночная темень придавила землю, засыпанную глубоким снегом. Но над взлетно-посадочной полосой не утихал турбинный гул. Летали те, кто был постарше. Так как у нас не было опыта полетов в ночных условиях, мы занимались теорией и нетерпеливо ожидали первых проблесков солнца, наступления весны. Жили мы дружной, спаянной семьей, наверное, так же живут и моряки, сплоченные суровыми условиями корабельного быта. Мы знали друг о друге все, никто ничего не таил от товарищей. Если приходило письмо, оно становилось достоянием всех. Его читали вслух, как это, по словам фронтовиков, бывало на войне.

Валя писала часто, но немногословно. Скупое сообщала о своих успехах в учении, видимо, медицина увлекала ее. Она ни на что не жаловалась, но между строк я ощущал тоску и желание поскорее встретиться со мной. То же самое было и в письмах, приходящих к товарищам от родных и близких.

Мы вошли в новый, интересный мир строевой службы, полюбили друг друга, радовались успехам товарищей и сообща переживали все, что делалось у нас. Опытные, старослужащие летчики летали в любое ненастье. Звенья отправлялись на перехваты воздушных целей, в зоны, ходили по дальним маршрутам, вели учебные воздушные бои, тренировались в стрельбах. Одним из лучших перехватчиков в эскадрилье слыл командир нашего звена. Он летал в любую погоду. Однажды, когда я нес дежурство по аэродрому, а Васильев находился в воздухе, над морем внезапно все заволокло густым туманом. Окружавшие аэродром сопки, поросшие соснами, погрузились в непроглядную мглу. Положение создалось критическое. Посадить самолет казалось невозможным. И все же командир звена и его ведомый вышли к аэродрому и, пробив толщу тумана, точно вышли на посадочный курс и опустили на посадочную полосу. У всех отлегло от сердца.

Я бросился к командиру. Он вел себя так, будто ничего не случилось, но все же сказал: - Необходимы точный штурманский расчет и доверие к приборам... И, конечно, надо уметь держать в руках не только машину, но и нервы. На истребителе ты царь и бог - летчик, штурман и стрелок - един в трех лицах...

Своим полетом Васильев преподавал нам, молодым летчикам, наглядный урок умения не теряться ни при каких обстоятельствах. А к командиру звена мы стали относиться с еще большим уважением.

Конец зимы мы использовали для теоретической подготовки, еще раз повторили материальную часть. Затем сдали зачеты на право эксплуатации самолетов в условиях Севера. Особенности, действительно, было много, и знать их должен был каждый. В штабе на нас завели новые летные книжки. Но пока их листы оставались чистыми. Летать мы начали в конце марта, когда во всем уже чувствовалось дыхание весны и длинная полярная ночь стала уступать такому же длинному полярному дню. Вывозил меня командир звена. Усаживаясь в самолет, я ощутил знакомое предполетное волнение: ведь несколько месяцев мне не довелось подниматься в небо. Взлетели на исходе ночи, в синеватой полумгле предрассветных сумерек. Набирая высоту, я, как всегда в полете, слился с машиной. Но когда стрелка высотомера придвинулась к заданной черте, взглянул вниз и увидел солнце. Оно прорезывалось на горизонте, окрашивая небо и землю в золотистый цвет утренней зари. Внизу проплывали сопки, покрытые розовым снегом, земля, забрызганная синеватыми каплями озер, и темно-синее холодное море, бившееся о гранитные скалы.

- Красота-то какая! - невольно вырвалось у меня.

- Не отвлекайтесь от приборов,- услышался отрезвляющий голос Васильева.

Он так же, как и все мы, истосковался по солнцу, но знал: в воздухе ничто не должно отвлекать внимание летчика от управления самолетом. Для него было важно то, что с солнцем мы встретились точно по расчетному времени. И он тут же сказал мне об этом.

- Эмоции эмоциями, а дело прежде всего.

Так началась настоящая летная служба в Заполярье. Командир звена, обстоятельно проверив мое умение обращаться с машиной, допустил к самостоятельным полетам. Новый командир нашей эскадрильи майор Владимир Решетов согласился с его решением и, когда первый самостоятельный полет был совершен, сразу у самолета вместе с секретарем партийной организации капитаном Анатолием Росляковым поздравил меня с этим событием. Товарищи запечатлели на фотографии этот момент. Мне было приятно послать Вале в Оренбург снимок, на котором мы все трое, одетые в меховые комбинезоны, в летных шлемах, улыбающиеся вовсю, пожимаем друг другу руки. Вскоре случилось со мной неприятное происшествие. Я летал по приборам. Синоптики на целый день "дали" хорошую погоду - ничто не предвещало ненастья. Когда я выполнил последнее упражнение, неожиданно стало темнеть. Внизу исчезли островки и заливы. Я понял: приближаются снеговые заряды - самая неприятная вещь на Севере, не только в небе, но и на земле. Запросил аэродром: какая погода? Ответили: пока терпимо, но с каждой минутой видимость ухудшается, запасную посадочную площадку уже захлестнули снежные волны. "Ну что ж, поспорим и поборемся с непогодой",- решительно подумал я и тут же увидел: топлива осталось в обрез. Главное в таком положении - сохранить ясность мысли и присутствие духа.

- Немедленно возвращайтесь! - приказал мне руководитель полетов. В голосе его слышались тревожные нотки.

Невольно вспомнился недавний случай с Васильевым и то, как он тогда нашел выход из подобного положения. Я быстро прикинул в уме самый короткий маршрут к аэродрому, учитывая все решающие данные: крепкий встречный ветер, высоту полета, время, запас топлива. Пробиваясь сквозь спящее снежное месиво, я точно исполнял приказы руководителя полетов. Я отдавал себе ясный отчет, что целостность машины и собственная жизнь находятся у меня в руках и зависят от того, сколь правильно будут выполняться мною команды более опытного, чем я, авиатора - руководителя полетов. Его спокойствие передавалось мне.

Этот хладнокровный, волевой офицер однажды сказал:

- Настоящего человека характеризуют четыре качества: горячее сердце, холодный ум, сильные руки и чистая совесть...

Приборы показали: самолет вышел в район аэродрома. Но, не видя земли, рассчитать посадку с хода я не смог. Пришлось, как ни напряжены были нервы, сделать еще один круг, выйти на приводную радиостанцию и снова планировать на посадку. С чувством облегчения я увидел развернувшуюся серую ленту посадочной полосы. Теперь можно

было садиться.

Пожав мне руку, руководитель полетов сказал:

- Удача благоприятствует смелым.

Это была похвала, в которой так нуждаются молодые офицеры.

Гарнизон жил напряженной творческой жизнью здорового коллектива. Никто не тянулся к преферансу, не забивали "козла", не растрчивали времени на пустяки, никто не пьянствовал, не разводились с женами. Все жили, повинувшись прекрасным законам советской морали.

Летчики, техники и механики нашего подразделения понимали, что полеты первых искусственных спутников Земли знаменуют собою начало эры проникновения человека в космическое пространство, что остроумно сконструированные советскими учеными и инженерами летательные аппараты открывают широчайшие перспективы для осуществления целого ряда важнейших научных исследований. Юрий Дергунов хорошо знал историю завоевания воздушного пространства и, рассуждая вместе с нами о том, с какой стремительностью в наши дни начали развиваться события, связанные с дальнейшими успехами в этом деле, приводил интересные соображения. Он напомнил, что целых полтора года потребовалось человеку для того, чтобы после смелого подъема на примитивном воздушном шаре - это, кстати сказать, было сделано под Рязанью русским мужиком, подьячим Крякутным,- построить первый в мире самолет. Вдвое меньше - всего 75 лет прошло от этих работ, осуществленных нашим соотечественником, флотским офицером Александром Можайским на Красносельском поле под Петербургом, до момента запуска первого искусственного спутника Земли. А теперь, спустя всего несколько месяцев, ввысь пошел уже третий спутник.

- С такими темпами,- убежденно говорил Дергунов,- совсем недалеко и до полета человека в космос.

"Как все сложится в дальнейшем?" - думал я, поглядывая на залитое серебристо-зеленоватым светом луны высокое небо. Подумать только - наш первый спутник тысячу четыреста раз облетел вокруг Земли, а второй сделал почти на тысячу оборотов больше, пройдя путь свыше ста миллионов километров.

Мы внимательно вчитывались в замечательные итоги радиотехнических и оптических наблюдений за первыми двумя спутниками, обсуждали результаты сделанных с их помощью исследований плотности атмосферы, ионосферы, космических излучений, различных биологических данных. Нас волновали выводы ученых, утверждающих, что живые существа удовлетворительно переносят условия космического полета. Было понятно, что все это делалось для исследований, конечной целью которых являлось обеспечение полета человека в космос.

Как-то я услышал:

- Я спутником не пользуюсь, мне и без спутника неплохо живется.

Это была обывательская болтовня. Так можно было договориться и до такого - я телеграфом не пользуюсь, я радио не слушаю, в поезде не езжу, мне и без них неплохо. Я понимал, что правительство не жалеет средств на все, связанное с освоением космоса, и мне казалось, что несколько тысяч, а может быть, и десятков тысяч специалистов в разных областях науки и техники самоотверженно трудятся, чтобы решить самую грандиозную задачу из всех, которые когда-либо ставило перед собой человечество. Радио передавало сравнительно скудные известия о полете нового спутника. Центральные газеты в наш дальний гарнизон приходили с опозданием, так же как и письма. Но ждали мы их с нетерпением, часто наведывались на почту. И, наконец, пришла "Правда", почти целиком занятая описанием третьего советского искусственного спутника Земли. В газете были новые сведения об орбите спутника, о наблюдениях за его полетом, а самое главное - давались подробности устройства спутника. Это в полном смысле слова была автоматическая научная станция в космосе. Статья была написана доходчиво, популярным языком.

Почти вся газета оказалась исчерканной цветными карандашами, а на полях пестрели наши пометки. Вскоре инженер полка прочел лекцию о победах наших ученых в борьбе за овладение космическим пространством. На лекцию пришли почти все офицеры, многие с женами и детьми. Я наблюдал, как загорались глаза подростков, когда лектор говорил, что в скором времени люди полетят к ближайшим планетам. Их уже не интересовали самолеты - они их видели каждый день, теперь сердца мальчишек были отданы новой любви - космическим кораблям, которых толком еще никто не мог себе представить. Я тоже каким-то краем души чувствовал, что на смену самолету придет ракета. В зарубежной печати нет-нет да и проскальзывали сообщения, что дни человека-летчика на

высокоскоростных самолетах обороны и нападения уже сочтены; что современная техника позволяет направить самолет в любую точку земного шара, сбросить там бомбы и вернуть машину к месту старта без присутствия летчика на борту самолета. И в то же время я знал, что ракеты и межпланетные корабли строятся на базе авиационной техники, что именно авиация пробивает дорогу в космос, что на Луну полетит не ветеринар, а летчик.

В эти дни в библиотеке появилась новая книга - "Туманность Андромеды" Ивана Ефремова, пронизанная историческим оптимизмом, верой в прогресс, в светлое коммунистическое будущее человечества. У себя в комнате мы читали ее по очереди. Книга нам понравилась. Она была значительней научно-фантастических повестей и романов, прочитанных в детстве. Нам полюбились красочные картины будущего, нарисованные в романе, нравились описания межзвездных путешествий, мы были согласны с писателем, что технический прогресс, достигнутый людьми, спустя несколько тысяч лет был бы немыслим без полной победы коммунизма на земле.

В свободное от полетов время мы уходили на горную речку ловить форель. Это очень приятное занятие. Отдыхает мозг, и ни о чем не думаешь. Полный покой...

А иногда, по воскресеньям, захватив с собой баян, шли на сопки, поросшие скупой травой и неяркими северными цветами. По дороге пели любимые песни, напоминающие о далеких родных краях. Чувствовали себя моряками, отпущенными на берег после дальнего плавания. Однажды во время такой прогулки мы наткнулись на обломки самолета, поросшие мхом и затерявшиеся среди камней. С нами был инженер, воевавший в этих краях. Он быстро определил: это обломки "мессершмитта".

- Чья же это работа? - поинтересовался Юрий Дергунов.

- Кто знает,- ответил инженер,- может, Бориса Сафонова, а может, Сережи Курзенкова...

Мы знали что Сергей Георгиевич Курзенков - Герой Советского Союза - был первым командиром нашего подразделения и дружил с прославленным советским асом-североморцем Борисом Сафоновым. О Сафонове до сих пор рассказывают легенды, летчики называют его морским орлом.

Молодой Северный флот прославился в годы войны. Корабли его высаживали десанты на скалистое побережье, занятое врагом, конвоировали караваны судов союзников.

Подводные лодки Николая Лунина, Магомета Гаджиева, Израиля Фисановича ходили в Норвежское и Северное моря, топили транспорты противника. Народ знал и Героев Советского Союза - матроса Василия Кислякова, командира отряда морской пехоты Виктора Леонова и многих других защитников Советского Заполярья. И хотя со времен войны уже прошло более полутора десятилетий, в каменной книге гранитных скал можно было читать о том, что здесь происходило.

Обломки сбитой машины с облупившимся, наполовину смытым дождями черным крестом многое нам напомнили и заставили призадуматься. Мы находились на передовом форпосте северных рубежей нашей Родины, и нам следовало быть такими же умелыми, отважными летчиками, как Борис Сафонов, Сергей Курзенков, Захар Сорокин, Алексей Хлобыстов и многие другие герои Великой Отечественной войны - наши старшие братья по оружию.

Вернувшись домой, я обо всем виденном и передуманном написал жене.

Валя вскоре окончила училище, получила диплом фельдшера-лаборанта и в начале августа приехала ко мне. А жить-то было негде. Дом, в котором мне обещали комнату, достраивался. Но безвыходных положений не бывает. Одна знакомая учительница уезжала в отпуск и на это время уступила нам свою комнату. Тут мы и поселились, радуясь тому, что свет не без добрых людей.

Первые дни Валя никак не могла привыкнуть к северной природе, к хмурому, морозящему небу, к сырости: проснется ночью, а на улице светло, как днем. Станет тормозить меня - проспал, мол, полеты. А я смеюсь: - Сюда петухов привезли, так они все путали - не знали, когда кукарекать...

Вскоре нам выделили небольшую комнату, но не в новом доме, как обещали, а в старом, деревянном. Соседями по квартире оказались Кропачевы - хорошая молодая чета.

Осень на Севере наступает рано. Надо было заготовить на зиму топливо. И мы с Валею по вечерам пилили дрова, потом я их колот и складывал в поленницу. Хорошо пахнут свеженаколотые дрова! Помашешь вечерок колуном, и такая охватит тебя приятная усталость - ноет спина, побаливают руки, аппетит разыграется к ужину, и спишь потом беспробудно до самого утра.

Все было хорошо у нас в гарнизоне. И вдруг произошло несчастье. Погиб Юрий Дергунов. Глупо погиб. Не в воздухе, а на земле. Мотоцикл с коляской, на котором он с Алешей

Ильиным ехал по крутой дороге между сопок, врезался на повороте во встречный грузовик. Юра был убит наповал, а Алеша отделался ушибами - его выбросило в мох. Так мы узнали, что есть на свете не только парки и сады, но и кладбища, поросшие деревьями и кустами, и люди могут не только радоваться, но и плакать. Я лишился одного из своих ближайших друзей и долго горевал. Валя успокаивала меня, как могла, предлагала валерьянку и снотворное, но я никогда не болел и ни разу не принимал лекарств. В это тяжелое для меня время мы сблизились с семьей заместителя командира эскадрильи Бориса Федоровича Вдовина. Я и раньше бывал у них в доме, играл с их четырехлетней дочкой Ирочкой. Мать ее, Мария Савельевна, была активисткой и вовлекала нас, молодых офицеров, в кружки художественной самодеятельности. Самодеятельность у нас была широкая - чуть ли не полтора ста певцов, танцоров, затейников. Я пел в хоре.

Когда Валя приехала, Мария Савельевна приняла в ней самое горячее участие. Помогая в житейских делах, она незаметно, с большим тактом объясняла Вале, что значит быть женой военного летчика, как надо переносить трудности, уметь ждать и никогда не отчаиваться. Я знал, что она научила Валю распознавать в воздухе самолеты нашей эскадрильи, вместе с ней часами просиживала возле аэродрома, когда у нас проходили особенно сложные полеты, когда мы летали над морем. Гул пикирующих самолетов создавал обстановку боя, тревожил женщин.

Чем больше привязывалась Валя к Марии Савельевне, тем больше крепла и моя дружба с Борисом Федоровичем. Небольшого роста, подвижной, синеглазый, с выразительным худощавым лицом, он нравился мне своей влюбленностью в жизнь, простотой в обращении с подчиненными. На аэродроме, во время полетов, он становился по-командирски строг и немногословен, а дома сразу менялся, был весел, общителен и остроумен. Мы видели в нем и командира, и наставника, и доброго друга. Он был запевалой во всем, а без запевалы и песня не поется.

Борис Федорович писал стихи и нередко читал их на вечерах самодеятельности. Песенки и частушки, написанные им, исполнялись нашим хором. Он любил русский язык, чувствовал слово. У него была небольшая, толково подобранная библиотечка любимых поэтов. На полке рядышком стояли томики избранных произведений Пушкина, Лермонтова, Шевченко, Блока. Были и книги советских поэтов - Маяковского, Тихонова, Сельвинского, Малышко, Шенгелия... Мы тоже пользовались этими книжками. Читали мы в то время и прозу, изданную Воениздатом и "Молодой гвардией", книги любимых солдатских писателей: Георгия Березко, Ивана Стаднюка, Михаила Алексева и других. Их произведения показывали советского воина во весь его гигантский рост, описывали любовь народов к своему освободителю. Большой популярностью пользовалась в нашей среде библиотечка журнала "Советский воин", небольшие книжицы из этой серии мы носили с собой повсюду.

Прошла короткая осень, и наступила зима с ее длинной полярной ночью. Мы с Валею часто любовались трепетным северным сиянием, охватывающим полнеба. Это было величественное, ни с чем не сравнимое зрелище. Я летал в мерцающем свете серебристо-голубоватых сполохов, соединяющих небо и землю, и, вернувшись домой, рассказывал Вале о том, как еще красивее выглядят они с высоты многих тысяч метров.

Вечерами мы с Валею читали книги. Обыкновенно, лежа на койке, я читал, а она, занятая домашними делами, слушала. Мы брали в библиотеке книги о летчиках. Нам понравилась "Земля людей" Антуана де Сент-Экзюпери - французского летчика и журналиста. Он погиб как герой, не дожив трех недель до освобождения Франции. В его книге было много поэзии и летной романтики, любви к людям. Он описывал мирный труд летчиков почтовых самолетов. Мне запомнилась новелла "Ночной полет". Сильно в ней описано поведение летчика, пробивающегося ночью сквозь бурю, и переживания его молодой жены. Такое случалось и с нашими летчиками и с нашими женами.

Мне нравилось, как писал Экзюпери: "Достаточно ему, пилоту, просто разжать руки - и тотчас их жизнь рассыплется горсточкой бесполезной пыли. Фабьен держит в своих руках два живых бьющихся сердца - товарища и свое..." Или: "Твоя дорога вымощена звездами".

К сожалению, подобных "вечеров громкого чтения" было не так уж много. Валя была занята вместе с другими женщинами общественной работой, а я учился в вечернем университете марксизма-ленинизма. Занятия эти требовали непрерывного обращения к первоисточникам - трудам Маркса, Энгельса, Ленина. Над книгами я за полночь просиживал с карандашом в руках, исписывал целые тетради конспектами к семинарам. Семинары проходили оживленно. Слушатели, разбирая очередную тему, обменивались

мнениями, приводили массу интересных житейских примеров. В сочинениях Владимира Ильича Ленина мы находили ответы на многие вопросы современности. Я переписывал из его книги себе в тетрадь: "Ум человеческий открыл много диковинного в природе и откроет еще больше, увеличивая тем свою власть над ней..." Эти слова заставляли меня вспоминать о спутниках Земли.

Третий из них все еще кружил вокруг планеты, когда весь мир снова потрясло известие - 2 января 1959 года в Советском Союзе запущена многоступенчатая космическая ракета в сторону Луны. Это было эпохальное событие. Человек стал еще ближе к космосу.

Коллективы научно-исследовательских институтов, конструкторских бюро, заводов и испытательных организаций, создавшие новую ракету для межпланетных сообщений, посвятили этот запуск внеочередному XXI съезду Коммунистической партии Советского Союза.

Раздумывая над всем, что удалось узнать о полете ракеты, я чувствовал словно легкое недомогание и не сразу разобрался, что меня мучает недостаток образования. Следовало, не теряя ни одного дня, продолжать учение.

Я уже знал о кибернетике, слышал разговоры о том, что придет время - и вычислительная машина заменит человеческий мозг. Согласиться с этим было нельзя по многим причинам, хотя бы потому, что, как бы машина ни была совершенна, решение все же должен принять человек, в критическом случае человек более многосторонен, и ему надо меньше места, чем машине. Наконец, чтобы поддерживать машину в рабочем состоянии, тоже необходим человек. Одним словом, человеческий мозг - самое совершенное произведение природы - ничто заменить не может и никогда не заменит.

Через три недели после запуска многоступенчатой ракеты в докладе на XXI съезде партии Н.С.Хрущев под бурные аплодисменты делегатов сказал: "Первым в мире искусственным спутником Земли был советский спутник; первой искусственной планетой Солнечной системы является советская планета. В необъятных просторах Вселенной она гордо несет вымпел с изображением Государственного герба Советского Союза и надписью "Союз Советских Социалистических Республик. Январь, 1959 год".

XXI съезд Коммунистической партии! Наметив величественный семилетний план дальнейшего развития народного хозяйства страны, он выдвинул перед нашим народом, вступившим в период развернутого строительства коммунистического общества, грандиозные задачи во всех областях экономической, политической, идеологической и международных отношений. Глубоко изучая материалы съезда, мы хорошо понимали, что семилетка - это новый, решающий рубеж на пути исторического развития нашей Родины. Перед советскими людьми съезд поставил ясную и благородную цель, и для достижения ее надо было хорошо потрудиться каждому. А нам, летчикам, с еще большим рвением выполнять свой долг, бдительно охранять мирное советское небо. На съезде были сказаны веские слова о задачах нашего государства в области защиты мира и обороны от угрозы нападения со стороны империалистических держав, о том, что, пока существуют агрессивные военные блоки, нужно укреплять и совершенствовать Советские Вооруженные Силы.

На дворе свирепствовала зима, но съезд внес в жизнь страны весеннее оживление. Все всколыхнулось, пришло в движение, пробудилось. Повсюду прорастали семена нового.

XXI съезд партии сыграл и в моей жизни огромную роль. Именно в эти счастливые дни во мне окончательно созрело давнишнее решение подать заявление о приеме в кандидаты партии. Ведь все те люди, на которых я старался быть похожим, у кого учился жить и работать, были коммунистами. И когда я сказал об этом секретарю нашей партийной организации капитану Анатолию Павловичу Рослякову, он одобрительно сказал:

- Правильно, Юрий, партия сделает из тебя закаленного бойца.

В тот же день я написал заявление, испортив немало бумаги, пока нашел несколько десятков слов, отвечающих моему настроению и чаяниям. Товарищи и комсомольская организация дали мне рекомендацию, и вскоре я был принят кандидатом в члены партии. Это обязывало меня работать, учиться еще усерднее, чтобы оправдать великое доверие. В то время "История Коммунистической партии Советского Союза" стала моей настольной книгой.

Одно радостное событие набегало на другое. В середине апреля я отвез Валю в родильный дом ближайшего к нашему гарнизону городка, а сам вернулся домой. К Вале я всегда испытывал необыкновенную нежность и никогда не волновался так, как в эти дни. Да, наверное, все молодые отцы, ждущие первенца, переживают нечто подобное.

Мне хотелось, чтобы родилась девочка. В отпуске мы даже поспорили, какое купить приданое. Валя хотела мальчика и выбрала, как полагается для мальчика, голубенькое

одеяльце.

Я переживал и довольно-таки часто звонил из гарнизона в родильный дом. Надоел всем ужасно - меня узнавали по голосу и подшучивали над моим нетерпением, обнадеживали, что все, мол, обойдется благополучно. А я верил и не верил и снова звонил. Даже телефонистки стали обижаться.

Наконец, на мой звонок ответили вопросом:

- Ждете мальчика?

- Нет, девочку,- быстро ответил я

- Ну, так поздравляем с исполнением желания: родилась девочка, семь с половиной фунтов.

А что это такое семь с половиной фунтов? Много это или мало? Мне хотелось немедленно мчаться в родильный дом, но не было машины, и я смог поехать только утром. Ни к Вале, ни к дочке, конечно, не пустили, но записку и подарки передали. Валу выписали через неделю. Я приехал за ней на военном "газике" и всю дорогу обратно бережно держал ребенка на руках, боясь что-нибудь повредить в этом хрупком и таком дорогом для меня существе. Прямую дорогу заливало солнце, и над ней кружили белые морские птицы. Свежий апрельский ветер летел нам навстречу. На душе было радостно, хотелось петь. Хорошо, если бы вся жизнь нашей дочери шла такой же светлой, весенней дорогой.

Уже подъезжая к нашему домику, я сказал жене:

- Ты мучилась - твое право выбрать имя нашей девочке...

- А я уже называю ее Леночкой,- ответила Валя.

Елена! Красивое русское имя! Это имя и было вписано в метрику нашей дочери.

С появлением ребенка в доме прибавилось забот. Только молодой отец может понять, какое удовольствие купать в теплой воде своего маленького, беспомощного ребенка, пеленать его, носить на руках, нашептывать тут же придуманные колыбельные песенки. Вернувшись домой с аэродрома, я все время проводил с малышкой, помогал жене в хозяйственных делах. Ходил в магазин за продуктами, носил воду, топил печь. Прав был поэт, когда писал: "Я люблю, когда в доме есть дети и когда по ночам они плачут". Работы было по горло, но она шла на пользу душе и телу, ведь самая лучшая гимнастика - работа. На все не хватало времени, и я, что называется, не выходил из цейтнота.

А полеты становились все сложнее и сложнее, летали над беспокойным, по-весеннему бурным морем. Летали строем, что важно при ведении воздушного боя, летали по приборам "вслепую", изучали радионавигацию. Над морем проводили и учебные воздушные бои. Приходилось тренироваться с таким опытным "противником", как Борис Вдовин. Он был хваткий воздушный боец и считался неуязвимым.

Как-то я получил задание перехватить самолет Вдовина. Для перехвата и нападения на самолет "противника" необходимо было догнать его и атаковать с хвоста. Набрал высоту, пошел в район цели. Мне удалось незаметно для Вдовина атаковать его с верхней задней полусферы. Но еще до того, как я вышел на дистанцию огня, чтобы зафиксировать поражение цели на пленку кинофотопулемета, Вдовин положил свой "МИГ" в крутой вираж. Я ринулся за ним. Так и виражили мы несколько минут друг против друга, и ни один из нас не смог зайти в хвост другому. Каждый упорствовал и оставался недосягаемым. Так бы, наверное, и крутили мы бешеную карусель до тех пор, пока в баках оставалось топливо, но Вдовин подал команду, я пристроился к его машине, и мы, довольные друг другом, крыло к крылу, возвратились на аэродром.

- Силен ты, брат, стал, - одобрительно посмеиваясь, сказал мне Вдовин на земле, когда нервное напряжение спало,- своих учителей кладешь на лопатки. Так действуй и впредь. У него была привычка подшучивать над людьми, которые ему нравятся.

Моему росту как летчика и воздушного бойца способствовали систематические занятия спортом. Зимой лыжи и коньки, а летом - легкая атлетика и баскетбол. Игра в баскетбол нравилась своей стремительностью, живостью и тем, что в ней всегда царил дух коллективного соревнования. Броски мяча в корзину с ходу и с прыжка вырабатывали меткость глаза, точность и согласованность движений всего тела. Есть и другие, не менее интересные и полезные игры, но я, как старый энтузиаст баскетбола, пользуясь случаем, хочу сказать, что, на мой взгляд, это самая лучшая игра.

Теннис - тоже отличная игра, требующая физической выносливости, как в футболе, хорошего глазомера, сообразительности и ума, как в шахматах. Но, к сожалению, везде, где мне приходилось учиться и служить, теннисных кортов не было. А жаль! Для военного летчика теннис очень полезен, а то, что хорошо для летчиков, хорошо и для всех. Это,

пожалуй, единственная спортивная игра, которой можно заниматься с детства до преклонного возраста.

Став кандидатом в члены партии, я получил общественное поручение - редактирование эскадрильского "боевого листка". В нем помещались заметки летчиков и техников о жизни и учебе, отмечались успехи, достигаемые в полетах, критиковались те, кто допускал ошибки. Приурочивали мы выход "боевого листка" и к важным политическим событиям, которыми жила страна. Одним из самых удачных, по мнению политработников, был "боевой листок", посвященный поездке Н. С. Хрущева с миссией мира и дружбы в США в сентябре 1959 года.

За три дня до отлета Н. С. Хрущева из Москвы в Вашингтон в Советском Союзе произошло два события, словно гром, прокатившихся по всему миру: в Неву, к месту стоянки в штормовую октябрьскую ночь 1917 года легендарной "Авроры", пришел могучий корабль мира - атомоход "Ленин", а к Луне устремилась космическая ракета. Она несла вымпел с нашим Государственным гербом. Две красные пятиконечные звезды зажглись одновременно: одна - на рее атомохода и другая - на далекой межпланетной трассе.

"Придет время, и наши космонавты привезут с Луны на Землю образцы тамошней породы",- писали мы в "боевом листке".

Мы страстно верили, что человек проникнет в космос, с огромной скоростью облетит вокруг Земли, а затем придет пора волнующих стартов - к Луне, к Марсу, к Венере... По радио и по газетам летчики следили за триумфальной поездкой Н. С. Хрущева по городам Соединенных Штатов Америки. В Ленинской комнате нашей эскадрильи была вывешена карта, на ней отмечался маршрут: Вашингтон - Нью-Йорк - Лос-Анжелос - Сан-Франциско - Де-Мойн - Питтсбург и опять Вашингтон. И повсюду радостные встречи, выражения приветия и восторга. В то время мое сердце неудержимо рвалось в космос. Я прочитывал в газетах и журналах все, что касалось этого вопроса. На встрече в Национальном клубе печати в Вашингтоне американские журналисты спросили Н. С. Хрущева:

- Когда вы думаете забросить человека на Луну?

- Человека в космос мы пошлем тогда, - ответил Н. С. Хрущев, - когда будут созданы необходимые технические условия. Пока таких условий еще нет.

Эти слова главы Советского правительства взволновали меня и в то же время успокоили. Я понял, что в нашей стране ведутся серьезные работы по подготовке полета человека в космос и то, что у меня еще есть время, чтобы все обдумать и окончательно решиться подать рапорт с просьбой зачислить меня кандидатом в космонавты.

Что я подам этот рапорт, сомнений уже не было. Я не боялся начинать свою жизнь сначала.

Готовность номер один

Через несколько дней после возвращения Н. С. Хрущева из поездки в США, во время которой американский народ, народы всех стран еще раз наглядно убедились в стремлении Советского Союза к миру, наши ученые запустили третью космическую ракету. Она обогнула Луну, сфотографировала ее невидимую с Земли часть и передала фотографии на Землю. Эта новая, небывалая победа опять всколыхнула все человечество. Снова высокая волна оваций в честь Советского Союза прокатилась по всем континентам. Жизнь вносила существенные поправки в мои замыслы и планы. Если я совсем недавно полагал - еще есть время на размышления, то теперь понял: медлить больше нельзя. На следующий день, как того требует военный устав, я подал рапорт по команде с просьбой зачислить меня в группу кандидатов в космонавты. Мне казалось, что наступило время для комплектования такой группы. И я не ошибся. Меня вызвали на специальную медицинскую комиссию.

Комиссия оказалась придирчивой. Все было совсем не так, как при наших ежегодных летних медицинских осмотрах. К ним авиаторы привыкли и ничего "страшного" в них не видели. А тут, начиная с первого же специалиста, а им оказался врач-окулист, - я понял, насколько все серьезно. Глаза проверяли очень тщательно. Нужно было иметь "единицу" по зрению, то есть свободно и уверенно прочитывать всю таблицу букв и знаков от начала

и до конца, от крупных до самых мелких. Придирчиво искали скрытое косоглазие, проверяли ночное зрение, тщательно исследовали глазное дно. Пришлось не один, как обычно, а семь раз являться к окулисту, и всякий раз все начиналось сызнова: опять таблицы букв и знаков, проверка цветоощущения; взгляните правым глазом, взгляните левым, посмотрите туда, посмотрите сюда... Одним словом, доктор работал по формуле: "Семь раз отмерь - один раз отрежь". Искал он, искал, но ни сучка, ни задоринки в моих глазах не нашел.

Проводилась проверка способности работать в усложненных условиях. Предлагалось производить арифметические действия с цифрами, которые вначале нужно было найти в специальной таблице. При этом учитывались и скорость работы и правильность ответа. На первый взгляд, решение задачи было простым. Но неожиданно включался репродуктор, из которого монотонный голос начинал подсказывать решение. Однако вместо помощи голос сильно мешал сосредоточиться. Внимание начинало рассеиваться, и требовалось заставить себя продолжать работу, не обращая внимания на "услужливого друга". Было трудно. Впрочем, это были только цветочки - ягодки были впереди. Врачей было много, и каждый строг, как прокурор. Приговоры обжалованию не подлежали - кандидаты в космонавты вылетали с комиссии со страшной силой. Браковали терапевты и невропатологи, хирурги и ларингологи. Нас обмеряли вкривь и вкось, выстукивали на всем теле "азбуку Морзе", крутили на специальных приборах, проверяя вестибулярные аппараты... Главным предметом исследований были наши сердца. По ним медики прочитывали всю биографию каждого. И ничего нельзя было утаить. Сложная аппаратура находила все, даже самые минимальные изъяны в нашем здоровье.

Руководил комиссией опытный авиационный врач Евгений Алексеевич - человек большой эрудиции и знаний. Красивый, синеглазый, остроумный, он сразу расположил к себе всю нашу группу, и даже те, кто уже отчислялся по здоровью, уезжали с хорошим чувством к нему.

- На медицину не сердитесь, ребята,- провозжая их, шутил он,- продолжайте летать, но не выше стратосферы.

Отсев был большой. Из десяти человек оставляли одного. Но и он не был уверен, что его не спишет следующая комиссия, которую каждому сулил на прощание Евгений Алексеевич. Готовиться к такой комиссии он советовал и мне.

Первый этап был пройден, и у меня появилась надежда. Я вернулся в полк, и потянулись дни ожидания. Время быстро переворачивало листки календаря. Как и прежде, я по утрам уходил на аэродром, летал над сушей и морем, нес дежурства по полку, в свободное время ходил на лыжах, оставив Леночку на попечение соседей, вместе с Валею на "норвегах" стремительно пробегал несколько кругов на гарнизонном катке, по-прежнему редактировал "боевой листок", нянчился с дочкой, читал трагедии Шекспира и рассказы Чехова, во второй раз перечитывал роман Виктора Гюго "Труженики моря".

Я ждал, ждал и ждал вторичного вызова. Трудно было, потому что ждал один. Валя пока еще ничего не знала. О своей первой поездке на медицинскую комиссию я умолчал, сказал, что это была обычная командировка по служебным делам. Меня мучила совесть: ведь мы ничего не скрывали друг от друга. Но тут было уж очень необычное дело, и пока лучше всего помалкивать. Да так советовали и Евгений Алексеевич и командир полка. А дни все шли и шли. Уже стало казаться, что обо мне забыли, что я не подошел. Ведь рост у меня небольшой, на вид щуплый, бицепсами похвастать не мог. А вместе со мной проходили комиссию парни что надо - кровь с молоком, гвардейского роста, косая сажень в плечах, самые что ни на есть здоровяки... Куда мне с ними тягаться! Старался забыть о своем рапорте, о комиссии и не мог.

Валя растила дочку, была занята поручениями женсовета, мечтала со временем поступить в медицинский институт. Вечерами, когда мы встречались дома, она нет-нет да и поглядывала на меня каким-то странным, вопрошающим взглядом, словно догадывалась, что творится у меня на душе.

- Уж не заболел ли ты, Юра? - допытывалась она и, как все медики, советовала измерить температуру.

Я послушно ставил градусник под мышку. Но ртутный столбик упорно не хотел подниматься выше 36,6. И все же я был болен болезнью, которой нет названия в медицине,- тяга в космос продолжала мучить меня. Но я знал - от этой болезни ни один врач не смог бы меня исцелить.

И когда я совсем отчаялся, когда, казалось, уже не осталось никаких надежд, пришла бумага: меня снова вызывали на комиссию. Я поехал и опять не сказал Вале, куда и зачем

меня вызвали.

Все повторилось сначала. Но требовательность врачей возросла вдвое. Все анализы оказались хорошими, ничего в моем организме не изменилось. Евгений Алексеевич был доволен.

- Стратосфера для вас не предел,- обнадежил он.

Это были самые приятные слова, слышанные когда-либо.

Клинические и психологические обследования, начатые первой комиссией, продолжались. Помимо состояния здоровья, врачи искали в каждом скрытую недостаточность или пониженную устойчивость организма к факторам, характерным для космического полета, оценивали полученные реакции при действии этих факторов. Обследовали при помощи новейших биохимических, физиологических, электрофизиологических и психологических методов и специальных функциональных проб. Нас выдерживали в барокамере при различных степенях разреженности воздуха, исследовали при дыхании кислородом в условиях повышенного давления; крутили на центрифуге, похожей на карусель. Врачи выявляли, какая у нас память, сообразительность, сколь легко переключается внимание, какова способность к быстрым, точным, собранным движениям.

При отборе интересовались биографией, семьей, товарищами, общественной деятельностью. Оценивали не только здоровье, но и культурные и социальные интересы, эмоциональную стабильность.

Для полета в космос искали горячие сердца, быстрый ум, крепкие нервы, негибаемую волю, стойкость духа, бодрость, жизнерадостность. Хотели, чтобы будущий космонавт мог ориентироваться и не теряться в сложной обстановке полета, мгновенно откликаться на ее изменения и принимать во всех случаях только самые верные решения.

Все это заняло несколько недель. Вновь отсеялось немало ребят. Я остался в числе отобранных летчиков - кандидатов в космонавты. Через несколько дней всю нашу группу принял главнокомандующий Военно-Воздушными Силами Константин Андреевич Вершинин. На этой встрече среди других заслуженных генералов нашей авиации мне радостно было увидеть одного из первых Героев Советского Союза - Николая Петровича Каманина, о котором я так много слышал еще от его бывшего фронтового однополчанина, начальника Саратовского аэроклуба Г. К. Денисенко.

Впервые в жизни мне, младшему офицеру, довелось беседовать с Главным маршалом авиации. Он встретил нас по-отцовски, как своих сыновей. Интересовался прохождением службы, семейными делами, расспрашивал о женах и детях и в заключение сказал, что Родина надеется на нас.

Отныне я должен был расстаться с полком, попрощаться с товарищами и вместе с семьей отбыть к месту новой службы. Открывалась новая, самая интересная страница в моей жизни.

Вернулся я домой в день своего рождения. Валя знала о моем приезде и в духовке испекла именинный пирог, украсила его моими инициалами и цифрой "26". Подумать только - недавно было шестнадцать и уже двадцать шесть! Но я все так же, будто паренек-ремесленник, восторженно глядел на открывающийся моим глазам широкий, залитый солнечным светом мир.

На пирог собрались к нам мои товарищи и подруги Вали. И хотя еще никто ничего толком не знал, все догадывались, что мы скоро покидаем гарнизон. Вале я сказал, что меня назначают на летно-испытательную работу и что мы скоро уедем в центр России. Она поделилась новостью с подругами. Так все и думали - Гагарин станет летчиком-испытателем, будет опробовать новые машины.

За столом много говорилось о летчиках-испытателях. Разговор шел о борьбе нашей авиации за скорость, высоту и дальность полетов. Вспомнили, что за последнее время многие летчики-испытатели завоевали Родине новые мировые рекорды: Владимир Ильюшин на "Т-431" поднялся почти на тридцатикилометровую высоту, Георгий Мосолов на "Е-66" летал со скоростью, чуть ли не в два с половиной раза большей скорости звука. Валентин Ковалев все выше поднимал потолок, увеличивал грузоподъемность наших пассажирских воздушных кораблей. Усердно трудились над развитием нашего Воздушного Флота и многие другие авиаторы.

- Теперь очередь за тобой, Юрий,- шутя сказал Анатолий Росляков - секретарь нашей партийной организации. Он почему-то был уверен, что я сделаю что-то необыкновенное. Я слушал товарищей и молчал. Ведь предстояли такие рекорды, перед которыми все достигнутое бледнело. Вспомнились летчики, с которыми я был на приеме у Главного маршала авиации. Каждый из них горел решимостью отдать все свои силы для подготовки

к таким полетам. Каким-то подсознательным чутьем я догадывался, что каждый из них установит космический рекорд: одни раньше, другие позже. Дело было во времени. Играл патефон. Борис Вдовин прочел свое новое стихотворение. Затем спели хором, а под конец заговорили о новом законе, принятом сессией Верховного Совета СССР, о значительном сокращении наших Вооруженных Сил. Закон этот взволновал офицеров полка, и все разговоры обязательно сводились к нему.

- Ты вот идешь в испытатели,- говорил Вдовин,- а мне наверняка придется на "гражданку" подаваться... Все начинать сызнова...

Товарищи понимали, что закон, видимо, коснется и нашего полка.

Ведь главным видом Советских Вооруженных Сил стали ракетные войска. Ракета потихоньку вытесняла и авиацию и артиллерию; иным становился облик всей нашей могучей армии и флота - численно они уменьшались, а огневая мощь их возрастала. Тех, кто должен был уйти из рядов Вооруженных Сил, новый закон обеспечивал жильем и работой. Газеты печатали фотоснимки и корреспонденции о целых подразделениях, уезжающих на стройки семилетки, на целину.

Вскоре радио, а затем газеты сообщили о подвиге четырех советских солдат, занесенных штормом на барже в Тихий океан. Они проявили выдержку и отвагу, преодолели, казалось бы, самое непреодолимое. Асхат Зиганшин, Анатолий Крючковский, Филипп Поплавский и Иван Федотов были людьми советской закалки. Их замечательная поэтическая история волновала летчиков. Каждый из этой отважной четверки оказался человеком личной храбрости, физической выносливости, с несгибаемой волей к победе. Казалось бы, в центре урагана, в котором очутилось их утлое суденышко, не было никаких надежд на спасение, но советские парни не растерялись и не отказались от борьбы. Несмотря на молодость, за плечами у них были годы учебы, труда, опыта. Это был маленький сплоченный коллектив, воспитанный партией и комсомолом. Они по-братски делились каждой каплей воды и каждым куском вареной кожи, нарезанной кз сапог. Они еще раз доказали, сколь прочны узы войскового товарищества.

Подвиг отважной четверки гармонировал с моим приподнятым настроением. Мне хотелось в преодолении трудностей быть таким же, как они, не бояться разбушевавшейся стихии, смело вступать с нею в борьбу. Ведь космос - тоже опасная стихия.

В доме приготовились к отъезду. Было жаль расставаться с товарищами, с полюбившейся суровой природой, со сполохами северного сияния.

В последний раз поехали мы с Валею на берег моря, окантованного кружевом прибоя, поглядели на белых птиц, круживших над гранитными скалами, затем сходили на кладбище, долго стояли у могилы Юрия Дергунова. "Мог быть замечательным летчиком и так глупо погиб",- думал я. Мы положили ветви сосны на могилу товарища и с грустью отправились домой.

Вечером вся наша небольшая семья, провожаемая друзьями, покинула военный городок. Что ждало нас? На этот вопрос никто не смог бы ответить.

К месту нового назначения мы прилетели на самолете. Валя плохо переносит воздушные путешествия, но она согласилась на этот полет, зная, что времени в обрез и меня уже ждут. Мы быстро устроились с жильем, и я вместе с новыми товарищами приступил к занятиям.

Прежде всего нас детально познакомили с тем, что ожидает человека, отправляющегося в космос. Военный врач Владимир Иванович, крупнейший специалист авиационной медицины, обстоятельно рассказал нам о факторах, с которыми встречается живой организм при полетах в космическое пространство. Он разделил их на три класса. К первому Владимир Иванович относил факторы, зависящие от физического состояния самого космического пространства: низкое барометрическое давление - фактически глубокий вакуум; иной, чем на земле, газовый состав среды; резкое колебание температур; различные виды ионизирующей радиации; метеоритную опасность. Во второй класс факторов профессор зачислял все, зависящее от ракетного полета,- шум, вибрации, сильные перегрузки, невесомость. И, наконец, к третьему классу факторов относил искусственную атмосферу в космическом корабле, ограниченные размеры кабины, сужение двигательной активности человека, находящегося в этой кабине, его эмоциональное напряжение, нагрузки на нервы и психику и, наконец, неудобства, связанные с пребыванием в специальной одежде.

Все это было ново, интересно, и слушали мы, затаив дыхание, не пропуская ни одного слова. Нам как бы приоткрыли дверь в мир науки.

С каждым днем Владимир Иванович и другие специалисты раскрывали перед нами, рядовыми летчиками, увлекательную картину того, что уже было проделано и достигнуто

учеными, исследовавшими, как влияют условия космического полета на живой организм. Оказалось, что с 1951 года, кроме лабораторных опытов в институтах, проводились биологические исследования на ракетах, запускаемых ввысь, в отсеки которых помещались животные.

Первый такой полет, осуществленный в Советском Союзе на высоту 112 километров, увенчался успехом. Были получены данные, свидетельствующие о возможности кратковременного пребывания животных в космосе. Вслед за этим изучили возможность пребывания животных в скафандрах в герметических кабинах и спуска их с больших высот на парашютных системах. Они спускались с высоты в 90 километров в течение 65 минут.

- А потом наши ракеты взлетели на двухсоткилометровую высоту,- сказал Владимир Иванович. - Эти полеты также принесли хорошие результаты.

Ракеты забрасывали животных все выше и выше. Было поставлено несколько опытов с полетом животных на высоту до 450 километров к поясу частиц высоких энергий. Эти научные исследования помогли определить возможности пребывания живых существ в космосе.

Наши ученые для изучения биологических условий космического полета избрали собак. Собаки - животные спокойные, физиология их хорошо изучена, они поддаются тренировкам и подготовке.

Подобные исследования велись и ведутся в США. Но американцы проводили свои опыты на мелких грызунах, на мышах и на обезьянках. Они посылали обезьянок в космос под наркозом, выключаящим на время кору головного мозга.

- Это,- пояснял нам Владимир Иванович,- противоречит учению великого русского физиолога Ивана Павлова, и мы отказались от подобных опытов.

Мы все помнили знаменитый полет собаки Лайки на втором искусственном спутнике Земли. В отличие от прежних исследований ее полет позволил изучить длительное воздействие ускорений при выводе спутника на орбиту и последующего состояния невесомости, продолжавшегося несколько дней. Наблюдения за организмом Лайки, осуществленные при помощи различных тончайших приборов, послужили основой для разработки средств, обеспечивающих безопасность полета человека в космическом пространстве.

- Словом, ребята,- сказал один из летчиков нашей группы, выходя с лекции Владимира Ивановича,- можно сказать, что собака - лучший друг космонавта!

Изображение Лайки встречается на почтовых марках и открытках, на коробках сигарет. Но она, право, заслужила большего. И, может быть, ей когда-нибудь поставят памятник, как поставили в Колтушах под Ленинградом бронзовую скульптуру безымянной собаки - предмета исследований медицины.

Мы находились в идеальных условиях. Все у нас было, ничто не отвлекало от полюбившихся, интересных занятий. Мы относились с уважением к нашим врачам. Это они определяли условия, обеспечивающие жизнь и здоровье человека в кабине космического корабля, принимали деятельное участие в его создании, в разработке надежного скафандра и научной медицинской регистрирующей аппаратуры. Я часто садился на садовой скамейке под деревом, уже покрывшимся почками, и начинал рассуждать. Иногда приятно остаться наедине и разобраться в своих мыслях и впечатлениях дня. Чаще всего это было на закате солнца, когда вся природа и самый воздух становились розовыми, или вечером, когда небо перепоясывал дымящийся Млечный Путь.

Человек побаивается перемен, но и любит их. Наша жизнь переменилась, и переменилась к лучшему. Я размышлял над тем, какой огромный размах приобрели работы по освоению космического пространства в Советском Союзе, сколько денег и труда вложено в это дело. Как-то Владимир Иванович сказал, что Никита Сергеевич Хрущев в курсе всего достигнутого, живо интересуется всеми работами, требует от ученых свести до минимума риск не только для жизни, но и для здоровья космонавта.

Нас ознакомили с планом подготовки к космическим полетам. Это была обширная программа, включающая сведения по основным теоретическим вопросам, необходимым космонавту, а также обеспечивающая приобретение навыков, умения пользоваться оборудованием и аппаратурой космического корабля. Мы должны были изучить основы ракетной и космической техники, конструкцию корабля, астрономию, геофизику, космическую медицину. Предстояли полеты на самолетах в условиях невесомости, много тренировок в макете кабины космического корабля, в специально оборудованных звукоизолированной и тепловой камерах, на центрифуге и вибростенде. Словом,

работы - непечатый край. До готовности номер один к полету в космос было еще, ох, как далеко.

Начались занятия. Они проходили в совершенно отличной обстановке, чем в техникуме, в училище или в полку. Здесь царил абсолютная тишина и занимались с нами видные специалисты с громкими именами. У каждого - крупные теоретические работы, каждый внес заметный вклад в советскую науку.

Рабочий день наш начинался с часовой утренней зарядки. Занимались на открытом воздухе, в любую погоду, под наблюдением врачей. Были и специальные уроки по физкультуре: гимнастика, игры с мячом, прыжки в воду с трамплина и вышки, упражнения на перекладине и брусьях, на батуте, с гантелями. Много плавали и ныряли. Люди, не умеющие плавать, боящиеся воды, в космонавты не годятся. Все эти занятия вырабатывали у нас навыки свободного владения телом в пространстве, повышали способности переносить длительные физические напряжения.

В какой-то мере эту цель преследовали и прыжки с парашютом, производившиеся на аэродроме возле реки.

Перед тем как я должен был уехать на этот аэродром, мы получили телеграмму из Оренбурга: тяжело заболел Иван Степанович - отец Вали. Посоветовавшись, мы решили, что, пока я буду проходить парашютную практику, Валя вместе с дочкой отправится к своим родным. Тем более, что и мама ее - Варвара Семеновна тоже чувствовала недомогание. Так и сделали.

После первого прыжка с парашютом, совершенного еще в Саратовском аэроклубе, мне довелось прыгать только четыре раза - в Оренбургском авиационном училище и в полку. Это были обычные тренировочные прыжки, которые полагается выполнять каждому летчику. Теперь же предстояло освоить сложные прыжки по инструкторской программе. Особенное внимание уделялось затыжкам и спуску на воду.

Тренировал нас Николай Константинович - заслуженный мастер спорта, один из известнейших советских парашютистов, обладатель нескольких мировых рекордов, в том числе рекорда затыжного прыжка, когда он падал свыше четырнадцати с половиной тысяч метров, не раскрывая парашюта. Учиться у такого мастера было интересно. Он многому научил нас: как оставлять самолет, как управлять телом во время свободного падения, как определять расстояние до земли, как приземляться и приводняться...

За короткий срок я выполнил около сорока прыжков. И все они не были похожи друг на друга. Каждый прыжок переживался по-своему, всякий раз доставляя смешанное чувство волнения и радости. Мне нравились и томление, охватывающее тело перед прыжком, и трепет, порыв и вихрь самого прыжка. Парашютные прыжки шлифуют характер, оттачивают волю. И очень хорошо, что в нашей стране сотни тысяч юношей и девушек занимаются этим смелым спортом.

В минуты отдыха Николай Константинович - душевный человек и прекрасный рассказчик - делился с нами эпизодами из своей богатой практики и случаями из жизни Николая Евдокимова и Константина Кайтанова - пионеров затыжных прыжков. Каждый из рассказанных эпизодов был не только занимателен, но и поучителен. Это были наглядные примеры того, как парашютисту надо вести себя в воздухе.

В серии выполняемых нами прыжков при длительной задержке раскрытия парашюта и мне и моим товарищам приходилось попадать в так называемое штопорное положение. При этом очень неприятном явлении тело вдруг начинает стремительно вращаться вокруг собственной оси, и ты будто по спирали с огромной силой ввинчиваешься в воздух, голова наливается свинцовой тяжестью, появляется резь в глазах, и всего тебя охватывает неимоверная слабость. Попав в штопор, теряешь пространственную ориентировку, тебя крутит и вертит со страшной силой, ты становишься совершенно беспомощным. Николай Константинович демонстрировал нам, как надо, пользуясь руками и ногами, словно рулями, выходить из штопора. Он рекомендовал нам положение плашмя, лицом к земле, с раскинутыми в стороны руками и ногами. Такое положение, кстати сказать, культивировал один из самых известных парашютистов-испытателей - Василий Романюк, прыгавший более трех тысяч раз. Оно в наибольшей степени страховало устойчивость тела при свободном падении. И мы не раз убеждались в этом.

По окончании парашютных тренировок всем нам выдали инструкторские свидетельства и значки инструкторов-парашютистов. Этим значком, признаться, я очень гордился и с удовольствием прикрепил его к кителю под значком военного летчика 3-го класса. На аэродром часто приходили весточки от Вали из Оренбурга. Вообще-то она не любит посылать письма, а тут они шли одно за другим. Я так и не догадался тогда, что письма эти сначала прикрывали тревогу, а затем и горе - умер ее отец Иван Степанович. Но

Валя не сообщила мне об этом до тех пор, пока не закончились наши прыжки. Добрый, внимательный друг, она не хотела расстраивать меня, зная, что это могло отразиться на моем душевном состоянии, а значит, и на тех сложных заданиях, которые мне нужно было выполнять в то время. Вот и выходит, что с любимой женой горе - полгоря, а радость - вдвойне.

С аэродрома, где проходили парашютные прыжки, я возвратился домой в тот самый день, когда в нашей стране вывели первый советский космический корабль на орбиту спутника Земли.

На следующее утро все газеты опубликовали сообщение ТАСС, в котором приводились потрясающие воображение данные о весе - более четырех с половиною тонн - и оборудовании этого космического корабля. На его борту находилась герметическая кабина с грузом, равным весу человека, и со всем необходимым для будущего полета человека в космос, а также различная аппаратура с источниками питания. Победно шел космический корабль над планетой, появлялся над Парижем, Лондоном, Сан-Франциско, Мельбурном, Оттавой и другими городами многих стран, возвещая с новым этапе борьбы советских ученых за проникновение в космос. Произошло прекрасное явление, еще более расширившее человеческую власть над природой. Мы увидели, что наша планета не так уж велика, если летательный аппарат, созданный руками человека, облетает ее за какие-нибудь полтора часа.

- На таком корабле, наверное, полетим и мы,- говорили наши ребята.

Было ясно, что космический корабль уже построен, что идет отработка и проверка систем, обеспечивающих его безопасный полет, возвращение на Землю и необходимые жизненные условия для человека в полете. Надо было спешить с учебой, а то, чего доброго, корабль окончательно оснастят и проверят, а мы не будем готовы к тому, чтобы подняться на нем в космические просторы. И каждый из нас еще усерднее приналег на занятия и тренировки.

Подошло время тренировок на центрифуге. Это несложный аппарат, предназначенный для подготовки организма к перенесению больших перегрузок. Схематически его можно представить в виде коромысла, насаженного на ось. На одном конце коромысла устроена кабина для человека, на другом размещается уравнивающий груз. Чем быстрее вращается коромысло вокруг оси, тем больше возрастают ускорения в организме, тем большую он испытывает перегрузку.

Я довольно часто тренировался на центрифуге, с каждым разом ощущая все более возрастающую тяжесть собственного тела. Нечто подобное уже приходилось испытывать во время полетов, когда самолет резко выходит из крутого пикирования. Тогда на меня навалилась неимоверная тяжесть, она словно вдавливалась в сиденье кабины, нельзя было пошевелить пальцем, будто туманом застилало глаза. Это и есть действие перегрузки, когда вес человека возрастает в несколько раз.

Нам сказали, что с таким явлением, но гораздо более сильным и более растянутым по времени, мы встретимся при старте космического корабля и его спуске с орбиты.

Мы продолжали тренироваться на центрифуге. В отличие от летчика в кабине самолета мы занимали лежачее положение, и перегрузка, таким образом, распределялась по всему телу более равномерно. Давило сильно! Глаза не закрывались, затруднялось дыхание, перекашивались мышцы лица, увеличивалось число сердечных сокращений, росло кровяное давление, кровь становилась тяжелой, как ртуть.

Во время тренировок на центрифуге я, как и другие, постепенно привыкал к все большим и большим ускорениям, выдерживал длительные многократные перегрузки. К центрифуге была подключена очень точная и сложная электрофизиологическая аппаратура, предназначенная для регистрации физического состояния и функциональной возможности всего организма человека. Мы проверялись на внимание, сообразительность, должны были производить заданные рабочие движения. На бешеной скорости следовало называть и запоминать внезапно появляющиеся на световом табло цифры от единицы до десяти. Возрастая по значению, они уменьшались в размерах. На предельной скорости мне удавалось безошибочно видеть и называть "семерку" или "восьмерку".

Мы, кандидаты в космонавты, не только занимались теорией и проходили тренировку, но и жили общественной жизнью. У нас, как и повсюду, выпускались "боевые листки". Они выходили под созвучными нашему настроению названиями: "Луна", "Марс", "Венера". Однажды обо мне написали заметку, как об отличнике по изучению теории, а затем и о том, что я - отличник по тренажу. И хотя это было написано от руки, всего в одном экземпляре, прочитать который могла лишь небольшая группа людей, мне было приятно

такое товарищеское поощрение.

Надо отметить, что и учились, и тренировались все с увлечением, понимая, что потерянного времени никогда не вернуть.

Наверное, нигде с таким энтузиазмом не изучались науки и техника, как в нашей группе. В ней царил дух товарищеской взаимопомощи. Если что-нибудь не ладилось у одного, все спешили помочь ему и советом и делом. Соревнуясь между собою, мы видели друг в друге не конкурентов, а единомышленников, стремящихся к одной цели. Мы знали, что в первый полет выберут одного из нас. Но так же хорошо знали и то, что и другим найдется работа, что другие сделают больше первого, продлят и разовьют то, что начнет первый. Кто-то сделает один виток вокруг Земли, кто-то несколько витков, кто-то полетит к Луне, и все они будут первыми. Мы были сплочены и едины, как четверка отважных советских солдат, победивших стихию в Тихом океане.

Я хотел отправиться в космический полет членом партии. Это уже стало традицией советских людей: накануне решающих событий в своей жизни приходиться к ленинской партии, вступать в ее ряды. Так делали строители первых пятилеток, так поступали герои Великой Отечественной войны. Так поступают и теперь.

Мой стаж пребывания в кандидатах партии истек. Однополчане с Севера прислали мне свои рекомендации. Бывший комэск Владимир Михайлович Решетов писал: "На протяжении всей службы Ю. А. Гагарин являлся передовым офицером части... Политически развит хорошо... Принимал активное участие общественных и спортивных мероприятиях... Взятые на себя социалистические обязательства выполнял добросовестно...". В рекомендации секретаря партийной организации Анатолия Павловича Рослякова говорилось: "Знаю Ю. А. Гагарина, как исполнительного, дисциплинированного офицера... Летает грамотно и уверенно... Являлся членом комсомольского бюро части... Партийные поручения выполнял своевременно и добросовестно...". А в третьей рекомендации, данной коммунистом Анатолием Федоровичем Ильяшенко, было написано: "Гагарин Ю. А. идеологически выдержан, морально устойчив, в быту опрятен. Являясь слушателем вечернего университета марксизма-ленинизма, всегда активно выступал на семинарских занятиях. ...Активно участвовал в работе партийных собраний, хорошо выполнял партийные поручения, был редактором "боевого листка".

Я перечитал эти рекомендации, и они взволновали меня. Старшие товарищи, коммунисты, верили в меня, добрым словом отзывались о моей скромной работе и, казалось бы, ничем не примечательной жизни. Я не знаю, что бы я сделал с собой, если бы когда-нибудь плохим поступком заставил их раскаяться в том, что они написали, ручаясь своим партийным словом за меня. О, какое это великое дело - доверие товарищей, знающих о тебе все: и чем ты живешь, и что думаешь, к чему стремишься, и на что способен! Сколько раз дружба советских людей проверялась кровью! Да я и сам, если бы это потребовалось, отдал бы жизнь и за Решетова, и за Рослякова, и за Ильяшенко, за всех своих однополчан.

Долго думал я над тем, что следует написать в своем заявлении. Но чувства переполнили меня, и если бы все их излить на бумагу, получилось бы много страниц. Затем вспомнились рассказы фронтовиков о том, что в таких случаях солдаты перед боем писали выразительно, но кратко. И на листке из ученической тетради написал: "Прошу партийную организацию принять меня в члены КПСС... Хочу быть активным членом КПСС, активно участвовать в жизни страны..." В этих словах я сказал все, что думал и чего хотел.

В солнечный день 16 июня 1960 года меня пригласили на партийное собрание. Как положено в таких случаях, я рассказал свою биографию. Она оказалась короткой и улеглась в несколько фраз. Ничего особенного, все как у миллионов молодых советских людей. Кто-то из коммунистов спросил:

- Как относитесь к службе?

- Служба - главное в моей жизни,- ответил я.

- Партии и Советскому правительству предан. Быть в рядах партии Ленина достоин! - говорили выступавшие коммунисты.

Затем проголосовали. Все подняли руки - за! И хотя благодарить на партийных собраниях не полагается, я не мог удержаться, чтобы не сказать:

- Спасибо! Большое спасибо! Я оправдаю ваше доверие. Готов выполнить любое задание партии и правительства.

Я находился в сильном возбуждении, какого еще никогда не испытывал, чувствовал необыкновенный прилив сил и готов был выполнить немедленно то, что сказал.

Через месяц меня вызвали в партком. Вместе со мной туда пришла группа офицеров. Все волновались не меньше меня. Наконец дверь открылась:

- Товарищ Гагарин, зайдите...

Секретарь парткома стоя протянул мне красную книжечку партийного билета и, пожимая руку, сказал:

- Всегда и во всем поступайте так, как учил нас великий Ленин.

Каждый человек берет за образец жизнь другого, живущего в его сердце человека. Таким образцом для советских людей является Ленин.

- Буду достойным звания коммуниста,- ответил я чуть дрогнувшим голосом.

Вернувшись домой, я показал Вале и ее маме, Варваре Семеновне, гостившей у нас, партийный билет, и только теперь посмотрел на номер - 08909627. Отныне я стал членом Коммунистической партии - частицей многомиллионного могучего авангарда советского рабочего класса.

Женщины поздравили меня, и Варвара Семеновна, впервые назвав меня по имени и отчеству, сказала:

- Большую ответственность взял ты на себя, Юрий Алексеевич. Коммунист - такой человек: сядет на него пылинка, и всем видно.

Прием в партию был величайшим событием в моей жизни. И в тот же вечер я написал об этом отцу в Гжатск. Он давно хотел, чтобы я стал коммунистом. И мечта старика сбылась. В эти счастливые для меня дни у нас произошло долгожданное знакомство с Главным Конструктором космического корабля. Мы увидели широкоплечего, веселого, остроумного человека, настоящего русака, с хорошей русской фамилией, именем и отчеством. Он сразу расположил к себе и обращался с нами, как с равными, как со своими ближайшими помощниками. Главный Конструктор начал знакомство вопросами, обращенными к нам. Его интересовало наше самочувствие на каждом этапе тренировок.

- Тяжело! Но надо пройти сквозь все это, иначе не выдержишь там,- сказал он и показал рукой на небо.

Когда один из товарищей пожаловался, что невыносимо жарко в термокамере, он объяснил, что во время полета температура в кабине корабля будет колебаться от 15 до 22 градусов Цельсия, но космонавту надо быть ко всему готовым, так как во время входа корабля в плотные слои атмосферы его наружная оболочка разогреется, возможно, до нескольких тысяч градусов. Каждый из нас внутренне ахнул: человек в оболочке, разогретой до такой огромной температуры! Это и тревожило и восхищало одновременно. Главный Конструктор не спеша подвел нас к своему детищу - космическому кораблю, самому совершенному сооружению современной техники, воплотившему в себе многие достижения науки.

- Посмотрите,- сказал Главный Конструктор,- внешняя поверхность корабля и кабины пилота покрыта надежной тепловой защитой. Она-то и предохранит их от сгорания во время спуска.

Как зачарованные, разглядывали мы никогда еще не виданный летательный аппарат. Главный Конструктор объяснил, что корабль-спутник монтируется на мощную многоступенчатую ракету-носитель и после выхода на орбиту отделится от ее последней ступени. Он сказал нам то, чего мы еще не знали,- что программа первого полета человека рассчитана на один виток вокруг Земли.

- Впрочем, корабль-спутник может совершать и более длительные полеты,- добавил он. Нам дали возможность как следует осмотреть корабль снаружи. Все обратили внимание, что кабина пилота вовсе не слепая, как мы предполагали раньше, и глядит на нас внимательными глазами иллюминаторов. Их было несколько.

- Стекла в этих иллюминаторах,- пояснили нам,- тоже жаропрочные. Через них будут вестись наблюдения во время полета.

По одному мы входили в пилотскую кабину корабля. Она была куда просторнее кабины летчика на самолете. Находясь в кресле, космонавт мог осуществлять все операции по наблюдению и связи с Землей, контролировать полет и при необходимости самостоятельно управлять кораблем. Чего только не было в этой необычной кабине! И все совсем не так, как на самолете.

Слева размещался пульт пилота. На нем находились рукоятки и переключатели, управляющие работой радиотелефонной системы, регулирующие температуру в кабине, а также включающие ручное управление и тормозной двигатель. Справа размещались радиоприемник, контейнеры для пищи и ручка управления ориентацией корабля. Прямо перед креслом космонавта - приборная доска с несколькими стрелочными индикаторами и сигнальными табло, электрочасы, а также глобус, вращение которого

совпадало с движением корабля по орбите. Ниже приборной доски была установлена телевизионная камера для наблюдения за космонавтом с Земли. А еще ниже находился иллюминатор с оптическим ориентатором.

Каждый впервые по несколько минут провел на кресле - рабочем месте космонавта. Оно было установлено под таким углом, что на участках выведения корабля на орбиту и спуска с нее перегрузки действовали в направлении грудь - спина космонавта, то есть в наиболее благоприятном для него направлении. Кресло представляло собою небольшое, но сложное сооружение. В него были вмонтированы привязная и парашютные системы, катапультные и пиротехнические устройства и все необходимое для вынужденного приземления - аварийный запас пищи, воды и снаряжения, радиосредства для связи и пеленгации. На кресле находились также система вентиляции скафандра и парашютный кислородный прибор. Оно было оборудовано надежной автоматикой.

- Космонавт приземляется, находясь в кабине корабля,- сказал нам Главный Конструктор,- но мы одновременно предусмотрели вариант, когда при необходимости он может покинуть корабль.

То, что мы увидели, было легко, прочно, портативно. Все поблескивало стерильной чистотой новизны. Никто еще не прикасался к этим приборам, и, даже больше того, никто не видел, кроме тех, кто их задумал и сделал. Каждый молча покидал кабину и молча отходил в сторону, уступая место товарищу.

Переживая и обдумывая про себя все, что увидели и узнали сейчас, мы вдруг поняли, что в этот корабль вложены большие средства и силы всего народа, что для него надо было создать и металл, какого еще не знали наши мартены, и необыкновенное стекло, и пластмассы, и сверхпрочные ткани, и стойкие лаки, и разумные приборы. Вся металлургия и вся химия со всеми своими достижениями работали на это чудо из чудес. Мы не находили слов, чтобы передать всю торжественную музыку, гудящую у нас в крови. Хотелось сказать, что лучше один раз видеть, чем тысячу раз слышать, но никто этого не сказал.

Тренировки и занятия продолжались своим чередом. Прошло время вибростенда - аппарата, имитирующего содрогание корабля при работающих ракетных двигателях. Устроишься в этом аппарате, и тебя всего трясет час, а то и больше, как в лихорадке. Все тело вибрирует, словно натянутая струна. Но ничего, привыкли...

Привыкли и к термокамере, где при очень высокой температуре находились продолжительное время. Но мне такое было не впервинку. Я и раньше парился - русский человек не может жить без хорошей бани с березовым веником и парной. К высоким температурам я привык еще в то время, когда, будучи ремесленником, работал у вагранок с расплавленным металлом. Советского человека огнем не испугаешь. Десятки тысяч рабочих трудятся на доменных и мартеновских печах, у бессемеровских конверторов, на блюмингах и прокатных станах.

Сидишь один в термокамере, не с кем перекинуться словом, и вспоминаешь, сколько раз наши люди при адских температурах меняли колосники в топках или ремонтировали футеровку в сталеплавильных печах. Им, пожалуй, было потруднее, чем нам: они ведь работали при температуре и побольше. Одним словом, все закаляется на огне, закалялись и мы.

Домой приходил усталый, ног под собой не чуял. Понянчусь с дочкой, присяду и начинаю клевать носом. Жена беспокоится, все допытывается: что, мол, с тобой? И вынудила-таки сказать:

- Собираюсь в космос... Готовь чемодан с бельишком...

Валя восприняла это, как шутку, но вопросов больше не задавала. Как все жены офицеров, она старалась не вмешиваться в мои служебные дела. Валя знала: то, что можно сказать, я не стану таить от нее. Ну, а о том, чего говорить нельзя, лучше и не спрашивать. Я был доволен: и все сказал, и ничего не сказал.

Леночка теперь весь день проводила в яслях, и Валя могла пойти на работу по своей специальности фельдшера-лаборанта. Она не могла сидеть без дела и работала, как всегда, увлеченно. Иногда вместе с товарищами мы заходили к ней в поликлинику, и мне было приятно смотреть, как ловко она орудует со шприцами, микроскопом и специальными таблицами. Тут, конечно, не обходилось без того, чтобы шутливо не попросить: сделайте, мол, нам, Валентина Ивановна, анализ без очереди, да такой, чтобы врачи не подкопались. А она нарочно выберет шприц побольше да иглу потолще и скажет: - Ну-ка давайте сюда ваши лапищи, сейчас узнаем, что там у вас в крови, может, одна водичка?..

Заняты мы были по горло. Газеты обычно приходилось читать дома, вечерами. Каждый

день они сообщали о новых трудовых подвигах советских людей. Все лето народ жил вопросами, поднятыми на июльском Пленуме Центрального Комитета партии, о путях дальнейшего технического прогресса в нашей стране.

Говоря, что коммунизм может базироваться только на самых современных, передовых достижениях науки и техники, Никита Сергеевич Хрущев подчеркивал: "Наука должна освещать путь вперед инженерам и конструкторам, чтобы они могли успешно конструировать еще более совершенные машины, чтобы техника постоянно совершенствовалась".

Эти слова прямо относились ко всему тому, с чем мы сейчас имели дело, к чему мы готовились. Главный Конструктор говорил нам, что советская космонавтика - любимое детище Никиты Сергеевича, рассказывал о своих встречах с ним в Центральном Комитете партии, в научных лабораториях, на космодроме. Он говорил, что Никита Сергеевич отдает этому новому делу много внимания, энергии и забот.

Выразительным проявлением повседневной заботы нашей партии и правительства о развитии советской космонавтики был второй советский космический корабль, вышедший 19 августа 1960 года на орбиту спутника Земли. В его кабине, оборудованной всем необходимым для полета человека, - то есть кого-то из нашей группы будущих космонавтов, - находились собаки Стрелка и Белка. Сделав восемнадцать витков вокруг земного шара, космический корабль вернулся на Землю, отклонившись от расчетной точки приземления всего на каких-нибудь десять километров. Впервые в истории живые существа, много раз облетев планету, благополучно возвратились из космоса.

Это выдающееся событие показало полную надежность корабля, который мы изучали и осваивали. Весь мир говорил о Стрелке и Белке. А нам эти две простые дворняжки были особенно дороги. На борту корабля-спутника работала та самая телевизионная установка, которую нам уже показывал Главный Конструктор. С ее помощью ученые наблюдали с Земли за поведением, самочувствием и настроением разведчиц космоса.

Нам показали телевизионную пленку, где было хорошо видно, как в момент старта собаки испуганно смотрели в днище кабины, настороженно прислушиваясь к непривычному шуму. В первые секунды полета они, было, заметались, но по мере ускорения движения корабля их прижимала все возрастающая сила тяжести. Стрелка, упиравшись лапами, пыталась сопротивляться навалившейся на нее силе. Затем животные замерли. Корабль уже мчался по своей орбите. После больших перегрузок наступило состояние невесомости, и животные повисли в кабине. Головы и лапы их были опущены. Собаки казались мертвыми. Но затем постепенно они оживились. Белка разозлилась и стала лаять. Вскоре они привыкли к невесомости и стали есть из автоматической кормушки. Все это было интересно, успокаивало и давало материал для серьезных размышлений и разговоров. И если раньше все это мы представляли умозрительно, то теперь увидели, как оно было в действительности. Говорят, опыт - учитель учителей. Все, перенесенное Стрелкой и Белкой - существами живыми, но не мыслящими, - конечно, могли перенести и люди здоровые, тренированные и целеустремленные.

Всех нас интересовали ощущения состояния невесомости. Мы приучали себя к невесомости. Делалось это во время полетов на скоростных реактивных самолетах. Ставя их в определенные положения, мы уравнивали центробежную и центростремительную силы. Тогда-то и возникала невесомость, длившаяся порою несколько десятков секунд. Это явление хотя и было кратковременным, но показывало возможности ведения радиосвязи, чтения, визуальной ориентировки в пространстве, а также приема воды и пищи. Проходя эти испытания, мы убеждались, что работоспособность не нарушится и при длительном состоянии невесомости. Выслушивая наши заключения, руководитель тренировок говорил:

- Предполагать можно все, что угодно. Надо все доказать на практике, подтвердить опытом. А такой опыт можно произвести только в космическом пространстве. На различных тренировках наши организмы и нервная система подвергались резким переходам от стремительных верчений на центрифугах до длительных пребываний в специально оборудованной звукоизолированной камере. Эта "одиночка" определяла нервно-психическую устойчивость космонавта, ибо иногда приходилось сутками находиться в изолированном пространстве ограниченного объема. Отрезан от всего мира. Ни звука, ни шороха. Никакого движения воздуха. Ничего. Никто с тобой не говорит. Время от времени, по определенному расписанию, ты должен производить радиопередачу. Но связь эта - односторонняя. Передаешь радиogramму - и не знаешь, принята она или нет. Никто тебе не отвечает ни слова. И что бы с тобой ни случилось, никто не придет на помощь. Ты один. Совершенно один, и во всем можешь полагаться

только на самого себя.

Трудновато было порой в этой "одиночке". Тем более, что, входя в нее, не знали, сколько времени придется пробыть наедине с самим собой, со своими мыслями. Несколько часов? День и ночь? Несколько суток? Но знали, что это надо - в космическом пространстве может по какой-то непредвиденной причине оборваться всякая связь с людьми, и ты останешься один. Нервная система, вся психика космонавта должны быть подготовленными ко всяким случайностям и неожиданностям.

Оставаясь в полном одиночестве, человек обычно всегда думает о прошлом, ворошит свою жизнь. А я думал о будущем, о том, что мне предстояло в полете, если мне его доверят. С детства я был наделен воображением и, сидя в этой отделенной от всего на свете камере, представлял себе, что нахожусь в летящем космическом корабле. Я закрывал глаза и в полной темноте видел, как подо мной проносятся материки и океаны, как сменяется день и ночь и где-то далеко, внизу, светится золотая россыпь огней ночных городов. И хотя я никогда не был за границей, в своем воображении я пролетал над Пекином и Лондоном, Римом и Парижем, над родным Гжатском... Все это помогало переносить тяготы одиночества.

Я думал о том, что поэты, может быть, раньше ученых пытались разгадать тайны Вселенной. Вспоминались великолепные стихи Лермонтова. Кинорежиссер Александр Довженко на втором Всесоюзном съезде советских писателей говорил: "Я верю в победу братства народов, верю в коммунизм, но если при первом полете на Марс любимый мой брат или сын погибнет где-то в мировом пространстве, я никому не скажу, что преодолеваю трудности его потери".

Это было сказано до рождения первого искусственного спутника Земли.

Иногда я целиком отдавался тишине, какую даже трудно себе представить, а я ведь всегда любил тишину труда, тишину мышления и раздумий. И когда я выходил из камеры, занимая которую не знал, когда можно будет из нее выйти, обследователи удивлялись моему хладнокровию и спокойствию, устойчивости психики и крепости нервов.

Не все одинаково спокойно переносили тренировки и в "одиночке", и в тепловой камере, на центрифуге и на вибростенде. Это дало возможность отобрать товарищей, лучше других выдерживавших грудные испытания. Нас, кандидатов на первый полет, становилось все меньше и меньше. Ведь в конце концов надо было отобрать кого-то одного. Испытания, которые мы проходили, были куда посложнее конкурсных экзаменов в МГУ, где, как я слышал, на одно место претендуют десятки молодых людей.

За непрерывными занятиями и тренировками мы не заметили, как минула осень и наступили зимние дни. В Москве в это время проходило Совещание представителей коммунистических и рабочих партий. В нем принимали участие делегации восьмидесяти одной партии. В опубликованном Заявлении этого Совещания - марксистско-ленинской программе коммунистов всего мира говорилось: главная отличительная черта нашего времени состоит в том, что мировая социалистическая система превращается в решающий фактор развития человеческого общества. Сплочение социалистических государств в единый лагерь, его крепнущее единство и растущая мощь обеспечивают в рамках всей системы полную победу социализма. Совещание подчеркнуло, что историческое значение для судеб человечества имело бы осуществление выдвинутой Советским Союзом программы всеобщего и полного разоружения. Это был документ огромной силы. Он говорил, что коммунисты видят свою историческую миссию не только в том, чтобы упразднить эксплуатацию и нищету в мировом масштабе и навсегда исключить возможность любой войны из жизни человеческого общества, но уже в современную эпоху избавить человечество от пожара новой мировой войны.

Читая этот исторический документ, я убеждался, что личная жизнь моя имеет смысл постольку, поскольку она направлена на служение народу. Для нас, будущих космонавтов, было важно, что в Заявлении говорилось: "Советская наука открыла целую эпоху в развитии мировой цивилизации, положила начало освоению космоса, ярко демонстрируя экономическую и техническую мощь социалистического лагеря". Читая эти проникновенные слова, мы почувствовали свою ответственность не только перед Родиной, но и перед всем социалистическим лагерем, перед коммунистами всех стран. Предстоящий полет человека в космос преследовал сугубо мирные цели. В этом убеждали нас и сам космический корабль, не имеющий никаких военных приспособлений, и характер всей нашей подготовки к полету. Успешное осуществление такого полета стало бы триумфом мирной политики нашего народа, победой всех миролюбивых людей Земли. Стремление нашего народа к миру, к созиданию подтверждалось делом. Один за другим вступали в строй гиганты семилетки. На Магнитогорском металлургическом комбинате

закончилось сооружение мощного прокатного стана "2500"; началась загрузка крупнейшей в мире Криворожской домны; завершилось строительство первой коксовой батареи на "Казахстанской Магнитке" - металлургическом заводе в Темир-Тау; на Балхашском горнометаллургическом комбинате дала плавку первая в мире циклонная печь. В эти дни я получил несколько писем от своих товарищей - военных летчиков, в том числе и от Бориса Федоровича Вдовина. Они писали, что, согласно Закону о новом значительном сокращении наших Вооруженных Сил, уволились в запас, делились своими впечатлениями о работе на новом для них поприще - на заводах, фабриках, в сельском хозяйстве. Вдовины поселились в Калуге - там, где творил К. Э. Циолковский, занимались педагогическим трудом. Они писали о своей Иринке, что она подросла и вспоминает меня. А мы с Валей ответили, что и наша Леночка уже ходит пешком под стол и ждет братика или сестричку.

1 декабря 1960 года в космос отправился наш третий космический корабль. На борту его находились собаки Пчелка и Мушка, а также другие мелкие животные, насекомые и растения. Программа исследований, предшествующих полету человека, выполнялась по строгому плану. Полет этот дал новые ценные для нас сведения. Но не все обошлось благополучно. В связи со снижением по нерасчетной траектории корабль-спутник прекратил свое существование. Кое-кто из специалистов опасался, что сообщение об этом произведет на нас неблагоприятное впечатление. Но мы понимали, что это была не закономерность, а случайность, что жизнь гораздо сложнее, чем предполагаешь. Было жаль спутник, в который вложены большие средства. Но в таком грандиозном деле неизбежны издержки.

Занятия наши продолжались в ускоренном темпе. Мы все больше и чаще тренировались в макете кабины космического корабля, обживали ее, как обживают новый дом, привыкали к каждой кнопке и тумблеру, отработывали все необходимые в полете движения, доводили их до автоматизма. Руки сами знали, что надо делать в любом случае.

Отрабатывалось умение обращаться с системами ручного управления космическим кораблем, ориентации, приземления, а также терморегулирования, кондиционирования воздуха, регулирования давления. Мы работали с аппаратурой контроля и управления кораблем. Ученые продумали каждое наше движение. Много времени уделялось тренировкам по связи космонавта с Землей, по разным каналам и различными способами. Мы должны были логически мыслить и наименьшим количеством совершенно точных слов и цифр записывать свои наблюдения в бортовой журнал. Мы умели воображать и представляли себя в настоящем корабле, опоясывающем Землю. Это придавало смысл занятиям.

Для отработки различных вариантов полетного задания инженеры соорудили отличный стенд-тренажер, оснастили его остроумными электронно-модулирующими устройствами. Займешь кресло в кабине, а перед тобой стрелки приборов, и то вспыхивающие, то гаснущие разноцветные табло воспроизводят различные изменения обстановки, какая может сложиться в полете. Тут же и радиопереговоры, записываемые на магнитофонную ленту, и наблюдения в иллюминаторы, через оптический ориентатор, и ориентировка по глобусу, и ведение боржурнала... Успевай только поворачиваться!

В макете кабины имитировался не только нормальный полет - так, как он должен был протекать по всем расчетам, - но и различные аварийные варианты. Словом, все делалось на земле по-полетному. Да еще в защитном скафандре, в гермошлеме и гермоперчатках, обеспечивающих сохранение жизни и работоспособности космонавта в случае разгерметизации кабины. И пищу к воду тоже принимали в этом одеянии.

- После такой тренировки, - говорили мне товарищи, как старшине группы, - устаешь больше, чем на центрифуге со всеми ее прелестями.

- Ничего, - успокаивал их я, - все приходит вовремя для того, кто умеет ждать.

Горьковатый осадок, вызванный гибелью Пчелки и Мушки, в котором мы боялись признаться самим себе, но который все же существовал, совершенно улетучился, как только мы узнали об удачном запуске тяжелого искусственного спутника Земли весом около шести с половиной тонн, а затем через неделю и старте с подобного спутника космической ракеты, выведшей автоматическую межпланетную станцию на траекторию к планете Венера. Успешный запуск этой станции, несущей вымпел с изображением Государственного герба СССР, проложил трассу к планетам солнечной системы.

В то время все у меня было хорошо. Только волновался за Валю. Со дня на день она должна была родить. На этот раз я ждал сына, а жена - дочку. Как там она? Все ли с нею в порядке? Я был очень занят и не мог оставаться с нею.

Седьмого марта она родила дочку.

А девятого марта товарищи говорят мне:

- Ну, Юра, тебе еще один подарок ко дню твоего рождения...

Спрашиваю:

- Какой подарок?

- Запустили четвертый корабль-спутник...

Четвертый космический корабль-спутник в тот же день вернулся на Землю со своими пассажирами - собакой Чернушкой и другими живыми обитателями, калибром поменьше, а также манекеном, помещенным в кресле пилота. Основной целью этого запуска являлась проверка надежности конструкции космического корабля и всех установленных на нем систем, обеспечивающих необходимые условия для полета человека. По всему было видно, что такой полет совсем близок.

Через несколько дней Никита Сергеевич Хрущев на совещании передовиков сельского хозяйства Целинного края, говоря о новой славной странице в истории нашей Родины - освоении целины, сказал: "Мы уверены, что недалеко то время, когда первый космический корабль с человеком на борту устремится в космос!". Теперь уже можно было наверняка утверждать, что вот-вот кто-то из нас должен стартовать. Было и радостно и чуточку жутковато.

Но не только в нашей стране шла подготовка к полету человека в космос. Готовились к этому и в Соединенных Штатах Америки. Зарубежная печать уже давно сообщала об удачных и неудачных запусках американских спутников Земли и космических ракет. В журнале "Лайф" мы видели фотографии обезьяны шимпанзе, которая запускалась с мыса Канаверал на ракете в космос и благополучно вернулась обратно. Американские телеграфные агентства сообщали о том, что уже отобрано семеро кандидатов для полета в космос в узкой, колоколообразной капсуле, размещенной в носовой части ракеты "Редстоун". Ракета должна была подняться на высоту 115 миль. Весь полет рассчитывался на четверть часа.

Вскоре директор проекта "Меркурий" сообщил: из семи американских астронавтов отобраны трое - Джон Хершел Гленн - 39 лет, подполковник морской пехоты, уроженец города Нью-Конкорд в штате Огайо; Вирджил Айвен Гриссом - 34 лет, капитан военно-воздушных сил, родившийся в городе Митчелл, штат Индиана, и Алан Бартлет Шепард - 37 лет, капитан 3-го ранга, уроженец города Ист-Дерри, штат Нью-Гэмпшир. Все трое, как сообщало агентство Юнайтед Пресс Интернейшнл, были отобраны на основании "многих медицинских и технических данных". Эти кандидаты на полет являлись кадровыми военными, работавшими в авиации в области научных исследований. Они проходили специальное обучение уже в течение двадцати двух месяцев.

Гленн и Гриссом служили в авиации во время второй мировой войны, а затем воевали в Корее; Шепард проходил службу на эсминце в Тихом океане. Американская печать публиковала их портреты и биографии, сообщала о том, что любимое времяпрепровождение Гленна - катание на лодке, Гриссом увлекается рыболовством, а Шепард любит катание на беговых коньках и на водных лыжах.

Полет по баллистической траектории на ракете, планирующий в США, по сути дела, не мог явиться космическим полетом. Советские ученые и конструкторы с самого начала работ, в которых теперь активное участие принимала и наша группа кандидатов в космонавты, направляли свои усилия по другому пути - создавая тяжелые искусственные спутники Земли и космические корабли крупных размеров. В этом заключалась принципиальная линия развития космических полетов в СССР. Главный Конструктор говорил нам, что только таким путем можно будет решить задачу полета человека в космическое пространство.

Нас, конечно, не могли не интересовать смелые американские парни, готовящиеся к полету на ракете "Редстоун". Мы были уверены, что рано или поздно кому-то из нас придется встретиться с кем-то из них и поговорить обо всем виденном и пережитом. Мы знали: космический полет может сблизить наши страны, и, конечно, были уверены, что первым полетит в космос советский человек. Для этого были все основания.

- Восток ближе к солнцу, чем запад,- шутили мои друзья, просматривая вороха американских газет и журналов.

В это время попала мне книга американского летчика Фрэнка Эвереста "Человек, который летал быстрее всех". Имя автора было знакомо, и я с интересом прочел то, что написал этот волевой человек, ценою невероятных усилий добившийся того, что хотел. Все шло хорошо до тринадцатой главы, названной "Покорение космоса". Как только я прочел эту главу, меня охватило смешанное чувство неприязни и гадливости. Эверест

писал:

"Я твердо убежден в том, что тот, кто первым покорит космос, будет господствовать над Землей. Не обязательно судьбы людей будет решать сильная и большая страна. Даже небольшая и сравнительно слабая страна с помощью космического корабля, вооруженного управляемыми снарядами с атомными зарядами, может добиться мирового господства. Эта страна, имея в своих руках космический корабль и ядерное оружие, может совершить нападение на противника из космоса, не подвергаясь в то же время ответному удару. Победа ей будет обеспечена".

О какой малой стране вел разговор Эверест, уж не об аденауэровской ли Германии? Во всяком случае, от этой галиматии за сто километров несло ничем не прикрытым махровым фашизмом.

Нет, не для порабощения других стран и народов стремятся советские люди в космос. Титанические усилия нашего правительства и его главы Никиты Сергеевича Хрущева направлены не на подготовку войны, а на сохранение мира.

Завоевание космоса советским народом связано с бурным прогрессом отечественной науки и техники. Я думал о том, что полеты на космических кораблях помогут науке ответить на многие вопросы о возникновении звезд и планет, их месте во Вселенной. Другой не менее важной проблемой, которую поможет разрешить проникновение человека в космос, равно как и полеты на ближайшие планеты, является происхождение жизни.

По теории вероятности существуют миллионы планет, подобных нашей Земле, где есть биологическая жизнь. Еще Джордано Бруно, великий мыслитель прошлого, высказал идею о множественности заселенных живыми существами миров. Эту смелую идею развивал и пропагандировал гениальный русский ученый Михаил Ломоносов. На многих планетах мыслящие существа, наверное, имеют гораздо более долгую историю, чем люди, и, может быть, находятся на более высоком уровне развития.

В воздухе чувствовалось дыхание весны. И у нас в семье царил весеннее настроение: родилась вторая дочка, и мы дали ей весеннее имя - Галочка. А я ходил по комнате, держа ее на руках, и напевал:

- Галя, Галинка,
Милая картинка...

Но с маленькой мне поняться не пришлось - надо было ехать на космодром. Там готовился к последнему контрольному запуску наш космический корабль с подопытными животными и манекеном на пилотском кресле. Космодром - это обширное хозяйство, расположенное в стороне от проезжих дорог. Обслуживает его квалифицированный персонал инженеров и техников. Здесь монтируются и подготавливаются к запуску мощные ракеты с космическими кораблями. Отсюда они устремляются в небо. Нам показали дворняжку светлой рыжеватой масти с темными пятнами. Я взял ее на руки. Весила она не больше шести килограммов. Я погладил ее. Собака доверчиво лизнула руку. Она была очень похожа на нашу домашнюю собачонку в родном селе, с которой я частенько играл в детстве.

- Как ее зовут?

Оказалось, что у нее еще нет имени - пока она значилась под каким-то испытательным номером. Посылать в космос пассажира без имени, без паспорта? Где это видано! И тут нам предложили придумать ей имя. Перебрали добрый десяток популярных собачьих кличек. Но все они как-то не подходили к этой удивительно милой рыжеватенькой собачонке. Тут меня позвали, я опустил ее на землю и сказал:

- Ну, счастливого пути, Звездочка.

И все присутствующие согласились: быть ей Звездочкой. Так потом о собачке и написали в газетах.

С каким-то смешанным чувством благоговения и восторга смотрел я на гигантское сооружение, подобно башне, возвышающейся на космодроме. Вокруг него хлопотали люди, выглядевшие совсем маленькими. С интересом я наблюдал за последними приготовлениями на ракете-носителе и на космическом корабле к старту. На лифте подняли Звездочку и ее спутников, поместили их в герметически закрывшуюся кабину. Проверка, проверка и еще раз проверка всех систем. Наступает положенное время. Вот-вот будет дана команда на запуск.

В эти минуты я невольно представил себе, что это не Звездочку снаряжают в полет, а меня, что я уже нахожусь там, в кабине вздыбленного к небу космического корабля. Я предполагал, что из людей, может быть, мне доведется лететь первому.

Пуск! Короткая, как выстрел, команда. В пламени, выбивающемся из сопел, в грохоте все

сильнее и сильнее рокочущих двигателей высокий и тяжелый корпус многоступенчатой ракеты как бы нехотя приподнимается над стартовой площадкой. Ракета, словно живое, разумное существо, в каком-то раздумье, чуть подрагивая, на секунду-другую зависает у земли и вдруг неуловимо, оставляя за собой бушующий вихрь огня, исчезает из поля зрения, словно росчерк, оставляя в небе свой яркий след. Все произошло так, как я и предполагал.

- Вот так и тебя будем провожать, Юрий! - сказали мне товарищи.

Целый день я ходил под впечатлением увиденного. Корабль уже успел облететь вокруг планеты и вернуться в заданный район. Уже специалисты - биологи и медики - хлопотали над Звездочкой, великолепно перенесшей полет. А я все раздумывал над тем, что произошло на моих глазах и скоро, теперь уже совсем скоро, должно было произойти со мной. В моих ушах все еще отзывался услышанный на старте грохот, перед глазами все еще вздымались высокие волны пламени, которое оставила за собой ракета. Но это не пугало меня, а восхищало. И вспомнились мне слова высокого усатого бригадира Люберецкого завода, когда он нам, ремесленникам, попятившимся от жара расплавленного чугуна, весело сказал:

- Огонь силен, вода сильнее огня, земля сильнее воды, но человек - сильнее всего!

Дома Валя спросила, почему я в таком восторженном состоянии и где это я вообще все время пропадаю.

- Лечу в космос... Готовь чемодан с бельишком, - попытался снова отшутиться я.

- Уже приготовила,- ответила Валя, и я понял: она все уже знает.

Мы уложили в кровати наших девочек, поужинали, и тут у нас начался серьезный разговор. Я сказал, что да, первый полет человека в космос не за горами и что в этот полет, возможно, пошлют меня.

- Почему именно тебя? - спросила Валя. - Не обидятся ли твои друзья?

Я как мог объяснил ей, почему выбор может пасть на меня. По Валиному вдруг посерьезневшему лицу, по ее взгляду, по тому, как дрогнули ее губы и изменился голос, я видел, что она и гордится этим, и побаивается, и не хочет меня волновать. Всю ночь, не смыкая глаз, проговорили мы, вспоминая прошлое и строя планы на будущее. Мы видели перед собой своих дочерей уже взрослыми, вышедшими замуж, нянчили внуков, и вся жизнь проходила перед нами без войн и раздоров, такой, какой мы ее представляем при коммунизме.

И когда мы наговорились досыта и я спросил у Вали, как она смотрит на предстоящее мне испытание, она ответила, как и должна была ответить комсомолка:

- Если ты уверен в себе, решайся! Все будет хорошо...

Среда, 12 апреля

...Приближалось время старта. Вот-вот нас должны были отправить на космодром Байконур, расположенный на восток от Аральского моря в широкой, как океан, казахской степи. И все же я томился нетерпением, редко, когда ожидание было так тягостно. Я знал, что корабль, на котором предстояло лететь, получил название "Восток". Видимо, нарекли его так, потому что на востоке восходит солнце и дневной свет теснит ночную тьму, двигаясь с востока.

Перед нашим отъездом состоялось напутственное партийное собрание. Все предполагали, что в первый полет назначат меня. Выступали те, кто уезжал на космодром, и те, кто оставался.

- Мы завидуем вам хорошей, дружеской завистью... Желаем счастливого полета...

Вернувшись из космоса, не зазнавайтесь, не дерите нос кверху, будьте всегда скромными, такими, как сейчас,- говорили товарищи, выступавшие на собрании.

Дали мне слово. Я сказал:

- Я рад и горжусь, что попал в число первых космонавтов. Заверяю своих товарищей коммунистов в том, что не пожалею ни сил, ни труда, не посчитаюсь ни с чем, чтобы достойно выполнить задание партии и правительства. На выполнение предстоящего полета в космос пойду с чистой душой и большим желанием выполнить это задание, как положено коммунисту... Я присоединяюсь к многочисленным коллективам ученых и рабочих, создавших космический корабль и посвятивших его XXII съезду КПСС.

Собрание было немногословным и немножечко напоминало митинг. Все были взволнованы. Видимо, во время войны так же сердечно и задушевно коммунисты провожали своих товарищей на фронт.

На космодром летело несколько космонавтов. Все могло случиться. Достаточно было соринке попасть в глаз первому кандидату для полета в космос, или температуре у него повыситься на полградуса, или пульсу увеличиться на пять ударов - и его надо было заменить другим, подготовленным человеком. Уезжающие товарищи были так же готовы к полету, как я. Старт должен был состояться точно в назначенный день и час, минута в минуту. Вместе с нами на космодром ехали несколько специалистов и врач.

Незадолго до намеченного дня полета я побывал в Москве. И всю дорогу на космодром вспоминал волнение, охватившее меня, когда я стоял возле Мавзолея. У советских людей стало внутренней потребностью перед решающим шагом в жизни идти на Красную площадь, к Кремлю, к Ленину. Светлыми июньскими ночами тут проходят, взявшись за руки, юноши и девушки, получившие аттестаты зрелости. Двадцать лет назад, в грозном сорок первом году, отправляясь на фронт, мимо Мавзолея проходили полки московского ополчения. Откуда бы ни приезжали советские люди в Москву, они обязательно побывают на Красной площади. То же делают и наши зарубежные друзья.

Я медленно шагал вдоль кремлевских стен по набережной реки. Под бой курантов Спасской башни пересек Красную площадь. С рукой, поднятой к козырьку, остановился у Мавзолея, посмотрел, как сменяется караул, и, умиротворенный полетом голубей и шелестом развевающегося на ветру Государственного флага над Кремлевским дворцом, медленно побрел по городу, равного которому нет в мире. Вокруг шумел, охваченный предчувствием весны, людской поток. Тысячи людей шли навстречу и обгоняли меня. Никому не было до меня дела, и никто не знал, что готовится грандиозное событие, подобного которому еще не знала история. "Как обрадуется наш народ, когда задуманное свершится!" - думал я. В ту же ночь мы улетели на космодром. С нами летел Евгений Анатольевич - наш командир, врач и наставник, человек необыкновенного обаяния и такта, двадцать лет пекущийся о здоровье летчиков. Он работал с нами с первого дня, и для него, как он говорил, не оставалось неразрезанных книг. Он знал о каждом больше, чем знали о себе мы сами. Было приятно, что с нами на космодром летит и Николай Петрович Каманин - один из первых Героев Советского Союза, воспитатель многих известных летчиков.

За окнами самолета клубились вспененные облака, в их просветах проглядывала повесенному оголившаяся земля, кое-где покрытая еще талым снегом. Я глядел вниз и думал о родителях, о Вале, о Леночке и Галинке. Представил себе, что стану делать после полета, и тут же решил: буду учиться. Рядом сидел мой ближайший друг - Космонавт Два - великолепный летчик, коммунист, принятый в партию нашей партийной организацией, человек с чистой, почти детской жизнерадостностью. Он тоже смотрел на проплывающую внизу землю и тоже думал и, наверное, о том же самом, о чем размышлял и я. Порой наши взгляды встречались, и мы улыбались, понимая друг друга без слов. Опасения тех, кто полагал, будто нас нельзя предупреждать о полете, чтобы мы не нервничали, не оправдались. И я и мой товарищ, который в любом случае был готов занять место в кабине "Востока", чувствовали себя превосходно.

Космонавт Два сидел ко мне в профиль, и я невольно любовался правильными чертами красивого задумчивого лица, его высоким лбом, над которым слегка вились мягкие каштановые волосы. Он был тренирован так же, как и я, и, наверное, способен на большее. Может быть, его не послали в первый полет, приберегая для второго, более сложного. На космодроме нас ждали. Там мы встретили многих знакомых специалистов и Главного Конструктора. Прибыл на космодром и Теоретик Космонавтики - так мы между собой называли видного советского ученого, под руководством которого составлялись сложнейшие расчеты космических рейсов. Он все время находился вместе с Главным Конструктором. Я знал, что для этих людей никогда не наступит покой. Они всегда будут искать новое, всегда дерзать. Только творческое содружество этих двух корифеев советской науки, больших коллективов ученых и инженеров, объединенных их единой смелой мыслью, могло породить космический корабль, определить ему надежный путь вокруг планеты с возвращением на Землю.

Все на космодроме, куда мы прилетели перед стартом "Востока", вызывало восхищение и восторг. Здесь хотелось ходить с обнаженной головой, держа фуражку в руке.

Рационально расположенные наземные установки для запуска космических ракет и наблюдения за ними в полете, может быть, еще более сложны, чем сам космический корабль.

Время убыстрило свой бег. Наступил предполетный день. Нам дали полный отдых. Работал магнитофон, успокаивающая тонкая музыка тихо струилась вокруг. Вечером мы сыграли партию на бильярде. Игра продолжалась недолго. Ужинали втроем: доктор и нас двое. Уже несколько дней мы питались "по-космически", выдавливая из тубиков в рот вкусную, питательную пищу. О полете разговоров не было, говорили о детстве, о прочитанных книгах, о будущем. Беседа велась в шутливом тоне, мы весело подтрунивали друг над другом. Никаких сомнений ни у кого не оставалось.

Зашел Главный Конструктор. Как всегда, внимательный, добрый. Ничего не спрашивая, сказал:

- Через пять лет можно будет по профсоюзной путевке летать в космос.

Мы расхохотались. Наше самочувствие понравилось ему, и он, мельком взглянув на ручные часы, быстро ушел. Я не уловил в нем и тени тревоги. Он был уверен во мне так же, как был уверен в себе.

Врач наклеил на мое тело семь датчиков, регистрирующих физиологические функции. Довольно долгая, не особенно приятная процедура, но я к ней привык: ее проделывали с нами не один раз во время тренировок.

В 21 час 50 минут Евгений Анатольевич проверил кровяное давление, температуру, пульс. Все нормально - давление: 115 на 75, температура: 36,7; пульс: 64.

- Теперь спать,- сказал он.

- Спать? Пожалуйста,- покорно ответил я и лег в постель.

Вместе со мной в комнате на другой койке расположился Космонавт Два. Уже несколько дней мы жили по одному расписанию и во всем походили на братьев-близнецов. Да мы и были братьями: нас кровно связывала одна великая цель, которой мы отныне посвятили свои жизни.

Мы перекинулись двумя-тремя шутками. Вошел Евгений Анатольевич.

- Мальчики, может быть, вам помочь спать? - спросил он, опуская руки в карманы белоснежного халата.

В один голос мы отказались от снотворного. Да у него, наверное, и не было с собой таблеток: он был уверен, что мы откажемся их глотать. Хороший врач, он знал потребности своих пациентов. Ходили слухи, что, когда летчик, у которого болела голова, просил у него пирамидон, он давал порошок соды, пациент выпивал ее, и головную боль снимало, как рукой.

Минут через семь я уснул.

После полета Евгений Анатольевич рассказывал, что, когда он через полчаса потихоньку вошел в спальню, я лежал на спине и, приложив к щеке ладонь, безмятежно спал.

Космонавт Два тихо спал на правом боку. Ночью доктор еще несколько раз заглядывал к нам, но мы этого не слышали и, как он говорил, ни разу не переменили позы. Спал я крепко, ничто меня не тревожило, и ничего не приснилось. В три часа ночи пришел Главный Конструктор, заглянул в дверь и, убедившись, что мы спим, ничего не сказав, ушел. Рассказывали, что в руках у него был последний номер журнала "Москва", он не мог уснуть и читал далеко за полночь.

Евгений Анатольевич не сомкнул глаз и проходил вокруг дома всю ночь. Его тревожили проезжавшие по дороге автомашины и звуки, нет-нет да и долетавшие сюда из монтажного цеха; но мы спали, как новорожденные младенцы, и ничего не слышали и обо всем этом узнали после.

В 5.30 Евгений Анатольевич вошел в спальню и легонько потряс меня за плечо.

- Юра, пора вставать,- услышал я.

- Вставать? Пожалуйста...

Я моментально поднялся; встал и Космонавт Два, напевая сочиненную нами шутливую песенку о ландышах. Как спалось? - спросил доктор.

- Как учили,- ответил я.

После обычной физзарядки и умывания завтрак из туб: мясное пюре, черносмородиновый джем, кофе. Начались предполетный медицинский осмотр и проверка записей приборов, контролирующих физиологические функции. Все оказалось в норме, о чем и был составлен медицинский протокол. Подошла пора облачаться в космическое снаряжение. Я надел на себя теплый, мягкий и легкий комбинезон лазоревого цвета. Затем товарищи принялись надевать на меня защитный ярко-оранжевый скафандр, обеспечивающий сохранение работоспособности даже в случае разгерметизации кабины корабля. Тут же были проверены все приборы и аппаратура, которыми оснащен скафандр. Эта процедура заняла довольно продолжительное время. На голову я надел белый шлемофон, сверху - гермошлем, на котором красовались крупные буквы: "СССР".

Одним из снаряжающих меня в полет был заслуженный парашютист Николай Константинович, обучавший космонавтов сложным прыжкам с парашютом. Его советы были ценны: ведь он уже несколько раз катапультировался из самолетов с креслом, подобным установленному в космическом корабле и также снабженным специальным парашютным устройством. Это было тем более важно, что по программе первого космического полета для большей надежности на случай посадки корабля на не совсем удобной для этого площадке был принят вариант, при котором на небольшой высоте космонавт катапультировался с борта корабля и затем, отделившись от своего кресла, приземлялся на парашюте. Корабль же совершал нормальную посадку. Пришел Главный Конструктор. Впервые я видел его озабоченным и усталым - видимо, сказались бессонная ночь. И все же мягкая улыбка витала вокруг его твердых, крепко сжатых губ. Мне хотелось обнять его, словно отца. Он дал мне несколько рекомендаций и советов, которых я еще никогда не слышал и которые могли пригодиться в полете. Мне показалось, что, увидев космонавтов и поговорив с ними, он стал более бодрым.

- Все будет хорошо, все будет нормально,- сказали мы с Космонавтом Два одновременно.

Люди, надевавшие на меня скафандр, стали протягивать листки бумаги, кто-то подал служебное удостоверение - каждый просил оставить на память автограф. Я не мог отказать и несколько раз расписался.

Подошел специально оборудованный автобус. Я занял место в "космическом" кресле, напомиавшем удобное кресло кабины космического корабля. В скафандре есть устройства для вентиляции, к ним подаются электроэнергия и кислород. Вентиляционное устройство было подключено к источникам питания, установленным в автобусе. Все работало хорошо.

Автобус быстро мчался по шоссе. Я еще издали увидел устремленный ввысь серебристый корпус ракеты, оснащенной шестью двигателями общей мощностью в двадцать миллионов лошадиных сил. Чем ближе мы подъезжали к стартовой площадке, тем ракета становилась все больше и больше, словно вырастая в размерах. Она напоминала гигантский маяк, и первый луч восходящего солнца горел на ее острой вершине. Погода благоприятствовала полету.

Небо выглядело чистым, и только далеко-далеко жемчужно светились перистые облака.

- Миллион километров высоты, миллион километров видимости,- услышал я. Так мог сказать летчик.

На стартовой площадке я увидел Теоретика Космонавтики и Главного Конструктора. Для них это был самый трудный день. Как всегда, они стояли рядом. Выразительные лица их до последней морщинки освещались утренним светом. Здесь же находились члены Государственной комиссии по проведению первого космического рейса, руководители космодрома и стартовой команды, ученые, ведущие конструкторы, мой верный друг Космонавт Два и другие товарищи - космонавты. Все заливал свет наступающего нового дня.

- Какое жизнерадостное солнце! - воскликнул я.

Вспомнились первый полет на Севере, проплывающие под самолетом сопки, покрытые розовым снегом, земля, забрызганная синеватыми каплями озер, и темно-синее холодное море, бьющееся о гранитные скалы.

- Красота-то какая! - невольно вырвалось у меня.

- Не отвлекайтесь от приборов,- строго сказал мне тогда командир звена Васильев.

Давно это было, а вот вспомнились его слова:

- Эмоции эмоциями, а дело прежде всего...

Нетерпение росло. Люди поглядывали на хронометры. Наконец доложили, что ракета с кораблем полностью подготовлена к космическому полету. Оставалось только посадить космонавта в кабину, в последний раз проверить все системы и произвести запуск.

Я подошел к Председателю Государственной комиссии - одному из хорошо известных в нашей стране руководителей промышленности и доложил:

- Летчик старший лейтенант Гагарин к первому полету на космическом корабле "Восток" готов!

- Счастливого пути! Желаем успеха! - ответил он и крепко пожал мне руку. Голос у него был не сильный, но веселый и теплый, похожий на голос моего отца.

Я глядел на корабль, на котором должен был через несколько минут отправиться в небывалый рейс. Он был красив, красивее локомотива, парохода, самолета, дворцов и мостов, вместе взятых. Подумалось, что эта красота вечна и останется для людей всех стран на все грядущие времена. Передо мною было не только замечательное творение

техники, но и впечатляющее произведение искусства.

Перед тем, как подняться на лифте в кабину корабля, я сделал заявление для печати и радио. Меня охватил небывалый подъем всех душевных сил. Всем существом своим слышал я музыку природы: тихий шелест трав сменялся шумом ветра, который поглощался гулом волн, ударяющих о берег во время бури. Эта музыка, рождаемая во мне, отражала всю сложную гамму переживаний, рождала какие-то необыкновенные слова, которые я никогда не употреблял раньше в обиходе.

- Дорогие друзья, близкие и незнакомые, соотечественники, люди всех стран и континентов! - сказал я. - Через несколько минут могучий космический корабль унесет меня в далекие просторы Вселенной. Что можно сказать вам в эти последние минуты перед стартом? Вся моя жизнь кажется мне сейчас одним прекрасным мгновением... Я сделал паузу, собираясь с мыслями. И вся прожитая жизнь пронеслась перед глазами. Я увидел себя босоногим мальчонкой, помогающим пастухам пасти колхозное стадо... Школьником, впервые написавшим слово - Ленин... Ремесленником, сделавшим свою первую опоку... Студентом, работающим над дипломом... Летчиком, охраняющим государственную границу...

- Все, что прожито, что сделано прежде, было прожито и сделано ради этой минуты,- говорил я то, что передумал за последние дни, когда мне сказали: "Ты полетишь первым".

- Сами понимаете, трудно разобраться в чувствах сейчас, когда очень близко подошел час испытаний, к которому мы готовились долго и страстно. Вряд ли стоит говорить о тех чувствах, которые я испытал, когда мне предложили совершить этот первый в истории полет. Радость? Нет, это была не только радость. Гордость? Нет, это была не только гордость. Я испытал большое счастье. Быть первым в космосе, вступить один на один в небывалый поединок с природой - можно ли мечтать о большем?

Было тихо. словно ветерок среди травы, шуршала лента магнитофона.

- Но вслед за этим я подумал о той колоссальной ответственности, которая легла на меня. Первым совершить то, о чем мечтали поколения людей, первым проложить дорогу человечеству в космос... Назовите мне большую по сложности задачу, чем та, что выпала мне. Это ответственность не перед одним, не перед десятками людей, не перед коллективом. Это ответственность перед всем советским народом, перед всем человечеством, перед его настоящим и будущим. И если тем не менее я решаюсь на этот полет, то только потому, что я коммунист, что имею за спиной образцы беспримерного героизма моих соотечественников - советских людей.

И встали перед моими глазами Чапаев и Чкалов, Покрышкин и Кантария, Курчатов и Гаганова, Турсункулов и Мамай... Они, да и не только они, а все советские люди черпали и черпают свои жизненные силы из одного глубокого и чистого источника - из учения Ленина. Жадно пили из этого источника и мы, космонавты, и все наше молодое поколение, воспитываемое ленинской партией коммунистов.

На какое-то мгновение я задумался, но быстро собрался с мыслями и продолжал: Я знаю, что соберу всю свою волю для наилучшего выполнения задания. Понимая ответственность задачи, я сделаю все, что в моих силах, для выполнения задания Коммунистической партии и советского народа.

- Счастлив ли я, отправляясь в космический полет? Конечно, счастлив. Ведь во все времена и эпохи для людей было высшим счастьем участвовать в новых открытиях...

Я глядел поверх микрофона и говорил, видя внимательные лица моих наставников и друзей: Главного Конструктора, Теоретика Космонавтики, Николая Петровича Каманина, милого, доброго Евгения Анатольевича, Космонавта Два...

- Мне хочется посвятить этот первый космический полет людям коммунизма - общества, в которое уже вступает наш советский народ и в которое, я уверен, вступят все люди на земле.

Я заметил, как Главный Конструктор украдкой поглядел на часы. Надо было закругляться.

- Сейчас до старта остаются считанные минуты,- сказал я. - Я говорю вам, дорогие друзья, до свидания, как всегда говорят люди друг другу, отправляясь в далекий путь. Как бы хотелось вас всех обнять, знакомых и незнакомых, далеких и близких!

И, уже находясь на железной площадке перед входом в кабину, прощаясь с товарищами, остающимися на Земле, я приветственно поднял обе руки и сказал:

- До скорой встречи!

Я вошел в кабину, пахнущую полевым ветром, меня усадили в кресло, бесшумно захлопнули люк. Я остался наедине с приборами, освещенными уже не дневным, солнечным светом, а искусственным. Мне было слышно все, что делалось за бортом корабля на такой милой, ставшей еще дороже Земле. Вот убрали железные фермы, и

наступила тишина. Я доложил:

- "Земля", я - "Космонавт". Проверку связи закончил. Исходное положение тумблеров на пульте управления заданное. Глобус на месте разделения. Давление в кабине - единица, влажность - 65 процентов, температура - 19 градусов, давление в отсеке - 1,2, давление в системах ориентации нормальное. Самочувствие хорошее. К старту готов. Технический руководитель полета объявил полуторачасовую готовность к полету. Потом часовую, получасовую. За несколько минут до старта мне сказали, что на экране телевизионного устройства хорошо видно мое лицо, что моя бодрость радует всех. Передали также, что пульс у меня - 64, дыхание - 24.

Я ответил:

- Сердце бьется нормально. Чувствую себя хорошо, перчатки надел, гермошлем закрыл, к старту готов.

Все команды по пуску передавались также и мне.

Наконец технический руководитель полета скомандовал:

- Подъем!

- Я ответил:

- Поехали! Все проходит нормально.

Взгляд мой остановился на часах. Стрелки показывали 9 часов 7 минут по московскому времени. Я услышал свист и все нарастающий гул, почувствовал, как гигантский корабль задрожал всем своим корпусом и медленно, очень медленно оторвался от стартового устройства. Гул был не сильнее того, который слышишь в кабине реактивного самолета, но в нем было множество новых музыкальных оттенков и тембров, не записанных ни одним композитором на ноты и которые, видимо, не сможет пока воспроизвести никакой музыкальный инструмент, ни один человеческий голос. Могучие двигатели ракеты создавали музыку будущего, наверное, еще более волнующую и прекрасную, чем величайшие творения прошлого.

Начали расти перегрузки. Я почувствовал, как какая-то непреоборимая сила все больше и больше вдавликает меня в кресло. И хотя оно было расположено так, чтобы до предела сократить влияние огромной тяжести, наваливающейся на мое тело, было трудно пошевелить рукой и ногой. Я знал, что состояние это продлится недолго, пока корабль, набирая скорость, выйдет на орбиту. Перегрузки все возрастали.

"Земля" напомнила:

- Прошло семьдесят секунд после взлета.

Я ответил:

- Понял вас: семьдесят. Самочувствие отличное. Продолжаю полет. Растут перегрузки. Все хорошо.

Ответил бодро, а сам подумал: неужели только семьдесят секунд? Секунды длинные, как минуты. "Земля" снова спросила:

- Как себя чувствуете?

- Самочувствие хорошее, как у вас?

- С "Земли" ответили:

- Все нормально.

С Землей я поддерживал двустороннюю радиосвязь по трем каналам. Частоты бортовых коротковолновых передатчиков составляли 9,019 мегагерца и 20,006 мегагерца, а в диапазоне ультракоротких волн - 143,625 мегагерца. Я слышал голоса товарищей, работавших на радиостанциях, настолько отчетливо, как если бы они находились рядом. За плотными слоями атмосферы был автоматически сброшен и улетел куда-то в сторону головной обтекатель. В иллюминаторах показалась далекая земная поверхность. В это время "Восток" пролетал над широкой сибирской рекой. Отчетливо виднелись на ней островки и берега, поросшие тайгой, освещенной солнцем.

- Красота-то какая! - снова, не удержавшись, воскликнул я и тут же осекся: моя задача - передавать деловую информацию, а не любоваться красотами природы. Тем более, что "Земля" тут же попросила передать очередное сообщение.

- Слышу вас отчетливо,- ответил я. - Самочувствие отличное. Полет продолжается хорошо. Перегрузки растут. Вижу Землю, лес, облака...

Перегрузки действительно все время росли. Но организм постепенно привыкал к ним, и я даже подумал, что на центрифуге приходилось переносить и не такое. Вибрация тоже во время тренировок донимала значительно больше. Словом, не так страшен черт, как его малюют.

Многоступенчатая космическая ракета - сооружение настолько сложное, что его трудно сравнить с чем-либо известным людям, а ведь все познается путем сравнений. После

выгорания топлива отработавшая свое ступень ракеты становится ненужной и, чтобы не быть обузой, автоматически отделяется и сбрасывается прочь, а оставшаяся часть ракеты продолжает наращивать скорость полета. Я никогда не видел ученых и инженеров, нашедших легкое и портативное топливо для двигателей советской ракеты. Но мне, взбирающемуся на ней все выше и выше к заданной орбите, хотелось в эту минуту сказать им спасибо и крепко пожать руки. Сложные двигатели работали сверхотлично, с точностью кремлевских курантов.

Одна за другой, используя топливо, отделялись ступени ракеты, и наступил момент, когда я мог сообщить:

- Произошло разделение с носителем, согласно заданию. Самочувствие хорошее.

Параметры кабины: давление - единица, влажность - 65 процентов, температура - 20 градусов, давление в отсеке - единица, в системах ориентации нормальное.

Корабль вышел на орбиту - широкую космическую магистраль. Наступила невесомость - то самое состояние, о котором еще в детстве я читал в книгах К. Э. Циолковского. Сначала это чувство было необычным, но я вскоре привык к нему, освоился и продолжал выполнять программу, заданную на полет. "Интересно, что скажут люди на Земле, когда им сообщат о моем полете",- подумалось мне.

Невесомость - это явление для всех нас, жителей Земли, несколько странное. Но организм быстро приспосабливается к нему, испытывая исключительную легкость во всех членах. Что произошло со мной в это время? Я оторвался от кресла, повис между потолком и полом кабины. Переход к этому состоянию произошел очень плавно. Когда стало исчезать влияние гравитации, я почувствовал себя превосходно. Все вдруг стало делать легче. И руки, и ноги, и все тело стали будто совсем не моими. Они ничего не весили. Не сидишь, не лежишь, а как бы висишь в кабине. Все незакрепленные предметы тоже парят, и наблюдаешь их, словно во сне. И планшет, и карандаш, и блокнот... А капли жидкости, пролившиеся из шланга, приняли форму шариков, они свободно перемещались в пространстве и, коснувшись стенки кабины, прилипали к ней, будто роса на цветке. Невесомость не сказывается на работоспособности человека. Все время я работал. Следил за оборудованием корабля, наблюдал через иллюминаторы, вел записи в бортовом журнале. Я писал, находясь в скафандре, не снимая гермоперчаток, обыкновенным графитным карандашом. Писалось легко, и фразы одна за другой ложились на бумагу бортового журнала. На минуту забыв, где и в каком положении я нахожусь, положил карандаш рядом с собой, и он тут же уплыл от меня. Я не стал ловить его и обо всем увиденном громко говорил, а магнитофон записывал сказанное на узенькую скользящую ленту. Я продолжал поддерживать радиосвязь с Землей по нескольким каналам в телефонных и телеграфных режимах.

"Земля" поинтересовалась, что я вижу внизу. И я рассказал, что наша планета выглядит примерно так же, как при полете на реактивном самолете на больших высотах. Отчетливо вырисовываются горные хребты, крупные реки, большие лесные массивы, пятна островов, береговая кромка морей.

"Восток" мчался над просторами Родины, и я испытывал к ней горячую сыновнюю любовь. Да и как не любить свою Родину нам, ее детям, если народы всего мира с надеждой обращают к ней свои взоры. Еще недавно нищая и отсталая, она превратилась в могучую индустриальную и колхозную державу. Советский народ, организованный и воспитанный Коммунистической партией, стряхнул с себя прах старого мира, расправил богатырские плечи и двинулся вперед по пути, открытому Лениным. Наш могучий народ под руководством партии установил власть трудящихся, создал первое в мире Советское государство.

На примерах героических подвигов своих сынов учила нас Родина-мать, с детства прививала самые лучшие и благородные чувства. На земном шаре нет страны более обширной, чем наша. Нет страны более богатой, чем наша, нет страны красивее, чем Советский Союз.

Будучи мальчишкой, я с упоением читал "Слово о полку Игореве" - этот древнейший русский сборник идей преданности Родине. Я любил на переменах простаивать в классе у географической карты, смотреть на великие русские реки: Волгу, Днепр, Обь, Енисей, Амур, словно синие жилы, оплетающие могучее тело нашей страны, и мечтать о далеких странствиях и походах. И вот он, главный поход моей жизни - полет вокруг земного шара! И я на высоте трехсот километров мысленно благодарил партию и народ, давших мне такое огромное счастье - первому увидеть и первому рассказать людям обо всем увиденном в космосе.

Я видел облака и легкие тени их на далекой милой Земле. На какое-то мгновение во мне

пробудился сын колхозника. Совершенно черное небо выглядело вспаханным полем, засеваемым зерном звезд.

Они яркие "чистые, словно перевеянные. Солнце тоже удивительно яркое, невооруженным глазом, даже зажмурившись, смотреть на него невозможно. Оно, наверное, во много десятков, а то и сотен раз ярче, чем мы его видим с Земли. Ярче, чем расплавленный металл, с которым мне приходилось иметь дело во время работы в литейном цехе. Чтобы ослабить слепящую силу его лучей, я время от времени перекрывал иллюминаторы предохранительными шторками.

Мне хотелось понаблюдать Луну, узнать, как она выглядит в космосе. Но, к сожалению, ее серп во время полета находился вне поля моего зрения. "Впрочем,- подумал я,- увижу ее в следующем полете".

Наблюдения велись не только за небом, но и за Землей. Как выглядит водная поверхность? Темноватыми, чуть поблескивающими пятнами. Ощущается ли шарообразность нашей планеты? Да, конечно! Когда я смотрел на горизонт, то видел резкий, контрастный переход от светлой поверхности Земли к совершенно черному небу. Земля радовала сочной палитрой красок. Она окружена ореолом нежно-голубоватого цвета. Затем эта полоса постепенно темнеет, становится бирюзовой, синей, фиолетовой и переходит в угольно-черный цвет. Этот переход очень красив и радует глаз.

В кабину долетала музыка Родины, я слышал, как родные голоса пели одну из моих любимых песен - "Амурские волны". Вспомнилось, что американцы писали: "Никто не в состоянии точно предсказать, каково будет влияние космического пространства на человека. Известно только одно - человек в космосе будет ощущать скуку и одиночество". Нет, я не ощущал скуки и не был одинок. Разрезая космос, я работал, жил жизнью своей страны. Радио, как пуповина, связывало меня с Землей. Я принимал команды, передавал сообщения о работе всех систем корабля, в каждом слове с Земли чувствовал поддержку народа, правительства, партии.

Все время пристально наблюдая за показаниями приборов, я определил, что "Восток", строго двигаясь по намеченной орбите, вот-вот начнет полет над затененной, еще не освещенной Солнцем частью нашей планеты. Вход корабля в тень произошел быстро. Моментально наступила кромешная темнота. Видимо, я пролетал над океаном, так как даже золотистая пыль освещенных городов не просматривалась внизу.

Пересекая западное полушарие, я подумал о Колумбе, о том, что он, мучаясь и страдая, открыл Новый Свет, а назвали его Америкой по имени Америго Веспуччи, который за тридцать две страницы своей книги "Описание новых земель" получил бессмертие.

Повесть об этой исторической ошибке я читал как-то в книге Стефана Цвейга.

Подумав об Америке, я не мог не вспомнить парней, намеревавшихся ринуться следом за нами в космос. Почему-то я предполагал, что это сделает Алан Шепард. Станут ли американские космонавты служить делу мира, как это делаем мы, или будут рабами тех, кто готовит войну? Как было бы хорошо, если бы народы земного шара вняли разумному голосу Никиты Сергеевича Хрущева и все свои усилия направили к достижению всеобщего и постоянного мира.

В 9 часов 51 минуту была включена автоматическая система ориентации. После выхода "Востока" из тени она осуществила поиск и ориентацию корабля на Солнце. Лучи его просвечивали через земную атмосферу, горизонт стал ярко-оранжевым, постепенно переходящим во все цвета радуги: к голубому, синему, фиолетовому, черному.

Неописуемая цветовая гамма! Как на полотнах художника Николая Рериха!

9 часов 52 минуты. Пролетая в районе мыса Горн, я передал сообщение:

- Полет проходит нормально, чувствую себя хорошо. Бортовая аппаратура работает исправно.

Я сверился с графиком полета. Время выдерживалось точно. "Восток" шел со скоростью, близкой к 28000 километров в час. Такую скорость трудно представить на Земле. Я не чувствовал во время полета ни голода, ни жажды. Но по заданной программе в определенное время поел и пил воду из специальной системы водоснабжения. Ел я пищу, приготовленную по рецептам, разработанным Академией медицинских наук. Кушал так же, как в земных условиях; только одна беда - нельзя было широко открывать рот. И хотя было известно, что за поведением моего организма наблюдают с Земли, я нет-нет да и прислушивался к собственному сердцу. В условиях невесомости пульс и дыхание были нормальными, самочувствие прекрасное, мышление и работоспособность сохранялись полностью.

В мой комбинезон были вмонтированы легкие, удобные датчики, преобразовывавшие физиологические параметры - биотоки сердца, пульсовые колебания сосудистой стенки,

дыхательные движения грудной клетки - в электрические сигналы. Специальные усилительные и измерительные системы обеспечили выдачу через радиоканалы на Землю импульсов, характеризующих дыхание и кровообращение на всех этапах полета. Так что на Земле знали о моем самочувствии больше, чем знал об этом я.

С момента отрыва ракеты от стартового устройства управление всеми ее сложными механизмами приняли на себя разумные автоматические системы. Они направляли рули, заставляя ракету двигаться по заданной траектории, управляли двигательной установкой, задавая необходимую скорость, сбрасывали отработанные ступени ракеты. Автоматика поддерживала необходимую температуру внутри корабля, ориентировала его в пространстве, заставляла работать измерительные приборы, решала много других сложных задач. Вместе с тем в моем распоряжении находилась система ручного управления полетом корабля. Стоило только включить нужный тумблер, как все управление полетом и посадкой "Востока" перешло бы в мои руки. Мне пришлось бы еще раз уточнить по бортовым приборам местоположение стремительно несущегося над Землей "Востока". А затем надо было бы рассчитать место посадки, ручкой управления удерживать ориентацию корабля и в нужный момент запустить тормозную установку. Сейчас всего этого не требовалось - автоматика работала безотказно. Все обдумали и взвесили ученые.

Главный Конструктор рассказывал нам о борьбе, ведущейся за облегчение веса и габаритов каждой детали космических кораблей, о том, что советские ученые, работающие в области автоматики, создают системы со многими тысячами элементов, делают самонастраивающиеся устройства, способные приспособливаться к изменяющимся условиям. Молодо увлекаясь, он говорил нам об устройствах управления с большим числом элементов, обеспечивающих, однако, высокую надежность системы. Все эти воспоминания промелькнули в мозгу в какую-то секунду. А вспомнив все это, я стал думать о Главном Конструкторе. Космическим кораблем могли гордиться научные коллективы, вложившие в него свой разум, энергию, труд.

Я старался представить себе людей, причастных к строительству корабля, и перед моим взором проходили ряды тружеников, как на первомайской демонстрации на Красной площади. Хорошо было бы увидеть их за работой в лабораториях, в цехах заводов, пожать им руки, сказать спасибо. Ведь самое прекрасное на Земле - это человек, занятый трудом.

С душевным трепетом всматривался я в окружающий меня мир, стараясь все разглядеть, понять и осмыслить. В иллюминаторах отсвечивали алмазные россыпи ярких, холодных звезд. До них было еще ой как далеко, может быть, десятки лет полета, и все же с орбиты к ним было значительно ближе, чем с Земли. Было радостно и немного жутковато от сознания, что мне доверили космический корабль - бесценное сокровище государства, в которое вложено так много труда и народных денег.

Несмотря на сложную работу, я не мог не думать. Вспомнилась мама, как она в детстве целовала меня на сон грядущий в спину между лопаток. Знает ли она, где я сейчас?

Сказала ли ей Валя о моем полете? А вспомнив о маме, я не мог не вспомнить о Родине. Ведь неспроста люди называют Родину матерью - она вечно жива, она бессмертна.

Всем, чего достигает человек в жизни, он обязан своей Родине. "Наша социалистическая Родина - самая прекрасная в мире, и всем, чего достиг, я обязан ей", - думал я.

Приходили разные мысли, и все какие-то светлые, праздничные. Вспоминалось, как мы, мальчишки, тайком трясли яблони в колхозном саду, как накануне полета я бродил по Москве, по ее шумным, радостным улицам, как пришел на Красную площадь и долго стоял у Мавзолея. Подумал о том, что космический корабль несет идеи Ленина вокруг всей Земли. "Что делает сейчас Космонавт Два?" - мелькнула мысль, и я ощутил силу и теплоту его объятий во время прощания. Ведь все, что я сейчас переживаю, придется пережить и ему.

Одна за другой внизу проносились страны, и я видел их, как одно целое, не разделенное государственными границами.

В 10 часов 15 минут на подлете к африканскому материку от автоматического программного устройства прошли команды на подготовку бортовой аппаратуры к включению тормозного двигателя. Я передал очередное сообщение:

- Полет протекает нормально, состояние невесомости переношу хорошо.

Мелькнула мысль, что где-то там, внизу, находится вершина Килиманджаро, воспетая Эрнестом Хемингуэем в его рассказе "Снега Килиманджаро".

Затем я подумал, что корабль пролетает над Конго, страной, в которой империалисты злодейски убили мужественного борца против колониализма, борца за счастье своего

народа Патриса Лумумбу.

Но размышлять было некогда. Наступал заключительный этап полета, может быть, еще более ответственный, чем выход на орбиту и полет по орбите,- возвращение на Землю. Я стал готовиться к нему. Меня ожидал переход от состояния невесомости к новым, может быть, еще более сильным перегрузкам и колоссальному разогреву внешней оболочки корабля при входе в плотные слои атмосферы. До сих пор в космическом полете все проходило примерно так же, как мы отрабатывали это во время тренировок на Земле. А как будет на последнем, завершающем этапе полета? Все ли системы сработают нормально, не поджидает ли меня непредвиденная опасность? Автоматика автоматикой, но я определил местоположение корабля и был готов взять управление в свои руки и в случае необходимости осуществить его спуск на Землю самостоятельно в выбранном мною подходящем для этой цели районе.

Система ориентации корабля в данном полете была солнечной, оснащенной специальными датчиками. Эти датчики "ловят" Солнце и удерживают его в определенном положении, так что тормозная двигательная установка оказывается всегда направленной против полета. В 10 часов 25 минут произошло автоматическое включение тормозного устройства. Оно сработало отлично, в заданное время. За большим подъемом и спуск большой - "Восток" постепенно стал сбавлять скорость, перешел с орбиты на переходный эллипс. Началась заключительная часть полета. Корабль стал входить в плотные слои атмосферы. Его наружная оболочка быстро накалялась, и сквозь шторы, прикрывающие иллюминаторы, я видел жутковатый багровый отсвет пламени, бушующего вокруг корабля. Но в кабине было всего двадцать градусов тепла, хотя я и находился в клубке огня, устремленном вниз.

Невесомость исчезла, нарастающие перегрузки прижали меня к креслу. Они все увеличивались и были значительнее, чем при взлете. Корабль начало вращать, и я сообщил об этом "Земле". Но вращение, обеспокоившее меня, быстро прекратилось, и дальнейший спуск протекал нормально. Было ясно, что все системы сработали отлично и корабль точно идет в заданный район приземления. От избытка счастья я громко запел любимую песню:

Родина слышит,

Родина знает...

Высота полета все время уменьшалась. Убедившись, что корабль благополучно достигнет Земли, я приготовился к посадке.

Десять тысяч метров... Девять тысяч... Восемь... Семь...

Внизу блеснула лента Волги. Я сразу узнал великую русскую реку и берега, над которыми меня учил летать Дмитрий Павлович Мартыанов. Все было хорошо знакомо: и широкие окрестности, и весенние поля, и рощи, и дороги, и Саратов, дома которого, как кубики, громоздились вдали...

В 10 часов 55 минут "Восток", облетев земной шар, благополучно опустился в заданном районе на вспаханном под зябь поле колхоза "Ленинский путь" юго-западнее города Энгельса, неподалеку от деревни Смеловка. Случилось, как в хорошем романе,- мое возвращение из космоса произошло в тех самых местах, где я впервые в жизни летал на самолете. Сколько времени прошло с той поры? Всего только шесть лет. Но как изменились мерила! В этот день я летел в двести раз быстрее, в двести раз выше. В двести раз выросли советские крылья!

Ступив на твердую почву, я увидел женщину с девочкой, стоявших возле пятнистого теленка и с любопытством наблюдавших за мной. Пошел к ним. Они направились навстречу. Но чем ближе они подходили, шаги их становились медленнее. Я ведь все еще был в своем ярко-оранжевом скафандре, и его необычный вид немножечко их пугал. Ничего подобного они еще не видели.

- Свои, товарищи, свои,- ощущая холодок волнения, крикнул я, сняв гермошлем.

Это была жена лесника Анна Акимовна Тахтарова со своей шестилетней внучкой Ритой.

- Неужели из космоса? - не совсем уверенно спросила женщина.

- Представьте себе, да, - сказал я.

- Юрий Гагарин! Юрий Гагарин! - закричали подбежавшие с полевого стана механизаторы.

Это были первые люди, которых я встретил на Земле после полета,- простые советские люди, труженики колхозных полей. Мы обнялись и расцеловались, как родные.

Вскоре прибыла группа солдат с офицером, проезжавших на грузовиках по шоссе. Они обнимали меня, жали руки. Кто-то из них назвал меня майором. Я, ничего не спрашивая, понял, что министр обороны Маршал Советского Союза Родион Яковлевич Малиновский

присвоил мне внеочередное звание через одну ступень. Я не ожидал этого и покраснел от смущения. У кого-то нашелся фотоаппарат, мы встали большой группой и сфотографировались. Это был первый снимок, сделанный после полета. Военные товарищи помогли мне снять скафандр, и я остался в лазоревом комбинезоне. Кто-то предложил мне свою шинель, но я отказался - комбинезон был теплый и легкий. Вместе с солдатами я направился к своему кораблю. Он стоял среди вспаханного поля, в нескольких десятках метров от глубокого оврага, в котором шумели весенние воды. Я тщательно оглядел "Восток". Корабль и его внутреннее оборудование были в полном порядке; их можно было вновь использовать для космического полета. Чувство огромной радости переполняло меня. Я был счастлив от сознания того, что первый полет человека в космос совершен в Советском Союзе и наша отечественная наука еще дальше продвинулась вперед.

Солдаты выставили караул у космического корабля. Тут за мной прилетел вертолет со специалистами из группы встречи и спортивными комиссарами, которые должны были зарегистрировать рекордный полет в космос. Они остались у "Востока", а я направился на командный пункт этой группы для того, чтобы обо всем доложить Москве. Попав к товарищам, ожидавшим моего возвращения, я узнал, что на мое имя есть телеграмма от Никиты Сергеевича Хрущева. Первый секретарь Центрального Комитета партии поздравлял меня с завершением космического рейса. Через некоторое время меня соединили по телефону с Никитой Сергеевичем Хрущевым, находившимся в районе Сочи. Я услышал знакомый и такой родной голос. Это была величайшая минута в жизни. Произошел душевный разговор. Я привожу его здесь полностью, от слова до слова.

- Я рад слышать Вас, дорогой Юрий Алексеевич,- сказал Никита Сергеевич.

Я: - Я только что получил Вашу приветственную телеграмму, в которой Вы поздравляете меня с успешным завершением первого в мире космического рейса. Сердечно благодарю Вас, Никита Сергеевич, за это поздравление. Счастлив доложить Вам, что первый космический полет успешно завершён.

Н. С. Хрущев: - Сердечно приветствую и поздравляю Вас, дорогой Юрий Алексеевич! Вы первым в мире совершили космический полет. Своим подвигам Вы прославили нашу Родину, проявили мужество и героизм в выполнении такого ответственного задания, своим подвигом Вы сделали себя бессмертным человеком, потому что Вы первым из людей проникли в космос.

Скажите, Юрий Алексеевич, как Вы себя чувствовали в полете? Как протекал этот первый космический полет?

Я: - Я чувствовал себя хорошо. Полет проходил очень успешно, вся аппаратура космического корабля работала четко. Во время полета я видел Землю с большой высоты. Были видны моря, горы, большие города, реки, леса.

Н. С. Хрущев: - Можно сказать, что Вы чувствовали себя хорошо?

Я: - Вы правильно сказали, Никита Сергеевич. Я чувствовал себя в космическом корабле хорошо, как дома. Я еще раз благодарю Вас за сердечное поздравление и приветствие с успешным завершением полета.

Н. С. Хрущев: - Я рад слышать Ваш голос и приветствовать Вас. Буду рад встретиться с Вами в Москве. Мы вместе с Вами, вместе со всем нашим народом торжественно отпразднуем этот великий подвиг в освоении космоса. Пусть весь мир смотрит и видит, на что способна наша страна, что может сделать наш великий народ, наша советская наука.

Я: - Пусть теперь все страны догоняют нас!

Н. С. Хрущев: - Правильно! Очень рад, что Ваш голос звучит бодро и уверенно, что у Вас такое замечательное настроение! Вы правильно говорите,- пусть капиталистические страны догоняют нашу страну, проложившую путь в космос, пославшую первого в мире космонавта. Все мы гордимся этой великой победой.

Здесь присутствует Анастас Иванович Микоян, он передает Вам сердечное поздравление и приветствие.

Я: - Передайте мою благодарность Анастасу Ивановичу, и лучшие пожелания ему!

Н. С. Хрущев: - Скажите, Юрий Алексеевич, у Вас есть жена, дети?

Я: - Есть и жена Валентина Ивановна и две дочери - Лена и Галя.

Н. С. Хрущев: - А жена знала, что Вы полетите в космос?

Я: - Да, знала, Никита Сергеевич.

Н. С. Хрущев: - Передайте мой сердечный привет Вашей жене и Вашим детям. Пусть Ваши дочери растут и гордятся своим отцом, который совершил такой великий подвиг во имя нашей Советской Родины.

Я: - Спасибо, Никита Сергеевич. Я передам этот Ваш привет и навсегда запомню Ваши сердечные слова.

Н. С. Хрущев: - А Ваши родители, мать и отец, живы, где они находятся сейчас, чем занимаются?

Я: - Отец и мать живы, они живут в Смоленской области.

Н. С. Хрущев: - Передайте Вашему отцу и Вашей матери мои сердечные поздравления. Они вправе гордиться своим сыном, который совершил такой великий подвиг.

Я: - Большое спасибо, Никита Сергеевич. Я передам Ваши слова отцу и матери. Они будут рады и глубоко признательны Вам, нашей партии и Советскому правительству.

Н. С. Хрущев: - Не только Ваши родители, но вся наша Советская Родина гордится Вашим великим подвигом, Юрий Алексеевич. Вы совершили подвиг, который будет жить в веках.

Еще раз от души приветствую Вас с успешным завершением первого космического полета. До скорой встречи в Москве. Желаю Вам всего наилучшего.

Я: - Спасибо, Никита Сергеевич. Еще раз благодарю Вас, родную Коммунистическую партию, Советское правительство за большое доверие, оказанное мне, и заверяю, что и впредь готов выполнить любое задание Советской Родины. До свидания, дорогой Никита Сергеевич!

Тут же сразу по телефону со мной переговорили главный редактор "Правды" Павел Алексеевич Сатюков и главный редактор "Известий" Алексей Иванович Аджубей. Я попросил их передать мой сердечный привет читателям газет.

В эти волнующие первые часы возвращения на Землю из космоса произошло много радостных встреч со знакомыми и незнакомыми друзьями. Все были для меня близкими и родными. Особенно трогательным было свидание с Космонавтом Два, который вместе с другими товарищами прилетел на реактивном самолете с космодрома в район приземления. Мы горячо обнялись и долго от избытка чувств дружески тусили друг друга кулаками.

- Доволен? - спросил он меня.

- Очень,- ответил я,- ты будешь так же доволен в следующий раз...

Ему очень хотелось обо всем расспросить меня, а мне очень хотелось обо всем рассказать ему, но врачи настаивали на отдыхе, и я не мог не подчиниться их требованиям.

Мы все поехали на берег Волги, в стоявший на отлете домик. Там я принял душ, пообедал и поужинал сразу - на этот раз по-земному, с хорошим земным аппетитом.

После небольшой прогулки вдоль Волги, полюбовавшись золотисто-светлым небом заката, мы сыграли с Космонавтом Два на бильярде и, закончив этот удивительный в жизни день - двенадцатое апреля тысяча девятьсот шестьдесят первого года,- улеглись в постели и через несколько минут уже спали так же безмятежно, как накануне полета.

Жизнь для Родины

Мое первое утро после возвращения из космического полета началось, как всегда, с физической зарядки. Привычка к утренней гимнастике уже давно стала необходимостью, и еще не было случая, когда бы я пренебрег ею. А тем более бодрость необходима была сегодня, ибо предстояли большой день, большие разговоры, интересные встречи.

В десять часов утра в домике на берегу Волги собрались ученые и специалисты, снаряжавшие "Восток" в первый рейс вокруг Земли. Я обрадовался, увидев среди них Главного Конструктора. Он улыбался, и лицо его помолодело. Теперь, после того, как человек поднялся в космос и, облетев планету, вернулся домой, все было в порядке. Главный Конструктор обнял меня, и мы расцеловались. Наверное, так во время войны генералы приветствовали солдат, выполнивших важное боевое задание.

Я сделал собравшимся первый доклад о работе всех технических систем корабля в полете, рассказал обо всем увиденном и пережитом за пределами земной атмосферы. Слушали меня внимательно. А я увлекся и говорил долго. Впечатлений было много, и все они были столь необычные, что хотелось поскорее поделиться ими с людьми. Я старался ничего не забыть. Судя по лицам собравшихся, рассказ был интересен. Затем посыпались вопросы. На каждый я старался ответить как можно точнее, понимая, насколько это важно для последующей работы по завоеванию космоса.

Несколько раз во время доклада я встречался взглядом с врачом Евгением Анатольевичем.

Он не хотел, чтобы я переутомлялся, и показывал на часы: закругляйся, мол, товарищ... После короткого перерыва мне снова пришлось говорить. На этот раз перед корреспондентами "Правды" и "Известий". Это было мое первое обстоятельное интервью для советской прессы, в котором я был заинтересован, так как хотелось поскорее рассказать обо всем увиденном народу и через газеты от души поблагодарить партию и правительство за высокое доверие, оказанное мне. Наша беседа велась в дружеском тоне. Журналисты понимали меня с полуслова, они многое знали о космосе. Один из них в свое время был военным авиатором, а другой редактировал в своей газете отдел науки и техники. Жаль, что во время этой беседы не было корреспондента саратовской комсомольской газеты "Заря молодежи". Эта газета первой напечатала обо мне заметку, когда я еще учился в аэроклубе. Можно себе представить, с каким интересом его интервью прочитали бы саратовские комсомольцы и ребята, которые, может быть, сейчас учатся летать на тех же самолетах, на которых учился летать и я. На другой день перед отлетом в Москву я встретился с Дмитрием Павловичем Мартяновым - моим первым инструктором, работавшим в то время в саратовском аэроклубе. Мы оба обрадовались друг другу.

- Спасибо вам, Дмитрий Павлович, что научили меня летать,- сказал я.

- Крылья растут от летания,- ответил он и протянул мне центральные газеты. Было приятно прочесть в них все сказанное вчера на беседе с журналистами. Как-никак, это были первые корреспонденции о полете в космос, и авторам удалось сохранить в них новизну и непосредственность моих космических впечатлений. Из газет я узнал о том, как встретили известие о моем полете родители в Гжатске и Валя, оставшаяся дома с ребятами. Особенно тронули меня рассказ мамы о моем детстве и фотография Вали, сделанная в момент, когда ей сообщили: дана команда на приземление. Я представил себе, что пережила жена в эти минуты...

Газеты и радовали меня и смущали. Оказаться в центре внимания не только своей страны, но и всего мира - довольно-таки обременительная штука. Мне хотелось тут же сесть и написать, что дело вовсе не во мне одном, что десятки тысяч ученых, специалистов и рабочих готовили этот полет, который мог осуществить каждый из моих товарищей космонавтов. Я знал, что многие советские летчики способны отправиться в космос и физически и морально подготовлены к этому. Знал и то, что мне повезло - вовремя родился. Появись я на свет на несколько лет раньше, и не прошел бы по возрасту; родись позже, кто-то бы уже побывал там, куда стремилось все мое существо.

Но радио, бесконечно повторявшее мое имя, и газеты с моими портретами и статьями о полете в космос были только началом того трепетного волнения, которое надолго захватило меня. Впереди ждали еще большие переживания, которых не могла представить никакая, самая богатая фантазия и о которых я даже не догадывался. Советский народ готовил первому космонавту небывалую встречу.

За мной из Москвы прилетел специальный самолет "ИЛ-18". На подлете к столице нашей Родины к нему пристроился почетный эскорт истребителей. Это были красавцы "МИГи", на которых в свое время летал и я. Они прижались к нашему воздушному кораблю настолько близко, что я отчетливо видел лица летчиков. Они широко улыбались, и я улыбался им. Я посмотрел вниз и ахнул. Улицы Москвы были запружены потоками народа. Со всех концов столицы живые человеческие реки, над которыми, как паруса, надувались алые знамена, стекались к стенам Кремля.

Самолет низко прошел над главными магистралями города и направился на Внуковский аэродром. Там тоже была масса встречающих. Мне передали, что на аэродроме находятся члены Президиума Центрального Комитета КПСС, Совета Министров СССР и глава Советского правительства Никита Сергеевич Хрущев.

Точно в заданное время "ИЛ-18" приземлился и стал рулить к центральному зданию аэропорта. Я надел на себя парадную офицерскую шинель с новенькими майорскими погонами, привычно оглядел свое отражение в иллюминаторе самолета и, когда машина остановилась, через раскрытую дверь по трапу спустился вниз. Еще из самолета я увидел вдали трибуну, переполненную людьми и окруженную горами цветов. К ней от самолета пролегла ярко-красная ковровая дорожка.

Надо было идти, и идти одному. И я пошел. Никогда, даже там, в космическом корабле, я не волновался так, как в эту минуту. Дорожка была длинная-предлинная. И пока я шел по ней, смог взять себя в руки. Под объективами телевизионных глаз, кинокамер и фотоаппаратов иду вперед. Знаю, все глядят на меня. И вдруг чувствую то, чего никто не заметил,- развязался шнурок ботинка. Вот сейчас наступлю на него и при всем честном народе растянусь на красном ковре. То-то будет конфузу и смеху - в космосе не упал, а

на ровной земле свалился...

Под звуки оркестра, исполняющего старинный авиационный марш "Мы рождены, чтоб сказку сделать былью", делаю еще пять, десять, пятнадцать шагов, узнаю лица членов Президиума ЦК, вижу отца, маму, Валю, встречаюсь глазами с родным, подбадривающим взглядом Никиты Сергеевича Хрущева. Подхожу к нему и, взяв руку под козырек, рапортую:

- Товарищ Первый секретарь Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза, Председатель Совета Министров СССР! Рад доложить Вам, что задание Центрального Комитета Коммунистической партии и Советского правительства выполнено...

По-весеннему пахнут цветы. В наступившей тишине я не узнаю собственный окрепший голос. Вокруг много близких мне людей, а вижу только одного Никиту Сергеевича, вижу, какую сложную гамму чувств вызывают в нем слова рапорта.

- Первый в истории человечества полет на советском космическом корабле "Восток" 12 апреля успешно совершен,- произношу я, и мне кажется, что Никита Сергеевич слушает меня всем своим добрым сердцем.

- Все приборы и оборудование корабля работали четко и безупречно. Чувствую себя отлично. Готов выполнить новое любое задание нашей партии и правительства. - Я сделал паузу и представился: - Майор Гагарин.

Никита Сергеевич снял шляпу, крепко обнял меня и по старинному русскому обычаю трижды поцеловал.

- Поздравляю! Поздравляю! - говорил он, и я чувствовал, как он взволнован. Я ощутил отеческое тепло его рук и подумал, что, может быть, увидев мою офицерскую форму, он вспомнил своего сына Леонида. Ведь сын Никиты Сергеевича тоже был летчик и совсем молодым погиб в неравном бою с фашистами, защищая от врагов чистое небо Родины. Никита Сергеевич познакомил меня с членами Президиума ЦК КПСС, а затем подвел к моему отцу, маме, Вале, братьям и сестрам.

- Вот и сбылась наша мечта, Юра,- сказала Валя и отвернулась, вытирая слезы. В руках у нее был огромный букет роз - подарок Нины Петровны Хрущевой.

На мои глаза тоже навертывались слезы радости и восторга. Но космонавту не положено плакать, и я через силу сдерживал свои чувства.

В этот день впервые разгулялась по-весеннему теплая и ласковая погода. Кортёж правительственных машин направился из Внукова в Москву. Я находился в открытом автомобиле рядом с Никитой Сергеевичем Хрущевым. На всем пути шпалерами стоял народ, приветствуя руководителей партии и правительства, приветствуя небывалое достижение нашей науки и техники. На фасадах домов - красные флаги, лозунги, транспаранты. Люди махали вымпелами, букетами цветов. Гремели оркестры. Взрослые поднимали над головами детей.

Наверное, ни один человек в мире не переживал то, что пришлось в этот праздничный день пережить мне. И вот она, наша Красная площадь, на которой совсем недавно, собираясь в полет, я стоял перед Мавзолеем. От края до края ее заполнили трудящиеся Москвы. Слегка подталкивая вперед, Никита Сергеевич провел меня на гранитную трибуну Мавзолея. Он видел мое смущение и старался сделать так, чтобы я не чувствовал никакой неловкости и замешательства.

Митинг открыл член Президиума ЦК КПСС, секретарь ЦК партии Фрол Романович Козлов и сразу дал мне слово. У меня перехватило дыхание: шутка ли сказать, все, что происходило на Красной площади, слушала не только наша страна, но и впервые передавалось на телевизоры всей Европы, а радио работало на весь мир.

Речь моя была краткой. Я сказал спасибо партии и правительству, поблагодарил наших ученых, инженеров, техников и рабочих, создавших такой корабль, на котором можно уверенно постигать тайны космического пространства. Высказав убеждение в том, что все мои друзья, летчики-космонавты, так же готовы в любое время совершить полет в просторы Вселенной, я закончил выступление словами:

- Слава Коммунистической партии Советского Союза и ее ленинскому Центральному Комитету во главе с Никитой Сергеевичем Хрущевым!

Эта здравица была подхвачена народом, до отказа заполнившим площадь и прилегающие к ней улицы.

Затем, встреченный бурной овацией народа, произнес речь Никита Сергеевич Хрущев. Его выступление было проникнуто глубокой верой в могучие творческие силы советских людей, в победу труда, разума и науки над разрушительными силами войны. Когда Никита Сергеевич объявил о том, что мне присвоено высокое звание Героя Советского

Союза и первому присвоено славное звание летчика-космонавта СССР, я весь вспыхнул. Ведь поколение молодежи, выросшей после войны, с детства питало большое уважение к наградам Родины. На какое-то мгновение перед моими глазами блеснули ордена, которые я семилетним мальчишкой увидел под распахнутыми куртками летчиков, побывавших в нашем селе после боя. Что скрывать, на мгновение я представил себя с орденом Ленина и Золотой Звездой на груди; ведь до сих пор у меня была всего одна медаль, которой я очень гордился. Советский Союз - страна массового героизма. В нашем народе Золотая Звезда считается символом бесстрашия и беспредельной преданности делу коммунизма. С каждым годом в созвездии героев появляются новые имена. К их числу советский народ прибавил мое имя, и как мне было не радоваться и не смущаться...

- Мы гордимся, что первый в мире космонавт - это советский человек,- сказал Никита Сергеевич,- он коммунист, член великой партии Ленина.

Эти слова всколыхнули все мое существо, и я почувствовал шум крови в сердце. Великая честь быть коммунистом! Я, совсем еще молодой, не прошедший через горнило борьбы член партии, стоял на трибуне рядом с самыми замечательными ее бойцами-ленинцами - членами Президиума ЦК КПСС, а мимо Мавзолея проходили колонны трудящихся Москвы, и среди них было немало коммунистов всех возрастов. Мы были единомышленниками, были едины в своем стремлении построить коммунизм.

Никита Сергеевич сказал то, о чем все знали, но никто не говорил вслух,- об опасностях, поджидающих космонавта в первом полете. Поздравляя на Красной площади мою жену - Валентину Ивановну, Никита Сергеевич сказал: "Ведь никто не мог дать полной гарантии, что проводы Юрия Алексеевича в космический полет не являлись для него последними".

Каждый специалист, участвовавший в снаряжении корабля, знал, что все могло случиться на таком длинном и пока еще плохо изученном пути, и только один Главный Конструктор, пожалуй, на все сто процентов был уверен, что все окончится триумфом советской науки. Находясь на старте, он смог своей несокрушимой уверенностью зарядить всех, в том числе и меня.

Три часа шумно текла живая человеческая река через Красную площадь. И когда прошли последние колонны, Никита Сергеевич, разгадав мое желание, провел меня в Мавзолей к Ленину, которого я никогда не видел. Мы молча стояли у саркофага, всматриваясь в дорогие черты великого человека - основателя Коммунистической партии и Советского государства.

Мы прошли вдоль аллеи островерхих серебристых елей, словно часовые, замерших у высокой зубчатой схемы. В Кремле меня ждала взволнованная семья. Отец рассказал, как он узнал о моем полете. В тот день он отправился поплотничать за двенадцать километров от Гжатска, в село, где строилась колхозная чайная. На перевозе через речку знакомый старик лодочник спросил его:

- В каком звании сынок-то твой ходит?

- В старших лейтенантах,- ответил ему отец.

- По радио передавали, будто какой-то майор Гагарин вроде бы на луну полетел,- не унимался старик.

- Ну, моему до майора еще ой как далеко,- сказал отец.

- Может, сродник какой? - еще раз спросил перевозчик.

- Да мало ли Гагариных на свете,- заключил отец.

На том разговор и окончился. Старики перебрались через речку, выпили чекушку за того, кто летает, закусили таранкой, и отец, взвалив на плечи плотничий инструмент, пошел своей дорогой, забыв о космонавте. Часа три он помахал топором на строительстве чайной, и тут подкатывает секретарь райкома партии:

- Куда ты запропал, Алексей Иванович? Ищем по всему району. Ведь твой Юрий слетал в космос и вернулся на Землю...

Они сели в машину и помчались в Гжатск. А там, у нашего маленького деревянного домика на Ленинградской улице, уже собрался весь город...

Всей семьей вечером мы пошли в Большой Кремлевский дворец на прием, устроенный Центральным Комитетом КПСС, Президиумом Верховного Совета СССР и Советом Министров СССР в честь выдающегося подвига ученых, инженеров, техников и рабочих, обеспечивших успешное осуществление первого в мире полета человека в космическое пространство. Все было необычным и красивым. Звучали фанфары, сводный хор и симфонический оркестр исполняли "Славься" из оперы "Иван Сусанин". Никто из нашей семьи не был до этого в Кремле, не видел сверкающего белизной мрамора Георгиевского зала. С интересом прочитали мы высеченные золотом наименования воинских частей,

прославивших доблесть русских солдат. Среди них были и наши, смоленские полки. В начале приема Председатель Президиума Верховного Совета СССР Леонид Ильич Брежнев после оглашения Указов прикрепил к моему мундиру орден Ленина и Золотую Звезду Героя Советского Союза. Выступая на приеме, Никита Сергеевич Хрущев сообщил, что все участники создания космического корабля-спутника "Восток" будут представлены к правительственным наградам. Я был рад за товарищей, чей творческий труд привел меня на такое пышное торжество.

На приеме я встретил Главного Конструктора, Теоретика Космонавтики и многих знакомых специалистов - творцов космического корабля. Пришли министры, Маршалы Советского Союза, передовики производства и сельского хозяйства, известные писатели, журналисты, спортсмены... Мы, гжатские, быстро почувствовали себя среди москвичей не гостями, а членами одной большой семьи.

Было произнесено много хороших тостов, возникали короткие, но сердечные беседы, слышались теплые слова в адрес моих учителей, все веселились от души.

Весь следующий день я находился под впечатлением приема в Кремле. С утра в Доме ученых Академия наук СССР и Министерство иностранных дел СССР устроили пресс-конференцию. На нее были приглашены советские и зарубежные журналисты, дипломатический корпус, члены президиума Академии наук СССР, видные ученые и представители общественных организаций Москвы. Собралось около тысячи человек. Здесь мне была вручена золотая медаль К. Э. Циолковского - очень дорогой знак внимания к моим скромным заслугам.

Выступление на пресс-конференции пришлось начать не с рассказа о полете, а отмежеванием от неких князей Гагариных, пребывающих в эмиграции и претендующих на родство с нашей семьей. Вот уж поистине: куда конь с копытом, туда и рак с клешней. После 12 апреля в Соединенных Штатах Америки нашлись какие-то дальние-предальные потомки князей Гагариных - седьмая вода на киселе, как говорят у нас на Смоленщине, - возжелавшие приобщиться к славе нашего народа и всерьез объявившие о том, что они-де родичи советского космонавта. Пришлось их разочаровать.

- Среди своих родственников, - заявил я, - никаких князей и людей знатного рода не знаю и никогда о них не слышал.

Рассказав собравшимся, как протекал космический полет, что видел и наблюдал в нем, я закончил выступление так:

- Летать мне понравилось. Хочу слетать к Венере и Марсу, по-настоящему полетать. Посыпались вопросы, все больше от зарубежных журналистов. Спрашивали много и о разном. Одних интересовало мое будущее, других - размеры моих заработков, третьи пытались, что называется, навести тень на плетень и приписать мирному рейсу "Востока" военный характер. Что же, ответил и на эти каверзные вопросы. И то, что я говорил правду, одну лишь правду, придало ответам убедительную силу.

Пришлось в эти дни побывать и у своих старых знакомых - врачей. Они искали каких-то изменений в моем организме, которые, по предположениям медицины, должны были возникнуть после полета в космос... Но они не возникли, и тот самый голубоглазый доктор - Евгений Алексеевич, отбиривший меня в космонавты, остался доволен.

- С таким здоровьем, - пошутил он, - не грех слетать и на Луну...

Ежедневно в редакции газет и ко мне домой приходило множество телеграмм и писем. Писали со всех концов Советского Союза, со всех материков Земли, знакомые и незнакомые люди. Некоторые присылали подарки Вале и моим девочкам. Многих прежних товарищей по Гжатску, Саратову, Оренбургу трудовая судьба разбросала по всей стране, и теперь они откликались отовсюду, приветствовали, напоминали милые и смешные случаи из прошлого. Очень растрогала меня весточка от Анатолия Ильяшенко или просто Федоровича, как мы его называли в эскадрилье на Севере. Это он вместе с Владимиром Решетовым и Анатолием Росляковым рекомендовал меня в ряды партии. Он писал: "Ах ты, Юрка, Юрка-непоседа, когда ты уезжал, помнишь, я говорил тебе: готовься к штурму. Я был уверен, что весь мир услышит о тебе...". Анатолий Федорович описывал свое житье-бытье. Он ушел в запас, немного проработал чернорабочим, а затем стал летать на транспортных самолетах в Казахстане. По письму видно было, что Федоровичу сначала нелегко пришлось на новом поприще. Но он принадлежит к той породе людей, которых не пугают никакие трудности и не останавливают никакие препятствия. Быть таким он учил и меня, когда мы вместе служили на Севере. Да он и сам напомнил об этом в своем письме: "Ведь не зря же мы коммунисты, нам подавай любую работу, если впереди ясно видна цель".

В те дни пришло очень хорошее письмо из Парижа. Написал его Франсуа де Жоффри -

офицер ордена Почетного легиона, кавалер ордена Красного Знамени, автор книги "Нормандия-Неман", которую я недавно читал. В своем обширном письме французский патриот писал: "Позвольте мне, французскому летчику полка "Нормандия-Неман", бывшему добровольцем в небе на вашем фронте и сражавшемуся плечом к плечу с русским народом против общего врага - германского фашизма, выразить Вам, сколь я горд и счастлив, что именно советский человек первым открыл во всю ширь мирный путь в космос и вместе с тем первую страницу исследований Вселенной и научного познания мира".

Из Франции пришло много писем. Их писали разные люди, разными словами. Но все они проникнуты одним духом уважения к советскому народу, советской науке, как и письмо боевого товарища советских летчиков-фронтовиков кавалера Франсуа де Жоффра. Мои товарищи по прошлой службе не только писали, но и приезжали в гости. Первыми нагрянули Борис Федорович и Мария Савельевна Вдовины, с которыми мы крепко дружили на Севере. Приехали они в воскресенье из Калуги, где Борис Федорович, уйдя из армии, воспитывает молодежь. Когда я открыл им дверь, то не сразу узнал своего прежнего командира и товарища. До этого я никогда не видел его в штатском. А тут пиджачок и шляпа, из-под которой сияют такие знакомые небесной голубизны глаза.

- Юра!

- Боря!

Мы бросились в объятия друг другу. Обнялись и расцеловались, конечно, и наши жены. Валя тут же потащила гостей к маленькой: Галинку ведь Вдовины еще не видели... Мы пообедали вместе - и пошли разговоры. Вспомнили всех бывших однополчан, потолковали о космосе, о Калуге и не заметили, как наступил тихий майский вечер. Борис Федорович украдкой поглядывал на часы и делал знаки Марии Савельевне: время, мол, уходить...

- Ну, что же, Юра, как говорится, пора нам и честь знать, - сказал он, поднимаясь, - не станем мешать, ты человек видный, тебе теперь не до нас...

Эти слова обидели меня. И чуткая Мария Савельевна поняла, как больно они задели меня и Валю.

- Как ты можешь так говорить, Борис, - сказала она, - разве ты не видишь, что Гагарины остались такими же, как и раньше...

Она была права. Мы остались такими же, как были, и останемся такими всегда. Никакая слава и почет не вскружат нам головы, и мы никогда не оторвемся от товарищей, с которыми съели не один пуд соли, бок о бок с которыми трудимся сейчас.

Вдовины остались ночевать. Правда, было немножко тесновато, и мы устроились на ночь по-походному, кто на раскладушке, кто на диванчике. Но так и не уснули до утра: все разговаривали, перебирали в памяти события и людей. Душевная была встреча...

Через несколько дней, 5 мая, в Соединенных Штатах Америки с базы мыса Канаверал, что в штате Флорида, запустили по баллистической траектории ракету "Редстоун" с пилотом Аланом Шепардом на борту. Ракета взлетела на высоту в 115 миль - это примерно 185 километров, после чего от нее отделилась капсула с пилотом.

Никита Сергеевич Хрущев по этому поводу послал телеграмму президенту Соединенных Штатов Америки Джону Кеннеди. В телеграмме было сказано: "...Последние выдающиеся достижения в освоении человеком космоса открывают безграничные возможности для познания природы во имя прогресса. Прошу передать мои сердечные поздравления летчику Шепарду".

Я просмотрел довольно объемистую пачку американских газет и журналов, посвятивших Алану Шепарду специальные статьи и многочисленные фотоснимки. В день этого полета на пресс-конференции президент Дж. Ф. Кеннеди, комментируя запуск американской ракеты с человеком на борту, заявил, что все люди испытывают огромное удовлетворение этим достижением. Нам предстоит пройти большой путь в области космоса, мы отстали, сказал президент, но мы работаем напряженно, и мы намерены увеличить наши усилия. Газета "Нью-Йорк таймс" с нескрываемой горечью отметила, что ракета, с помощью которой был запущен американский астронавт, имела мощность, составлявшую всего лишь малую часть мощности советской ракеты, а капсула была значительно легче кабины "Востока"; продолжительность полета Алана Шепарда составляла лишь одну шестую часть времени полета "Востока", а расстояние, покрытое американским пилотом, - примерно одну девяностую часть пути, проделанного русским космонавтом.

Я с интересом ознакомился с обширными отчетами многочисленных корреспондентов, бывших свидетелями этого запуска. Старт намечался на 8 часов по нью-йоркскому времени. Но ракета с капсулой "Меркурий" и астронавтом поднялась с пусковой

платформы лишь в 10 часов 34 минуты. Капсулу несл ракета "Редстоун" высотой 25,3 метра. Вес капсулы, в которой находился человек, составлял 1,5 тонны.

Алана Шепарда начали непосредственно готовить к полету после полуночи. После того, как врачи осмотрели его, он занял свое место в капсуле и оставался в ней около трех с половиной часов, ожидая, пока выверят все системы. Из-за технических неполадок выверка задерживалась. Ясно представил я состояние американца в капсуле. Видимо, часы ожидания были самыми неприятными в его жизни, ибо он оставался наедине со своими мыслями. Когда ракета взлетает, тогда уже не остается времени на размышления, приходится работать и все усилия мозга сосредоточивать на том, чтобы полет провести как можно лучше. Большую часть полета американцу приходилось самому контролировать "крен и рысканье" летательного аппарата. На третьей минуте после запуска "Редстоуна" капсула отделилась от него. Через четыре минуты после запуска Алан Шепард испытал состояние невесомости, продолжавшееся около пяти минут. Нам с товарищами вскоре довелось увидеть документальный фильм американской кинохроники об этом полете. Мне, уже испытавшему, что такое полет в космос, были интересны подробности подготовки ракеты "Редстоун" к запуску, ее старта, полета Алана Шепарда и приводнение капсулы с ним в Атлантическом океане вблизи от авианосца с вертолетами на борту. Вот ракета с колоколообразной насадкой на носу - капсулой пилота медленно, как бы нехотя взяла старт и, все убыстряя полет, пошла в чистое небо. Вот кадры, автоматически снятые в самой капсуле. Крупно - лицо Алана Шепарда под гермошлемом. Его жуткие, бегающие глаза. По фигуре и лицу пилота все время скользят солнечные блики - капсулу сильно вращает. Вот она уже на океанской волне. Пилота подбирает вертолет. Он на палубе авианосца, он в празднично украшенной машине, он выступает с речью...

Алан Шепард сделал все, что ему позволила сделать американская наука и техника. Это смелый человек. Я дружески жму его мужественную руку и желаю дальнейших успехов ему и его семье. Думаю, рано или поздно нам удастся встретиться.

Кстати, об Алане Шепарде и его полете мне довелось поговорить с известным американским промышленником лауреатом Ленинской премии "За укрепление мира между народами" Сайрусом Итоном и его женой. Это произошло в дни моего пребывания в Болгарии, где гостил и Сайрус Итон. Он сказал мне, а потом и журналистам, что в интересах дела мира были бы весьма полезны моя поездка в США и встреча с американским народом.

Поездка в Болгарию была вторым моим зарубежным путешествием. Накануне 1 Мая Центральный Комитет Коммунистической партии Чехословакии пригласил меня посетить Чехословацкую Социалистическую Республику. Я с радостью принял приглашение, ибо, хотя и облетел земной шар, никогда до этого в других странах не был, в Чехословакию я летел на обычном рейсовом самолете "ТУ-104". По аэрофлотовскому билету мне досталось место "2а" возле иллюминатора по левому борту. Салоны воздушного корабля заняли студенты из Объединенной Арабской Республики, товарищи из Китая и Чехословакии, а также группа советских туристов, направлявшихся в Италию. Словом, в самолете собрался интернационал народов. Вел нашу машину экипаж во главе с известным летчиком гражданской авиации Героем Советского Союза Павлом Михайловичем Михайловым. Тут же в самолете он подарил мне свою книгу "10 000 часов в воздухе" с дружеской надписью: "С самыми теплыми чувствами в память о первом заграничном рейсе от летчика-земляка. Сегодня Вы у меня пассажиром на "ТУ-104", и, кто знает, может быть, скоро я у Вас буду пассажиром при полете на Луну". Книга пошла по рукам, вызывая у всех улыбку.

Павел Михайлович пригласил меня в пилотскую кабину. Я сел на кресло второго летчика, взял в руки штурвал и, наблюдая за показаниями приборов, повел машину по курсу. Так мне впервые пришлось побывать за штурвалом "ТУ-104". Ничего не скажешь - отличный самолет построил старейшина советских авиационных конструкторов Андрей Николаевич Туполев!

В самолете царил приподнятое настроение. Со всех сторон слышались шутки, произносимые на разных языках мира.

- Не каждому дано полететь с первым космонавтом,- пошутила девушка, направлявшаяся в Италию,- буду рассказывать - никто не поверит.

Девушка тут же для подтверждения факта попросила автограф. Я посмотрел на пассажиров и смутился: если писать всем, работы хватит, пожалуй, до самой Праги.

- Автограф не для меня,- добавила девушка,- а для итальянской коммунистической газеты "Унита".

Я написал: "Большой привет товарищам из "Униты". И эти слова напечатали в Риме.
- Высота - девять тысяч метров, температура за бортом - минус пятьдесят градусов,- сообщила стюардесса Марина Зикалина.

- Как в космосе, не правда ли, Юрий Алексеевич?- с трудом подбирая русские слова, спросил уроженец сирийского города Халеба черноглазый студент Нури Жестон.

- Там похолоднее,- ответил я,- но в кабине "Востока" было тепло. Меня согревали чувства дружбы всех свободлюбивых народов нашей планеты, в том числе и ваших земляков - арабов.

Гостеприимно встретила гостей красавица Злата Прага, засыпала весенними цветами, озарила радостными улыбками, одарила горячими рукопожатиями.

Президент Чехословацкой Социалистической Республики Антонин Новотный в знак высокой оценки исторической победы советской науки и техники при осуществлении первого в мире полета человека в космос присвоил мне почетное звание Героя Социалистического Труда. С чувством благодарности в светлом старинном зале Пражского Града принял я пятиконечную Золотую Звезду - самую высокую награду братской Чехословакии. Эта награда по установившейся традиции вручается один раз в год накануне 1 Мая. Мне было радостно, что вместе со мной в этот день такой награды были удостоены три лучших работника народного хозяйства страны - шахтер Ян Мусил, техник-машиностроитель Иозеф Вагницкий и член сельскохозяйственного кооператива Иозеф Троусил, своим трудом добившиеся замечательных результатов в социалистическом строительстве.

Я побывал на крупнейшем в стране машиностроительном заводе "ЧКД - Сталинград", встретился там с рабочими, техниками, инженерами. Было приятно, что этот могучий завод вырабатывает продукцию отличного качества, направляя часть ее в Советский Союз и другие страны социалистического лагеря. Рабочие подарили мне, как бывшему литейщику, удачно выполненную фигуру литейщика. Вместе с другими подарками я передал ее в музей.

В Праге состоялось много интересных встреч и душевных бесед. Навсегда запомнился сердечный разговор с Президентом республики Антонином Новотным.

- Судьба нашего народа,- сказал он,- связана с судьбой советских людей на вечные времена. Это принцип всей нашей жизни. И нет сил, которые бы могли нарушить великую дружбу наших народов и наших коммунистических партий.

Товарищ Антонин Новотный сказал, что чехословацкие коммунисты всегда получали и получают неоценимую помощь от Коммунистической партии Советского Союза, получали ее и лично от Владимира Ильича Ленина.

- Ленин,- сказал он,- учил нас, помогал нашей молодой партии стать массовой, сильной, действительно коммунистической.

Показывая весеннюю Прагу, один из самых старинных и красивейших городов мира, чехословацкие друзья наряду с Пражским Градом, Карловым мостом, Мавзолеем Клемента Готвальда показали советский танк, вздыбленный на постаменте,- знаменитую "тридцатьчетверку", экипаж которой первым ворвался в город в мае 1945 года.

- Советские войска избавили нашу родину от гитлеровского ига,- говорили мне пражане,- и мы свято чтим все, что связано с их великой освободительной миссией... Находясь в Праге, я побывал в редакции журнала "Проблемы мира и социализма". В конференц-зале собрались работники этого журнала. Произошла хорошая, дружеская беседа. Работники редакции преподнесли мне памятный сувенир - только что вышедший, еще пахнувший типографской краской номер своего журнала с автографами многих представителей коммунистических и рабочих партий мира. А я в ответ написал им: "Полет в космос - это не личный подвиг. Это - достижение коммунизма. Я горжусь тем, что я - коммунист. Передаю через журнал "Проблемы мира и социализма" горячий привет единомышленникам - товарищам по партиям на всем земном шаре".

Покидая Чехословакию, я любовался ее зелеными полями, на которых навсегда стерты межи частных хозяйств. Даже с заоблачной высоты, где летел наш "ТУ-104", видно было, как кипели весенние работы на крупных квадратах кооперативных земель.

Среди пассажиров оказалось много французов, итальянцев, африканцев и кубинцев. Они направлялись на Первомайские праздники в Москву. Пройдя в салон, где расположились летящие из Гаваны Аншен Гутьеррес, Рафаэль Кастеланос и другие кубинцы, я поздравил их с победой, только что одержанной народом героической Кубы, мужественно отразившим вооруженное нападение врагов кубинской революции, и показал им вымпел с цветами государственного флага Кубы, врученный мне в зале Пражского Града

представителями кубинского народа. Я попросил их передать сердечный привет советских космонавтов вождю кубинской революции Фиделю Кастро, которого мы, советские люди, любим и уважаем.

А через некоторое время мне довелось по приглашению Центрального Комитета Болгарской Коммунистической партии, Президиума Народного Собрания и Совета Министров Народной Республики Болгарии побывать в Софии, Пловдиве, Плевене, Варне и других городах этой цветущей страны. Трудящиеся Болгарии прислали тысячи писем в адрес первого космонавта. Во время полета в Софию в воздухе я с интересом прочитал несколько десятков таких писем. Каждое из них трогало искренностью и горячей любовью к Советскому Союзу, к лагерю социализма. На многих конвертах были наклеены новые марки с изображениями советских спутников Земли и космических кораблей. Космическая тема все больше и больше проникала в быт.

Самолет летел над кукурузными полями Украины и виноградниками Молдавии. Он пересек пограничную реку Прут, и вскоре под крылом возникли вышки румынских нефтепромыслов, а слева по борту проплыли сады Бухареста с его белоснежным зданием нового полиграфического комбината "Скынтейя". Прошло немного времени, и открылись живописные ландшафты Болгарии - страны сплошного плодового сада.

И вот я в открытой машине, вместе с Первым секретарем Центрального Комитета Болгарской коммунистической партии Тодором Живковым еду по улицам зеленой Софии. Город разукрашен советскими и болгарскими флагами, на всем пути шпалерами стоял народ, приветствующий новое достижение советской науки. Болгарский язык настолько схож с нашим, русским, что я без переводчика понимал все написанное на плакатах и транспарантах, все, что скандировали люди. А это были слова сердечного приветствия Коммунистической партии Советского Союза, здравницы Никите Сергеевичу Хрущеву, всему нашему народу.

Утром мы оказались уже в Пловдиве - старинном фракийском городе, построенном на зеленых холмах. На одном из них воздвигнут памятник советскому солдату-освободителю. В Болгарии его ласково называют "Алешкой". После стотысячного митинга на центральной площади, на котором я поздравил пловдивчан с их успехами в социалистическом строительстве, мы поднялись на этот вздыбленный холм, к "Алешке". Я положил к его ногам охапку нежных роз и долго смотрел на высеченную из камня фигуру советского воина в походной плащ-палатке, с автоматом в руках. Видимый отовсюду, как часовой, стоял он на вершине, окидывая орлиным взором освещенную солнцем страну.

Я глядел на него, как на живого, и мне казалось, что свежий ветер, летящий с Балканских гор, шевелит его молодые, слегка тронутые сединой пряди волос, выбивающиеся из-под фронтовой пилотки. И до чего же велика обобщающая сила искусства! Я вглядывался в улыбающееся лицо "Алешки" и узнавал в нем волевые черты многих советских людей, которых я знаю.

Вечером я вернулся в Софию, и там мне торжественно вручили высокую награду - орден Георгия Димитрова и Золотую Звезду Героя Социалистического Труда Народной Республики Болгарии; я оказался первым иностранным гражданином, удостоенным этого звания. Принося свою благодарность болгарскому народу, я сказал:

- Я расцениваю эти награды, как награды передовой советской науке, нашему многомиллионному советскому народу, Коммунистической партии Советского Союза и ее Центральному Комитету во главе с Никитой Сергеевичем Хрущевым.

Огромное впечатление произвел на меня традиционный праздник - День просвещения, культуры и славянской письменности - "кириллицы", который вот уже в 104-й раз отмечался болгарским народом. Два часа продолжалась могучая и красочная демонстрация в Софии, посвященная этим любимым в народе торжествам. Она была пронизана искренним восхищением трудящихся Болгарии историческим подвигом советских людей, штурмующих космос. Во многих колоннах можно было видеть портреты К. Э. Циолковского, макеты, изображающие советский космический корабль "Восток". В небо то и дело взлетали "ракеты", сделанные руками учеников и студентов, над головами демонстрантов колыхались плакаты "Небо! Советский человек тебя покори!"

И снова поездка по благоухающей запахом роз стране. Плевен - город боевой славы русского оружия. Тут в огне сражений опробовалась и закалилась русско-болгарская дружба. Здесь все напоминает о далеких днях лета и осени 1877 года, когда русские полки наголову разбили кровожадные войска султанской Турции и положили начало освобождения болгарского народа от многовекового ига янычар оттоманской империи. Парк имени храброго русского полководца Михаила Скобелева, картины известного

баталиста, певца балканской кампании и славы русских солдат Василия Васильевича Верещагина, старинные пушки, саркофаги с останками павших воинов... Все это оставило заметный след в душе.

В Плевене один из старейших болгарских коммунистов, боевой партизан Димитр Грыбчев, рассказал о том, как в тридцатых годах, сидя в Плевенской тюрьме, он вместе с политзаключенными читал книгу К. Э. Циолковского о межпланетных путешествиях.

- Конечно,- сказал Димитр Грыбчев,- я не думал тогда, что именно в Плевене мне придется встретиться с первым космонавтом. Но и тогда, мучаясь и страдая в царских застенках, мы верили в силу и могущество Советского Союза - друга и старшего брата болгарского народа.

Затем Варна - город болгарских моряков и курортов, окантованный песчаными пляжами Черноморья, Стара-Загора, Казанлыкская долина цветущих розовых плантаций и, наконец, обильно политая кровью русских солдат легендарная Шипка, с которой, кажется, видна вся Болгария. Там, на Шипке, пожилая женщина передала мне вышитый платочек с вложенной в него запиской. Ее написали болгарские кооператоры. Они передавали привет нашей славной Коммунистической партии, советским ученым, называя космонавтов соколами коммунизма. Два слова - "соколы коммунизма", а сколько в них настоящей поэзии, музыки и чувств! Так может говорить только свободный народ!

В этом письме, пахнущем плодородной болгарской землей, написанном болгарскими крестьянами и переданном болгарской матерью, как бы сосредоточились вся любовь народа, все его лучшие чувства к советским людям. Весь день я проходил под впечатлением этого ласкового письма, ласковых слов и с чудесным настроением улетел на Родину.

А здесь меня ждали новые встречи, новые поездки. Я слетал в Оренбург, побывал в родном авиационном училище, повидался с преподавателями, выступил перед курсантами.

- Думал ли ты, Юрий Алексеевич,- спросил Ядкар Акбулатов, мой бывший летчик-инструктор,- что твоя фотография окажется в галерее портретов наших выпускников, ставших Героями Советского Союза?

- Много еще места в этой галерее,- ответил я и показал ему на курсантов. - Кто знает, чьи портреты еще придется увидеть здесь! В нашей стране ведь каждый может стать героем.

Все в Оренбурге запоминало о днях моей юности. И прохладные воды Урала, и изумрудная листва заречной рощи, и поросшие дикими цветами степные дали. В хорошем городе довелось мне учиться.

Еще в космосе я решил обязательно побывать в старинном русском городе Калуге - колыбели теории межзвездных полетов. И случай этот быстро представился - калужане пригласили меня на закладку нового музея своего знаменитого земляка - К. Э. Циолковского. С волнением подъезжал я с аэродрома к раскинувшемуся на взгорье городу, утопавшему в свежей зелени садов, только что омытых шумным грозовым ливнем. Первым делом вместе с товарищами мы побывали на могиле ученого, украшенной обелиском, на постаменте которого солнце золотило пророческие слова: "Человечество не останется вечно на земле, но, в погоне за светом и пространством, сначала робко проникнет за пределы атмосферы, а затем завоюет себе все околосолнечное пространство". Когда-то в Саратове я окончил этой фразой К. Э. Циолковского свой доклад о межпланетных сообщениях. Как тесно прошлое переплетается с настоящим! Мы положили венок из живых цветов на дорогую могилу и в долгом молчании почтили память великого провидца. В это время в небе возникла радуга и повисла над городом, словно венок.

Почти весь день мы провели в Калуге, где многое связано с именем К. Э. Циолковского. Его домик-музей. Памятник ученому из бронзы и нержавеющей стали, воздвигнутый в сквере Мира. Улица К. Э. Циолковского. Школа, в которой он более двух десятков лет преподавал точные науки и где сейчас обучает детей русскому языку и литературе его внучка Марина Вениаминовна Самбурова. Я повидался с ней и с ее братом Алексеем Костиным - местным журналистом. Они многое рассказали о своем деде, его жизни, его привычках. И образ гениального ученого стал для меня еще более понятен и близок. Я был глубоко тронут, когда на митинге, собравшемся на площади имени В. И. Ленина, меня вместе с К.Э.Циолковским назвали почетным гражданином города Калуги. Много еще будет смелых полетов в космос, и все наши космонавты будут приезжать в этот близкий их сердцам город, воздавая должное тому, кто первым из людей в своих дерзких планах и чертежах проложил нам путь к звездам.

Мне очень хотелось после полета в космос побывать на своей родине - Смоленщине, погостить в Гжатске, съездить в село Клушино, где прошли детские годы, повидать земляков.

И вот они, милые моему сердцу, раздольные края пахнущие дождем. Глубокая и прохладная река Гжать, опушенная метелками камыша, рожи и перелески, полевые дороги среди цветущей ржи и льна, смугло-золотые вальдшнепы и цоканье соловьев. Все, как в детстве. Только добавились высоковольтные линии электропередач, да больше стало на дорогах машин, да еще, пожалуй, масса новых, недавно построенных домов. И отец с матерью встретили меня в новом доме, все на той же Ленинградской улице, где прошло мое детство. Советское правительство построило и подарило им новый домик, окруженный небольшим яблоневым садом.

Много было радостных, приятных встреч в Гжатске. Я побывал в родной школе на Московской улице, посидел за своей прежней партой, побеседовал со своими учителями, которым многим обязан. Милые, хорошие люди, как много они сделали для меня и как много делают теперь для школьников!

На митинге, состоявшемся в городе, расцвеченном флагами, мы горячо обнялись с учителем физики Львом Михайловичем Беспаловым. Кто знает, не встретить я его, и, может быть, не был бы космонавтом. Это так важно - с детства определить свой дальнейший жизненный путь и идти по нему, не сворачивая в сторону. Лев Михайлович привил мне любовь к физике и точным наукам, познакомил с творчеством К. Э. Циолковского.

За столом, во главе которого хлопотала мама, собрались многочисленные родственники: сестра моя, Зоя, с мужем - фрезеровщиком радиозавода Дмитрием Бруевичем, хорошенькой четырнадцатилетней дочерью Тamarой и десятилетним сыном Юрой, который в подражание мне твердо решил стать космонавтом. Зоя по-прежнему работает медицинской сестрой, все такая же худенькая, с голубенькими сережками в ушах. Она старше меня на семь лет и все никак не может привыкнуть к тому, что я уже взрослый и все могу делать без ее помощи и советов.

Брат Борис успел жениться, работает сласарем-ремонтником на радиозаводе, а молодая жена его Аза Ивановна - сборщица на том же заводе. Брат Валентин по-прежнему шофер на грузовике. Так наша колхозная семья стала семьей рабочей, во главе которой по-прежнему остается строгий и справедливый отец.

Я побывал в нашем ветхом стареньком домике, расположенном через улицу, напротив нового. Все в нем: и запахи, и потрескивание бревен - напоминало о детстве. На стенах, оклеенных желтенькими обоями, висели фотографии нашей семьи, снятой во время пребывания в Кремле. Фотографии эти прислала маме Нина Петровна Хрущева.

К нашему дому приходило много народа: школьники с учителями, колхозники, пришла даже группа дряхлых старушек. Их интересовало - видел ли я в небесах господ бога? Я вынужден был разочаровать их, и мой ответ сильно поколебал их веру. Полет человека в космос нанес сокрушительный удар церковникам. В потоках писем, идущих ко мне, я с удовлетворением читал признания, в которых верующие под впечатлением достижений науки отрекались от бога, соглашались с тем, что бога нет и все связанное с его именем выдумка и чепуха.

В первый же день моего приезда на родину радио передало радостное сообщение о том, что Президиум Верховного Совета СССР, отмечая выдающиеся заслуги Первого секретаря Центрального Комитета КПСС и Председателя Совета Министров СССР Никиты Сергеевича Хрущева в руководстве по созданию и развитию ракетной промышленности, науки и техники и успешном осуществлении первого в мире космического полета советского человека на корабле-спутнике "Восток", открывшем новую эру в освоении космоса, своим Указом наградил товарища Н. С. Хрущева орденом Ленина и третьей золотой медалью "Серп и Молот".

Вместе с первооткрывателем космической эры Никитой Сергеевичем Хрущевым было награждено много рабочих, конструкторов, ученых, руководящих инженерно-технических работников, а также научно-исследовательских институтов, конструкторских бюро и заводов. Семь видных советских ученых и конструкторов были награждены второй золотой медалью "Серп и Молот", а девяносто пяти ведущим конструкторам, руководящим работникам, ученым и рабочим было присвоено звание Героя Социалистического Труда. Шесть тысяч девятьсот двадцать четыре человека были удостоены орденами и медалями Советского Союза.

Узнав из сообщения по радио обо всем этом, я тут же связался с редакцией "Правды" и попросил передать от меня, моих родителей и земляков Никите Сергеевичу Хрущеву и

всем награжденным товарищам наши самые сердечные поздравления. Ведь их самоотверженный труд так высоко поднял славу нашей Родины, проложил человечеству путь во Вселенную!

А утром, когда мы были на рыбалке, на берег нашей прохладной Гжати привезли свежие газеты. Я прочитал товарищам Указы Президиума Верховного Совета СССР и передовую статью "Правды", посвященную великому подвигу советских людей, создавших корабль-спутник "Восток" и направивших его в космос. И тут завязалась задумчивая беседа о творцах космической техники, о той заботе и внимании, которые повседневно проявляют Центральный Комитет нашей партии, Советское правительство и лично сам Никита Сергеевич Хрущев к советским космонавтам и строителям наших могучих космических кораблей. Еще и еще раз рассказывал я землякам о волнующих встречах с Никитой Сергеевичем Хрущевым, происшедших после возвращения на Землю из космоса, с Главным Конструктором, Теоретиком Космонавтики и другими специалистами, о моем друге Космонавте-Два и других товарищах космонавтах, о полетах в зарубежные страны, народы которых горячо приветствовали новое выдающееся достижение советской науки и техники...

Поездка на родину, встречи с земляками, с рабочими и колхозниками, сам воздух, напоенный запахом полей и лесов, наполнили меня новой энергией, и мне захотелось снова, засучив рукава, работать и учиться - делать то, что требует от каждого из нас социалистическая Отчизна.

Дорога в космос! Большое счастье выпало мне оказаться на ее широком просторе, первому совершить полет, о котором давно мечтали люди. Лучшие умы человечества прокладывали нелегкий, тернистый путь к звездам. Полет 12 апреля 1961 года - первые семимильные шаги на этом нелегком пути. Но с каждым годом советский народ - пионер освоения космоса - будет проникать в него все дальше и глубже, ничто не сможет остановить нашего устремления в иные миры, к планетам Вселенной. И я верю, что и мне доведется вместе с моими товарищами-космонавтами совершить еще не один полет, и с каждым разом все выше и дальше от родной Земли. Ведь советские люди не привыкли останавливаться на полпути.

Много имен назвал я в своих записках - пока только первой части книги, в которую, несомненно, будут вписаны новые страницы. Пока это только начало, я еще молод и не собираюсь складывать крылья. Ведь неспроста Дмитрий Павлович Мартьянов, впервые, как орел своего птенца, поднявший меня в небо, говорил:

- Крылья растут от летания.

И Мартьянов и другие товарищи, с которыми довелось делить и радость успехов и горечь неудач на пути к цели, дороги мне тем, что на каждом отрезке жизни делали меня настоящим человеком. С каждым годом все больше и больше людей принимало участие в моем воспитании. Сотни замечательных сынов Отечества были и продолжают оставаться моими наставниками. Каждый из них следует ленинским законам воспитания молодого поколения, и, пользуясь случаем, я приношу им здесь свою сыновнюю благодарность. Я пишу эти заключительные строки своих записок, а по улице, пахнувшей распустившимися цветами липовых деревьев, шумно идут веселые девушки и юноши, одетые в форменные костюмы ремесленников. Не так давно и я принадлежал к их задорному, охваченному романтикой подвигов племени. Ни у кого из них пока нет Золотых Звезд Героя, орденов, лауреатских медалей. Но у них все еще впереди, все дороги жизни с их благами и радостями, завоеванные нашими дедами и отцами, открыты им. Только учись! Гори! Дерзай!

Молодое поколение, перед которым Родина широко распахнула двери в радостную, творческую жизнь. Страна, как заботливая мать, воспитывает его на легендарной истории своей героической Коммунистической партии, на трудовых подвигах народа - творца и созидателя. Это для них - молодых хозяев страны, призванных покорять пространство, и время, и космос, - Родина открыла самые лучшие школы и стадионы, построила лучший в мире Московский университет, где на бронзовой статуе профессора Н. Е. Жуковского высечены вещие слова: "Человек... полетит, опираясь не на силу своих мускулов, а на силу своего разума".

Молодежь Страны Советов смело смотрит в прекрасное будущее. Это ей выпало на долю великое счастье - построить коммунистическое общество. Впереди у каждого молодого советского человека большая и серьезная учеба и работа. Стране нужны инженеры и агрономы, врачи и педагоги, слесари и трактористы. Для человека любой профессии найдется у нас интересное и полезное дело. Советская молодежь самая талантливая в мире. Наши летчики летают быстрее, выше и дальше всех. Наши ученые создают

космические корабли, штурмуют Северный и Южный полюса земного шара. Это они, молодые патриоты, преодолевая летнюю жарынь и зимние ураганы, героически осваивают целинные и залежные земли. В их самоотверженном труде раскрываются мужественные черты высокого морального облика советского народа, вдохновленного великими целями мирного, созидательного труда - строительства коммунизма. Успех первого космического полета побуждает к рвению и мужеству все молодое поколение. Молодежь чувствует, как у нее вырастают крылья. "Все новые и новые советские люди,- говорил Никита Сергеевич Хрущев,- по неизведанным маршрутам полетят в космос, будут изучать его, раскрывать и дальше тайны природы и ставить их на службу человеку, его благосостоянию, на службу миру".
Да, мы все делаем для мира, мы мирные люди, и наша жизнь, вся, до последней кровинки, до последнего дыхания, принадлежит прекрасной социалистической Родине.

Список

Список иллюстраций

Снимки: из альбома семьи Ю. А. Гагарина, Фотохроники ТАСС, Чехословацкого и Болгарского телеграфных агентств, П. Барашева, А. Денисова, П. Квашнюка, В. Лебедева, А. Ляпина, Т. Мельника, Ф. Петрунина, А. Пахомова, С. Раскина, А. Сергеева, А. Софийского, С. Смирнова, А. Сухомлинова, В. Сметанина, А. Устинова, Е. Халдея, Л. Хоменко, Г. Шутова.

Москва, Красная площадь, 14 апреля 1961 года. Никита Сергеевич Хрущев и Юрий Гагарин на трибуне Мавзолея. Рисунок художника А. Яр-Кравченко.

Дом в селе Клушино, Гжатского района, Смоленской области, в котором родился Юрий Гагарин

Детские годы. Юрий Гагарин (сидит в центре), его старший брат Валентин, младший брат Борис и сестра Зоя.

В школе, среди сверстников. Юрий Гагарин стоит первый справа.

Юрий Гагарин принят в пионеры

Гагарин - ученик литейщика Люберецкого завода сельскохозяйственных машин.

Ремесленники. Юрий Гагарин третий слева.

Юрий Гагарин в юношеские годы.

Юрий Гагарин во время производственной практики в Ленинграде.

Юрий Гагарин - студент Саратовского индустриального техникума.

Юрий Гагарин (в центре) рассказывает товарищам по техникуму о своих первых полетах.

Юрий Гагарин - капитан баскетбольной команды.

После первых полетов. Юрий Гагарин - второй слева.

Мечты о небе.

Курсант Юрий Гагарин к полету готов!

Юрий Гагарин - курсант Оренбургского военного авиационного училища.

В кругу семьи. Слева направо: Борис, Юрий, Анна Тимофеевна, Зоя, Алексей Иванович и Валентин Гагарины.

Решающий бросок Юрия Гагарина.

Курсант Юрий Гагарин после успешного полета.

С первым самостоятельным полетом в полку лейтенанта Юрия Гагарина поздравляют командир эскадрильи майор В. Решетов (слева) и секретарь парторганизации капитан А. Росляков.

Юрий и Валентина Гагарины на прогулке.

Юрий Гагарин перед тренировочным прыжком с парашютом.

Леночка - первенец в семье Юрия и Валентины Гагариных.

Над учебником.

В здоровом теле - здоровый дух.

Кабина космонавта: 1 - пульт пилота; 2 - приборная доска с глобусом; 3 - телевизионная камера; 4 - иллюминатор с оптическим ориентатором; 5 - ручка управления ориентацией корабля; 6 - радиоприемник; 7 - контейнеры с пищей.

На тренировках в скафандре.

Красная площадь. Юрий Гагарин перед отъездом на космодром

К старту!

До скорой встречи!

Схема полета космического корабля-спутника "Восток".

Советский человек в космосе!

Первый снимок после возвращения Юрия Гагарина (в центре) из космоса на Землю.

Из района приземления - в штаб космического полета.

14 апреля 1961 года. На Внуковском аэродроме. Юрий Гагарин направляется к правительственной трибуне.

Юрий Гагарин рапортует Первому секретарю ЦК КПСС, Председателю Совета Министров СССР Н.С.Хрущеву об успешном завершении первого в мире космического полета.

Горячая встреча на Внуковском аэродроме.

Торжественный кортеж на улицах Москвы.

Народ приветствует великое достижение советской науки и техники.

Москва, Красная площадь, 14 апреля 1961 года. Товарищи Ю.А.Гагарин, Н.С.Хрущев, Ф.Р.Козлов и Л.И.Брежнев на трибуне Мавзолея.

14 апреля 1961 года. На приеме в Большом Кремлевском дворце в честь выдающегося подвига ученых, инженеров, техников и рабочих, обеспечивших успешное осуществление первого в мире полета человека в космическое пространство.

После вручения Ю.А.Гагарину ордена Ленина, медали "Золотая Звезда" и грамоты летчика-космонавта СССР руководители партии и правительства сфотографировались с членами его семьи и родными. На снимке (в верхнем ряду справа налево): Ф.Р.Козлов, Л.И.Брежнев, В.И.Гагарина, Ю.А.Гагарин, Н.С.Хрущев, А.Т.Гагарина, А.И.Гагарин, К.Е.Ворошилов, Р.Я.Малиновский. В нижнем ряду (справа налево): Б.А.Гагарин, А.И.Гагарина, В.А.Гагарин, З.А.Гагарина.

Юрий Гагарин на пресс-конференции в Доме ученых.

Главный Маршал авиации К. А. Вершинин беседует с Юрием Гагариным.

С дочкой Леночкой.

С малышкой Галинкой.

Злата Прага встречает советского космонавта.

Прага, 28 апреля 1961 года. Первый секретарь ЦК КПЧ, Президент Антонин Новотный беседует с советским космонавтом.

Прага. Митинг трудящихся машиностроительного завода "ЧКД - Сталинград", посвященный встрече с Юрием Гагариным.

София, 22 мая 1961 года. Первый секретарь ЦК БКП Тодор Живков и Председатель Президиума Народного собрания Народной Республики Болгарии Димитр Ганев встречают советского космонавта.

Труженицы болгарских полей приветствуют Юрия Гагарина.

Болгарский хлеб-соль советскому космонавту.

Юрий Гагарин среди офицеров Оренбургского военного авиационного училища.

10 июня 1961 года. Президент и премьер-министр Республики Индонезии доктор Сукарно вручил высшие ордена Индонезийской Республики Председателю Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежневу и первому летчику-космонавту СССР Ю. А. Гагарину. На снимке: доктор Сукарно и И.С.Хрущев с Л.И.Брежневым и Ю.А.Гагариным после вручения наград.

На Шипке.

Хороши линии в прохладной Гжати...

Юрий Гагарин читает землякам Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении Н.С.Хрущева орденом Ленина и третьей золотой медалью "Серп и Молот".